

REFIGURER

ФРЕДЕРИК БЕГБЕДЕР

Идеаль

Бегбедер ищет в России
своего ангела красоты

THE BEST OF **ВНОСТРАНКА**

Annotation

Фредерик Бегбедер, всеевропейская литературная звезда, актер мировых бестселлеров «99 франков», «Любовь живет три года», «Windows on the World», «Романтический эгоист», прославился за эти годы своими скандальными визитами в Россию — с бурными похождениями по ночным клубам и модным барам обеих столиц. Именно о России он и написал свой новый роман. Выход его во Франции обернулся колоссальным скандалом.

Бегбедер возвращает на сцену своего собственного двойника — героя романа «99 франков» по имени Октав Паранго. Успешный и циничный рекламист приезжает теперь в Россию: он ищет новое «рекламное лицо» для мирового гиганта косметической индустрии. Закружившись в вихре снега, красавиц и кокаина, Октав неожиданно для себя беззаветно влюбляется. В минуты отчаяния он исповедуется знакомому священнику в храме Христа Спасителя, попутно комментируя свои похождения. «Идеаль» — вывернутый наизнанку роман-исповедь в «русском» ключе, парадоксальный и ироничный текст о мире, подчиненном диктатуре моды, гламура и утонченного разврата. А еще — о любви: по Тургеневу и по Бегбедеру.

- [ФРЕДЕРИК БЕГБЕДЕР](#)

- [Часть первая](#)

- [1](#)
    - [2](#)
    - [3](#)
    - [4](#)
    - [5](#)
    - [6](#)
    - [7](#)
    - [8](#)
    - [9](#)
    - [10](#)
    - [11](#)
    - [12](#)
    - [13](#)
    - [14](#)
    - [15](#)

- [16](#)

- [17](#)

- [Часть вторая](#)

- [1](#)

- [2](#)

- [3](#)

- [4](#)

- [5](#)

- [6](#)

- [7](#)

- [8](#)

- [9](#)

- [10](#)

- [11](#)

- [Часть третья](#)

- [1](#)

- [2](#)

- [3](#)

- [4](#)

- [5](#)

- [6](#)

- [7](#)

- [8](#)

- [9](#)

- [10](#)

-

-

- [Часть четвертая](#)

- [1](#)

- [2](#)

- [3](#)

- [4](#)

- [5](#)

- [6](#)

- [7](#)

- [8](#)

- [9](#)

- [10](#)

- [11](#)

- [12](#)
- [13](#)
- [14](#)

- [notes](#)

- [1](#)
- [2](#)
- [3](#)
- [4](#)
- [5](#)
- [6](#)
- [7](#)
- [8](#)
- [9](#)
- [10](#)
- [11](#)
- [12](#)
- [13](#)
- [14](#)
- [15](#)
- [16](#)
- [17](#)
- [18](#)
- [19](#)
- [20](#)
- [21](#)
- [22](#)
- [23](#)
- [24](#)
- [25](#)
- [26](#)
- [27](#)
- [28](#)
- [29](#)
- [30](#)
- [31](#)
- [32](#)
- [33](#)
- [34](#)
- [35](#)

- [36](#)
- [37](#)
- [38](#)
- [39](#)
- [40](#)
- [41](#)
- [42](#)
- [43](#)
- [44](#)
- [45](#)
- [46](#)
- [47](#)
- [48](#)
- [49](#)
- [50](#)
- [51](#)
- [52](#)
- [53](#)
- [54](#)
- [55](#)
- [56](#)
- [57](#)
- [58](#)
- [59](#)
- [60](#)
- [61](#)
- [62](#)
- [63](#)
- [64](#)
- [65](#)
- [66](#)
- [67](#)
- [68](#)
- [69](#)
- [70](#)
- [71](#)
- [72](#)
- [73](#)
- [74](#)

- [75](#)
  - [76](#)
  - [77](#)
  - [78](#)
  - [79](#)
  - [80](#)
  - [81](#)
  - [82](#)
  - [83](#)
  - [84](#)
  - [85](#)
  - [86](#)
  - [87](#)
  - [88](#)
  - [89](#)
  - [90](#)
  - [91](#)
  - [92](#)
  - [93](#)
  - [94](#)
  - [95](#)
  - [96](#)
  - [97](#)
  - [98](#)
  - [99](#)
  - [100](#)
  - [101](#)
  - [102](#)
  - [103](#)
  - [104](#)
  - [105](#)
  - [106](#)
  - [107](#)
  - [108](#)
  - [109](#)
  - [110](#)
-

ФРЕДЕРИК БЕГБЕДЕР

Идеаль

Посвящается мне!

Одна моя цель — быть на свободе. Для нее я всем жертвую. Но часто, часто думаю я, что доставит мне свобода... Что буду я один в толпе незнакомой?

Ф.М. Достоевский Письмо брату от 16 августа 1839 г.

Название романа в русском переводе изменено по согласованию с автором.

Часть первая

ZIMA

— Итак, это дело решенное, — промолвил он, глубже усаживаясь в кресло И закулив сигару, — каждый из нас обязан рассказать историю своей первой любви. За вами очередь, Сергей Николаевич.

И. С. Тургенев «Первая любовь»

Окончательно я сошел с ума в год своего сорокалетия. До того, как водится, я делал вид, что вполне нормален. Однако финал комедии нравов чреват безумием. Со мной это произошло после второго развода. У меня оставалось немного денег, и я решил уехать из Франции. Я любил и люблю еще, но тогда я очень надеялся, что смогу обойтись без любви — «смешного чувства, сопровождаемого непристойными телодвижениями», как говаривал Теофиль Готье. Удалось же мне завязать с тяжелыми наркотиками, почему же для любви надо делать исключение? Впервые с рождения я жил один и собирался этим воспользоваться. Возможно, я был лишь типичным представителем нашего бесхребетного времени.

Должен заметить, что жизнь без позвоночника — скучнейшее занятие. Уж не знаю, как они там устраиваются, прочие беспозвоночные. Я рос без отца и не преминул развалить собственную семью, не успела она появиться. У меня не было ни родины, ни корней, ни каких-либо привязанностей, не считая забытого детства, фотографии которого явно фальшивили, и ноутбука, создававшего, благодаря Wi-Fi, иллюзию моей связи с вселенной. Я принимал амнезию за высшую свободу — в наши дни это достаточно распространенное заболевание. Я путешествовал без багажа и снимал меблированные квартиры. Вы находите, что чужая обстановка наводит уныние? Не согласен. А вот часами торчать в магазинах, не зная, какой выбрать стул, — это и правда тоска зеленая. Автомобили тоже меня не интересовали. Мне жаль людей, которые меряются объемами двигателей; страшно сказать, сколько времени они тратят на перечисление марок. Читал я только карманные издания, подчеркивая некоторые пассажи шариковой ручкой, после чего выбрасывал и то и другое (ручку и книжку). Мне казалось, что вещи слишком обременительны, но мысли грузили меня ничуть не меньше. На мебельном складе в парижском пригороде, в глубине старого ангара из гофрированного железа, пылились в картонных коробках мои старые телевизоры. Я вычеркивал в ежедневнике прошедшие дни с упорством заключенного, покрывающего насечками стены своей камеры. Французских газет я не читал, и поэтому новости доходили до меня с многонедельным опозданием. «Умер Эдди Барклай? Да что вы?» Я подолгу не выходил из дому, общаясь с миром через фармацевтические и спанкинг-сайты. В 2005 году я ничего не ел. Думал, что бросил прошлое, как женщину: трусливо, избегая смотреть в глаза. Воображал себя

гражданином мира. Европа представлялась мне памятником старины, которым можно любоваться без гида, ограничившись карманным GPS-навигатором и подчиняясь суровым приказам дамы из черной коробочки: «Через 500 метров приготовьтесь повернуть направо». Я писал открытки, но не отправлял их, складывая стопочкой в обувную коробку вместе с теми, что вернулись со штампом «Адресат выбыл». Я старался не вешать нос, но по заказу ведь ничего не забудешь. Не очень понимаю, зачем я вам все это говорю. В сущности, мне бы хотелось рассказать о том, как я понял, что печаль необходима.

Мое занятие трудно считать профессией: скаут, охотник за талантами, ну и название. Я должен был отыскать самую красивую девушку на свете, и в России у меня глаза разбегались. Иногда мне казалось, что я нечто среднее между дармоедом, контрабандистом и сутенером — этакий стервятник, пожирающий живую плоть, капитан Ахав, чей белый кит звался на сей раз Миряной, Любой или Варварой. Мой карьерный рост зависел от нескольких промеров, объема груди, изгиба бедер и игривого личика. По строптивому носику, чувственному рту и выпуклому лбу я научился распознавать куколку, укутанную в шелковистый кокон. Я строго следил за соотношением длина шеи/расстояние между глазами и выискивал пленительную несогласованность дерзкой юной груди с целомудрием хрупкой надключичной впадины. Красоту можно свести к математическому уравнению: скажем, дистанция между основанием носа и подбородком должна равняться промежутку между верхом лба и бровями. Существуют правила, от которых никуда не денешься, в частности «золотое сечение» (1,61803399), результат деления, например, высоты пирамиды Хеопса на половину ее основания. Вы должны получить эту цифру, разделив свой рост на расстояние ступни — пупок, и ей же в идеале будет равняться частное от деления отрезка ступни — пупок на промежуток пупок — макушка. В противном случае вы неебабельны.

Дни мои протекали незамысловато: утром я подолгу валялся в постели, поднимаясь с тяжелой головой только часа в два, конец дня был посвящен кастингам и фотосессиям, вечера — раздаче визитных карточек. В качестве образца для подражания я выбрал француза Доминика Гала, откопавшего в 1987-м на дюссельдорфской дискотеке Клаудию Шиффер. Я с ним познакомился на одном из пляжей острова Сен-Бартельми, где он поселился, выйдя на пенсию в 43 года. Обаятельный мужик с выразительными чертами лица. Он неплохо сохранился для человека, который не спал двадцать лет. Труден хлеб гламурного вербовщика: сколько раз мне казалось, что я напал на редкое сокровище, на топ-модель будущего, на бедра века, а, подойдя поближе, обнаруживал увядшее, тучное, прыщавое существо со срезанным подбородком, толстыми икрами, редкими волосами, пустым лифчиком и узловатыми коленями. Гала неустанно повторял свою любимую поговорку (Уайльд наоборот): «Не

доверяй первому впечатлению — оно обманчиво». Клаудия Шиффер, дергавшаяся на немецком танцполе, не представляла из себя ничего особенного. Подумаешь, тевтонская дылда с квадратными плечами и зубами — такие там растут как грибы. Но Гала угадал в ней потенциал новой Бардо. Или вот Гия, грузинский скаут, раздобывший Наталью Водянову в Нижнем Новгороде, и армянин Тигран, крышующий московскую вербовку, у которого в арсенале глаз-алмаз, Windows Vista и всевозможные наводки. Здесь модельфайндером так просто не станешь, надо знать все входы и выходы, иметь связи, а также соблюдать определенный набор правил, шесть наиважнейших привожу ниже.

1. Не насиловать девушек (разве что они того потребуют).
2. Никогда не спрашивать номер мобильного телефона у девушки, уже заключившей контракт с Гией или Тиграном.
3. Перемещаться только на машине, с личным шофером и телохранителем.
4. Никогда не заговаривать с девушками, которые ночью носят темные очки.
5. Не употреблять кокаин.
6. А главное — никогда не влюбляться.

Фотогеничность — великая тайна. Некоторые девочки, от которых в жизни глаз не оторвать, выходят пустышками. Таких лучше трахать, не вербуя. Самые потрясающие красотки тускнеют на снимке, а незаметная писюшка с носом картошкой и затравленным взглядом может оказаться вполне рентабельной, если Богу будет угодно влюбить в нее объектив. Все зависит от телосложения, индивидуальности, теней на щеках, волевого подбородка, меланхолии и звериных повадок. Поэтому я никуда не выхожу без доброго старого поляроида. Цифровые аппараты сглаживают рельефы, и волосы становятся сальными от дигитальности. Коринна Дэй открыла Кейт Мосс и продала ее в «The Face» благодаря случайно попавшемуся ей на глаза поляроидному снимку Сары Дукас из лондонского агентства «Storm», которая столкнулась с Кейт в аэропорту Нью-Йорка. Этой англичаночке было тогда всего четырнадцать лет, и она мечтала стать стюардессой. Теперь она зарабатывает 300 миллионов фунтов стерлингов в год (не забывайте, что скаут получает десять процентов от всех ее гонораров! Иногда мне снится чужое счастье). Не знаю, летает ли еще Кейт Мосс пассажирскими рейсами.

Точно знать, на что встает у мужиков, входило в мои обязанности. Покупательский раж у баб вызывают девицы, возбуждающие их мужей. А в начале ХХI века мужчин возбуждает чистота. Вынь да положь им чистоту, сами себе опротивели, что ли. Мужиков теперь привлекает только нимфеточная внешность, поэтому все тетки рдятся в розовых девочек-припевочек. Я всегда с недоверием относился к парням, которые тусуются с юными созданиями, — это либо сен-тропезские крутышки, либо скрытые гомики. Они выступают с ними словно павы и кайфуют, как автомобилисты за рулем новенького спортивного купе. В наше время, когда красивая женщина стала переходящим знаменем, многие вечеринки весьма смахивают на конкурс такс — выигрывает тот, кто продефилирует с самой свеженькой зверушкой под руку. Хозяева ревниво сравнивают фигуры своих спутниц, размер глаз, аромат волос и длину поводка.

— Глянь на мою голубоглазую малышку!

— Да ты позырь лучше на эту фарфоровую куколку с завитыми ресницами.

— Старовата малек. У тебя что, на безрыбье одни крокодилы остались?

— На свою посмотри — точь-в-точь моя бабушка. Пардон, дедушка. Ты б лучше занялся ее младшей сестренкой. (Смех.)

— Слава богу, эти идиотки не говорят по-французски!

— Давай, чмокни ее в щечку, сотрешь бородой верхний слой макияжа, и она заблестит всей своей младенческой красотой.

— Заткнись, я сейчас влюблюсь.

— Бери что хочешь, только не ее.

— Мне б/у не нужны («подержанные» на русском жаргоне).

Женщины тоже состязаются друг с другом, словно шлюхи на панели.

— У меня сиськи толще, чем твои!

— Зато мои настоящие!

Тела взвешивают, как на рыночном прилавке. Все мечтают быть единственными в своем роде, равняясь на одну и ту же гляцевую обложку. Чувства вообще в расчет не принимаются. Думаешь, что влюбился, а на самом деле идешь на поводу у рекламной кампании «Guess». Мы вступили в эру сексапильной бесчеловечности. Я, само собой, не знаю, как это происходило в доброе старое время, поэтому всякое сравнение тут хромает,

но все-таки я сильно сомневаюсь, что представители рода человеческого так ревниво относились друг к другу и прежде. С тех пор как эгоцентризм стал доминирующей идеологией, люди сошли с ума. Боеспособности рекламщиков, этих запевал всемирного прикида, можно только позавидовать. Ежегодных инвестиций в покупку рекламных площадей с лихвой хватило бы на десятикратное искоренение голода на планете, но впаривать клиентам смазливые рожи, чтобы модные бренды остались в top of the mind^[1] голодающих, оказалось важнее. Петер Слотердейк, философ из Карлсруэ, окрестил эту систему «хотизмом без границ». Полагаю, что если бы издательский дом «Конде-Наст» кинул клич, подавляющее большинство юных хотистов развязало бы нешуточную войну за попадание в следующий номер «Вог».

В наше время лишь утопия дана нам в ощущениях. Сериал «Части тела» очень удачно подвел итог первому десятилетию XXI века. Два пластических хирурга из Майами убеждают своих пациенток, что «лучше умереть, чем прекратить борьбу за совершенство». Некоторые диалоги из этого сериала я знаю наизусть. Пронзительный девичий голосок поет, пока идут титры: «Make me beautiful. A perfect mind, a perfect face, a perfect life».^[2] Я обожаю третью серию, где одна жирнячка стреляет себе в рот только потому, что доктор Макнамара отказался делать ей липосакцию. Брызги крови оседают на фотографиях топ-моделей, которыми эта корова увешала свою комнату. Очень трогательная сцена — на грудях Элли Макферсон блестят гемоглобиновые дриппинги, и камера являет нам панораму толстозадого трупа — он распластан на ковровом покрытии, словно кит, выброшенный на Саут-Бич. План на пронзительно голубое небо Флориды, символ полного отсутствия всякого несчастья.

Взгляд человека поневоле падок на правильные черты, гладкий эпидермис и пухлые губки. Безупречность носового хряща упрощает отношения между людьми. Не случайно пышные груди называют буферами — они смягчают силу удара при столкновении. Красавцам по праву платят лучше, чем уродам, ведь они доходнее. Поэтому впрысните себе ботокса ради повышения зарплаты, добавьте, во имя карьерного роста, по пятьдесят граммов в каждую грудь, сделав надрезы в околососковой области, перераспределите подщечные жиры, подтяните скулы — и вы тотчас взлетите по социальной лестнице. Прислушайтесь к себе, и вы поймете, что вам гораздо больше хочется работать с молодыми и красивыми, что вам проще с теми, у кого нет мешков под глазами, а привлекает вас только безупречно гладкая кожа, не испытывавшая еще воздействия возрастных

неврозов. Внешность заманлива.

Не знаю, как сердце, но тело у меня точно бьется. Вряд ли я заслужу прощение вашего Господа, зато мой рассказ поможет мне не меньше психоанализа, а обойдется наверняка дешевле. При всем желании трудно найти диван, роскошнее вашего огромного, перегруженного иконами храма. Впервые я увидел его морозным вечером, когда, во власти алкогольных паров и спеси, я взбрыкнул и, бросив друзей, отправился домой пешком. «Через пятьдесят метров сверните налево», — предупредила меня моя механическая подруга, сидящая в кармане плаща. Ослепительная полная луна взгромоздилась на звонницу, как шлюха на клиента. Я остановился, чтобы насладиться зрелищем этого исполинского пирога, испеченного прямо на берегу замерзшей реки.

Тени подъемных кранов расчертили снег кроссвордной решеткой. Может быть, это луна подняла волну в моей голове? Я взгляда не мог оторвать от массивного собора, напомнившего мне Дом инвалидов, где похоронил себя Наполеон, поняв, что ваша страна ему не по зубам. Несмотря на мольбы мисс GPS, я обошел площадь и, чуть не окоченев (вспомните, было минус тридцать девять), робко приблизился к вашему святилищу. Каково же было мое удивление, когда вы, дорогой отец Иерохиромандрит,^[3] закутавшись в огромную заиндедевшую шубу, вышли оттуда прямо на меня! Когда мы познакомились в церкви на рю Дарю, вы были мелкой сошкой, попомстажером с весьма приблизительным французским, а я в то время писал в «Буаси». Теперь вы выбились в начальники самого главного храма Москвы! А я и не знал, что с рю Дарю можно напрямик попасть в Москву, перескочив через клеточку «Константинополь»! Вы совсем не изменились, то ли дело я — вы ведь с трудом узнали меня из-за пушистой бороды. А узнав, расхохотались, и, укрывшись под навесом, мы договорились об этой исповеди. Помните, как лет десять назад мы квасили в русской бакалейной лавке в Париже? Это было в XX веке, когда ваша Церковь еще подвергалась гонениям... Как звали ту смазливую подавальщицу, которая наполняла наши рюмки вишневой водкой? Ольга? Да, Ольга, ну и память... Признайтесь, вы неровно дышали к этой малышке! Одна из первых блондинок в моей жизни. Помню ее круглые горячие грудки, словно сдобные булочки с пылу с жару. Не успевал я дотронуться до ее сосков, как она кончала, даже не трогая себя внизу, — сдавишь их, бывало, покрепче, и девушка готова. Да,

дорогой митрополит, у меня были с ней шуры-муры, от которых ходуном ходили стены в ее каморке под крышей... Ольга целовалась, как эскимос, потершись своим носом о мой. Она очень вас любила. Вот бы вам предложить ей руку и сердце, ведь православным священникам это не запрещено! Вы все еще холостяк? Неужели? Ха-ха, а наш поп не дурак! Извините, что прикалываюсь. Как я рад вас видеть, сколько лет, сколько зим! Совпадений не существует, у нас было назначено тут свидание. В ту ночь, поклявшись, что мы еще встретимся, я чуть не сдох от холода. С тех пор я, как все, ношу дурацкую меховую шапку и зеленый синтетический пуховик. Мерзлявость — надежное средство от дендизма.

Надо просто дожидаться, пока намеченная жертва нагнется, чтобы достать что-нибудь из сумки, стоящей на полу. Подкрасить губы, высморкаться, прыснуть себе вентолина от астмы или закурить — первобытные рефлексy берут свое. А хищник тут как тут, он затаился в полумраке, подстерегая полоску розового стринга, вылезшую из джинсов «Дизель»... Они чувствуют, что отданы на милость субъекта, присевшего возле них на корточки, и от их неприступности не остается и следа. Нелепость обезьяньей позы способствует взаимопониманию. Расставив ноги и оголив темную бороздку, особенно не позвездишь — наступает этап взаимоизучения. Назовем его братством бабуинов.

Я фотографировал их, не спрашивая разрешения, — в этом состояла моя стратегия захвата. Как правило, они поднимали хай. За кого этот тип себя принимает, старпер, хамло... и вот тут я с французским акцентом объясняю, что делаю, кем работаю и зачем ищу нездешнюю красоту. Как их зовут — Татьяна, Аня или Алена? Слышали ли они про Russian Fashion Week? Хочешь взглянуть на свой портрет? Вот он уже готов. Как насчет того, чтобы стать иконой массмаркета? Иногда лучше вообще молчать при первом знакомстве. Почему? Потому что потребитель, созерцая наши картинки, не беседует с ними! Я с удовольствием разглядывал девочек, словно они уже украшали собой автобусные остановки. Запав на новую мышку, главное — не спешить, а примоститься влюбленным коршуном чуть поодаль и лущить ее в свое удовольствие. Почему они все одинаково душатся («Шансом» от «Шанель»)? Здоровые ли у них зубы, или придется ставить фарфоровые виниры? Волосы хоть натуральные или крашенные краской из супермаркета? Может, им вживили волосные протезы, заблаговременно побрив индийских нищенок в Бангалоре, а на ногти присобачили синтетические миндалевидные нашлепки для удлинения кургузых пальцев? Достаточно ли округлая у них грудь или надо будет всунуть туда эргономические протезы в 295 кубических сантиметров? У них на самом деле такие длинные ноги, или они жульничают, нацепив босоножки на платформе? А что там с задницей — вдруг она унылая, обвисшая, плоская и требует глютеопластики (коррекция ягодиц при помощи силиконовых имплантов) или инъекции фосфатидилхолина для уменьшения локальных жировых отложений на талии? Как обстоит дело с носом — в меру ли он орлиный, или придется обстругать его в фотошопе?

Кожа лица здоровая, или это всего лишь эффект карандаша-корректора, маскирующего прыщи, и искусственного загара? А что у нас с талией — неужто ребра подпилила? Для чего ее лучше использовать — для фотосессий или модных показов, то есть достойны ли ее манеры такого лица? Как она ходит? Как дышит? Хочется ли мне ее поцеловать (хороший знак), жениться на ней (еще более коммерческий вариант) или укусить в шею (незамедлительное подписание эксклюзивного контракта)?

Сегодня все женщины прекрасны на первый взгляд. Потому что они поголовно научились скрывать свои недостатки. Наша работа состоит в том, чтобы заглянуть по ту сторону цветных линз, накладных ресниц, избыточного слоя румян, худящих черных платьев, утягивающих эластичных поясов, лифчиков «Вандербра», бросающих вызов Ньютону (Исааку, не Хельмуту), липосакций и ринопластики, а также гиалуроновой кислоты, которую они себе впрыскивают в губы начиная с шестнадцати лет. Нам ловко расставляют ловушки, используя весь арсенал искусства упаковки: профессиональный скаутинг состоит в умении почувствовать разницу между добротным продуктом и замаскированной страхлюдиной. У нас нет права на ошибку. Они влетают нам в копеечку — авиабилеты, аренда квартир в Париже, подготовка композиток, шампанское в подарочных коробках плюс наркотики, не говоря уже о том, что просто обидно перегружать наших букеров, чтобы год спустя отослать в родную тундру новую партию обдолбанных и депрессивных Наташ с кругами под глазами. Нет, ну правда, что, нам делать нечего, кроме как нянчиться с будущими исполнительницами лэп-данса в каком-нибудь Екатеринбурге или Калининграде. Наши лучшие люди (Дэвид Кейн из «Reservoir Tops», Жан-Франсуа Блондель из «Melody», Джон Вегас и Бертран Фолли из «Aristo», Андрей Крапоткин из «Starsystem», Ксавье Антуан из «Marilou» и ребята из агентства «Lumiere» в Сан-Паулу) за десять секунд определяют вам объемы любой незнакомки. По ночам я развлекался, выпаливая девушкам в лицо сакраментальные цифры: «Let me guess^[4] — 85-59-81» (иногда я мухлевал, чтобы вызвать их расположение: «One meter seventy-eight? Forty-nine kilos?»^[5]). За окном бушевала пурга; туалет в «First» впечатлял керамической плиткой от Труссарди; перед «Vogue Cafe» три конных таксиста ждали, трясаясь на морозе, чтобы за двести рублей отвезти меня, в стельку пьяного, в «Галерею». Случалось, и я дрожал в унисон с этой феерической декорацией, белизна которой сообщала всему, что можно было еще рассмотреть, волшебную ауру, и тогда мне чудилось, что мир

вокруг на редкость правильно устроен.

Мне следовало заарканить девчонок до того, как они нападут на нефтяного магната или банкира и на них прольется золотой дождь. Получив машину и квартиру, они сразу прекращают работать. Подождите, дорогой поп, я ведь не говорю, что мне попадались только шлюхи, просто бедняжки используют единственное находящееся в их распоряжении оружие. В Москве кто не успел, тот опоздал, — надо обернуться, пока Петр Листерман не засунул им в рот брильянт. Вы не знаете Петю? Он приехал из Израиля и оборудовал у себя на даче олимпийский бассейн и лыжню. Как перед ним устоять — конечно, они все от него без ума! И потом уже не хотят сниматься меньше чем за 100 000 евро в час. Вот, например Анна Кузнецова, звезда «Avant Agency», — ее нарыли в деревеньке Медведцево. Анне всего семнадцать лет, но она уже практически недоступна! Таня Дягилева готовится к прыжку, имея в заглазнике снимки Дэвида Симса, сделанные месяц назад... Да, отец, я был засланным казачком на Лебединой войне.^[6] Мои коллеги скауты, представляя своих спутниц, тут же указывали их возраст:

— Это Надя, пятнадцать лет.

— May I introduce to you Ульяну, she's fourteen.^[7]

— Ты знаком со Светланой, тринадцать?

— Hi, how are you, I will be legal in two years.^[8]

Девочек тут прибирают к рукам совсем юными, как и во Франции. Одри Марне, например, начав в четырнадцать лет, теперь снимается в кино и делает украшения, свою карьеру топ-модели она закончила к двадцати шести годам...

Приехав в Россию, я беспрестанно задавал себе один и тот же вопрос: как низко я готов пасть? Легальный возраст для секса — пятнадцать лет и три месяца, но мы все отлично знаем, что они начинают трахаться в тринадцать. Чем дальше, тем страшнее. А где пролегает граница дозволенности фотоснимков, рекламных роликов, вебкам-услуг, показов модного белья и кожных тестов? Судя по всему, меня одного беспокоила растущая педофилизация нашей отрасли. И поскольку мои коллеги считали, что ситуация вполне нормальная, я тоже вскоре перестал дергаться. И трудился на совесть, успешно вызывая у мужчин всего мира желание спать с детьми.

Оттого что я все время грыз ногти, пялясь исподлобья на малолеток, у меня вырос горб. Я кадрил самых непорочных в надежде, что не захочу их. А трахался с ними, только чтобы не поцеловать. У меня создавалось ощущение, что я сношаюсь с глянцевой бумагой. Приятно было помять немножко журнальных куколок. У меня выработался закаленный взгляд мужика, перешедшего от фрустрации прямым к пресыщенности. Мое тщательно продуманное равнодушие очень нравилось новоиспеченным моделькам. Мотаясь с одной вечеринки на другую в компании самых обалденных красоток на свете, я глушил себя таблетками. Подумать только, когда-то мужчины соглашались страдать! Наше поколение решительно против этого.

Лично я, как только подступала тоска, сразу заглатывал пилюлю. Я вырос под наркозом, но это еще ладно, ужас в том, что я понятия не имел, какая женщина мне нужна и к чему я стремлюсь в жизни. Современное общество полагает, что без проявления воли можно обойтись, но на самом деле не знать, чего хочешь, — достаточно серьезная проблема. Наши цели становятся все более расплывчатыми. Разучившись мечтать, мы превратились в тоскливых животных, в заплутавших путников. Либо на душе пусто, либо вокруг туман. В первую минуту это даже приятно — так, свернув не на ту улицу в незнакомом городе, пользуешься неожиданной возможностью побродить, тянешь время, прежде чем спросить дорогу, или просто глазеешь на облака, словно млекопитающее, пасущееся на природе. Но паника тут как тут. Начинаешь судорожно рыться в карманах в поисках карты или GPS-навигатора. Докучаешь туземцам. Ловишь такси. Мало кому достанет мужества заблудиться по правде. В мои планы, во всяком случае, это не входило. На свое сорокалетие я получил в подарок одиночество. Как все-таки трудно быть свободным. Свобода — это бремя, но ее можно одомашнить, как и страх смерти. И вам, в России, это известно лучше, чем где бы то ни было.

Черт, забыл сказать, как меня сюда занесло. Ну поехали: я жертва женской красоты, глобализованного желания и сексуально ориентированного общества. Когда все это стало моей профессией, я спятил. А к вам я пришел, потому что хочу измениться, хватит, больше не могу так жить, даже если считаю, что не несу ответственности за свои действия. Конечно, я отдаю себе отчет в собственной трусости. Я знаю, как

удобно и приятно объявлять себя совсем пропащим. Значит, так, я ничего против не имею, но буду категоричен.

Я помешан на бабах, потому что меня с рождения глушили непристойными картинками (провозглашаю себя жертвой новейшего безумия).

В моем помешательстве прошу винить моих родителей, я просто унаследовал их сумасшествие, мои проблемы — на самом деле не мои, да и их проблемы тоже не были их проблемами, и так далее, по списку: две первые мировые войны, Столетняя война, борьба за огонь...

Я хочу бросать всех, но так, чтобы никто не бросал меня.

Никто не наговняет по своей воле, но, тем не менее, у многих наблюдается явная склонность к этому процессу.

Говорят, за моей наглой ухмылкой скрывается ранимая душа.

Как бы то ни было, любой невроз — ценный козырь в моем ремесле. Так мне сказала Дарья Веледеева, главный редактор русской версии «Grazia».

Короче, я вечно всем недоволен, что, как правило, свойственно детям, которым никогда ни в чем не отказывали.

Женщины — это моя планида. Я хочу завоевать их, как страну или континент. Я мечтаю стать Христофором Колумбом топ-моделей, Васко да Гамой секс-бомб.

Прости меня, *prekрасnaia*, но это сильнее меня: я жажду быть доктором Ливингстоном твоих губ, Нилом Армстронгом твоей шеи. Впиваясь в твои соски, я воскликну: «It's a small step for a man, but a great step for mankind».

[\[9\]](#) А потом, покорив тебя, я поступлю, как первый человек на Луне: воткну свое знамя и вернусь на землю.

Я составлял классификацию девушек, хитпарады тел, списки лиц. (Самое возбуждающее в женщине — это ее лицо; не верьте мужчинам, которые уверяют, будто им важнее грудь или задница, просто у их бабы такая страшная рожа, что они вынуждены переключаться на другое.) Я складывал в прозрачные папки страницы, вырванные из «Мах», «Mademoiselle» и «Purple». У меня в комнате стоит комод с полным ящиком выданных фоток. В один прекрасный день некая капля, видимо, переполнила чашу моего страдания, и меня захлестнуло с головой. Мой мозг стер из памяти эти муки, но они по-прежнему мною рулят. Если вы на меня похожи, мне вас жаль: это значит, что вы современный человек.

Сергей, мой друг-олигарх, часто говорит мне: «Zatkni! Хватит плакаться, Октав, в жопе ты никогда не будешь — в тебе пропал проктолог». Я познакомился с этим потешным миллиардером во время моих ночных марш-бросков. Я прозвал его Идиотом в честь Достоевского. Он живет исключительно в окружении ваннабляшек,^[10] живого свидетельства его успеха. У него был громкий роман с русской Пэрис Хилтон (по имени Ксения). Крупной нефтяной компании, которой руководит Сергей, принадлежат (в числе прочего) два завода по производству уникальных компонентов, редчайших эссенций и тончайших ингредиентов, уничтожающих морщинки в уголках глаз. Он свято бережет секрет омолаживающих масел, как «Кока-Кола» — свою формулу. Надо будет как-нибудь спросить у него, из чего сделаны его кремы, источник вечной молодости. Благодаря своим патентам (равно как и отношениям с Кремлем) он стал одним из самых мощных олигархов на сегодняшний день. На его подмосковной даче, на Rublevka, очень удобно засыпать под утро, растянувшись на живых матрасах. Но даже Идиот мне не мешает: я должен все время критиковать свою жизнь. И я много чего могу порассказать об охотниках за топ-моделями, святой отец.

Самая ужасная проблема моделинга — это вовсе не нимфофилия, и даже не анорексия, а расизм. Надо называть вещи своими именами — мы все гонимся за блондизмой, потому что мы фашисты. Наци предпочитали блондинок — они бы точно запали на словачку Адриану Карембе-Скленарикову, чешек Каролину Куркову, Еву Герцигову, Веронику Вареккову и Петру Немцову (не зря же Гитлер сначала занял Чехословакию — у фюрера были свои приоритеты!). Модельные вербовщики боготворят арийскую расу, присущие ей высокие скулы, светлые глаза, здоровые зубы и мускулистую белизну. Вы же знаете о пристрастии товарища Сталина к юным балеринкам и прелестным амазонкам. Он был таким же антисемитом, как Гитлер. Девушки, не соответствовавшие эстетическим предпочтениям диктаторов, так или иначе уничтожались. Время произвело естественный отбор в нашем лучшем из миров: старухи и уродки оказались на обочине. Красота — это спорт, где очень легко оказаться вне игры. Выборы Мисс — голубая мечта любого фашиста. С одной стороны — эстетские состязания на вылет, с другой — цыганские погромы, учиняемые

скинхедами в московском метро. Оглашая решение жюри девчушкам в купальниках, рыдающим от горя или от счастья, я чувствую себя охранником, сортирующим посетителей у входа в клуб «Дягилев»: это безобразие именуется фейс-контролем (так называли даже журнал, посвященный ночной Москве). Цель лицевой проверки — наказать за непохожесть. История повторяется, демократия тут ничем не поможет. Лучше быть невестой воротилы и ходить на шпильках, чем смуглым «chiorny» с бычьей шеей, если вы хотите, чтобы Паша (самый известный вышибала в Москве) впустил вас в свое заведение. Слово «модель» в этом смысле честнее, чем «манекенщица»: оно лучше выражает идею высшей расы и диктат правильной внешности. Точно то же самое происходит во Франции — наши полные физиономисты прогоняют арабов, если только они не актеры стенд-апа. И еще неизвестно, где выше процент фашизма — в исламском хиджабе или в жюри Fashion Contest и фейс-контроле ночного клуба. Платок хотя бы, скрывая лицо, дает надежду дурнушкам. Конечно, фундаменталисты — это упитанные мачо, запрещающие женщинам водить машину, работать и изменять мужу, а чуть что не так, кидаются камнями или выплескивают в лицо соляную кислоту. Но одна заслуга у них все же есть: они единственные эстеты-антирасисты. Хиджаб борется с искушением красотой и тоталитаризмом смазливых мордашек. Надев чадру, любая женщина имеет шанс понравиться, не подчиняясь канонам красоты, заповеданным последним «Numero». Так где же фашизма больше — в их бурках или в букерах из нашего агентства? Ах, отец, вижу, что вы качаете головой. Качайте, качайте сколько влезет.

Эта история плохо кончится, помяните мое слово. Власть красоты порождает фрустрацию, а фрустрация — ненависть. Нельзя безнаказанно работать на эту идеологию. Начинается с расклейки славянских блонд на стенах, чтобы наварить на очередном шампуне, а кончается морем крови, пролитой неонацистами в день рождения Гитлера, еврейскими погромами, избиениями негров, убийствами кавказцев, бомбардировками чеченцев и резней дагестанцев. Вы, конечно, скажете, batiushka, что вам плевать — они ж не православные. Но меня лично это задевает, потому что во Франции происходит то же самое. У нас с детьми иммигрантов обращаются как с преступниками, пока они ими и впрямь не становятся. Бедняки такие послушные, они поджигают автобусы и тачки просто из вежливости, чтобы соответствовать образу, который им навязывают с рождения. Да, они мало похожи на рекламу «Л'Идеала», которую я буду снимать в следующем квартале. Мои фотографии наделают не меньше жертв, чем

колонизация, — это было бы лестно, если бы не было так мерзко. И ведь не только во Франции крайне правые чуть было не прошли на выборах! В Польше, Словакии, Болгарии, Венгрии и Румынии ультранационалисты и ксенофобы набирают все больше голосов, а то и вовсе приходят к власти. Порой я задаюсь вопросом, не воздвигли ли новую Европу на костях истребленных евреев. Шесть миллионов смертей не могут пройти бесследно — мы уничтожили евреев в Европе, чтобы установить там царство славянских блондинок. Нацисты победили; нашим агентствам осталось лишь пристроиться сзади.

Выйдя из тюрьмы, я начал переписываться по электронной почте с девушкой, фотографии которой никогда не видел. Она нашла мой адрес в справочнике выпускников Школы Боссюэ. Это была гениальная особа, одинокая и образованная, она посылала мне цитаты из малоизвестных стихов и перекачивала свою любимую музыку: «Mazzy Star», «Dusty Springfield», «Anthony & The Johnsons». Вкусы у нас совпадали, и при этом мы надеялись, что они очень оригинальны. Она смешила меня, ее тексты звучали весьма эротично. Вечерами я спешил домой к компьютеру, чтобы поскорее прочесть ее печальные шутки и похабные анекдоты. Она описывала мне, как мастурбирует в туалете на работе, рассказывала о парнях, которых любила безответно, и о тех, кто тут же становился досадной обузой, о тусовках в лесбийских барах, где она целовалась с подружками, и о том, как надиралась водкой с яблочным ликером. По истечении нескольких недель я решил, что влюбился, и назначил ей свидание. Она отказывалась со мной встречаться, тянула кота за хвост, уверяя, что боится меня разочаровать. Но, не устояв перед моим натиском, она сдалась. В конце концов мы встретились в баре парижского отеля, и все рухнуло в одночасье: передо мной стояла уродливая коротышка в массивных очках на толстом прыщавом носу. Мне было ужасно неловко, что я не сумел скрыть своего отвращения. Страшно сказать, сколько дней и ночей я пылко признавался в любви этой крокодиле... Умолял ее пойти куда-нибудь выпить. Даже зарезервировал комнату в отеле, на случай, если мы сразу захотим заняться любовью, а тут, не прошло и пятнадцати минут вежливой беседы, как я поднялся, со словами «ну и чудно, до скорого», прекрасно сознавая (как, впрочем, и она), что это означало «ну и чудище, прощай навсегда». Поцеловав ей ручку-сардельку, я сбежал. С тех пор я игнорирую ее оскорбленные мейлы. Да, мне стыдно быть подлым расистом и фэшнфашистом. Ее тревожное сознание, жестокий юмор и безупречный ум идеально подходили мне, а сердце наверняка сделало бы меня счастливым. Но я фашистская сволочь, и это тем более непростительно, что я сам пережил такие же унижения в юности. Вывод: я бывший урод, который мстит себе подобным.

— Я именно та женщина, которая тебе нужна.

— Если бы ты только похудела килограммов на двадцать!

Вот что я должен был бы ей сказать:

— Когда мне было десять лет, пластический хирург исправил мне уши под общим наркозом. Техника состоит в следующем: сделав кожный надрез за ушами Дамбо,^[11] заново моделируют хрящ, корректируют местоположение ушной раковины, а потом штопают гипоаллергенной ниткой. Десять дней я носил белую повязку на голове и целый месяц спал обмотанный эластичными бинтами. Одноклассники переименовали меня из Лопухого в Мумию. Когда с меня сняли наконец окровавленные путы и вырвали синие нитки, покрывшиеся какой-то слизью, никто даже не заметил, что мои уши больше не торчат из-под волос. «Красота требует жертв»: поверь мне, я знаю смысл этой поговорки. Я рыдал от боли, ради того чтобы не быть уродом. Стремление соответствовать социетальному образцу лишено смысла, просьба не беспокоиться, наши крики о помощи никто не услышит. Да ладно, тебя я не ненавижу,^[12] я себя терпеть не могу, и эта ненависть к себе любимому накладывает отпечаток на мои отношения с прочими представителями рода человеческого. Прощай, бабеч моей жизни.

Теперь позвольте представиться: Октав Паранго, французский скаут, застрявший в стране, которая равняется тридцати Франциям. Работаю на людей, считающих, что женщина старше двадцати четырех лет — та еще рухлядь. Моя деятельность не может на мне не отразиться — я, например, не праздновал свое сорокалетие. Я старею в мире, где стареть запрещено. Я привык косить под молодого: черные мятые рубашки, прорванные на коленях джинсы, кашемировый свитер с треугольным вырезом от «Zadig&Voltaire» на голое тело, взъерошенные волосы, типа только что с постели в любое время суток, плюс недельная борода для легкого налета бунтарства (вообразите себе большевика с машинкой для стрижки в зубах), спортивные туфли, спорта не нюхавшие, майки-поло в обlipку в подражание худющим британским рокерам и джинсы «слим» с заниженной талией, чтобы не обтягивали валик растущего брюшка. Я не пользуюсь дезодорантом — чем вонючей, тем моложе. Себе на сорокалетие я подарил не замшевую куртку, а две замшевые куртки. Каждое утро я рыдаю, выщипывая седые волоски на макушке, в ушах и ноздрах. Я сдабриваю щеки автозагаром, чтобы отливать оранжевым, а не зеленым. Я то и дело провожу рукой по волосам, желая убедиться, что они никуда не делись. Ночью, лежа в ванне, подбираю волоски, плавающие на воде, и прилепляю их на борт, как маньяк, страдающий обсессивно-компульсивным расстройством, после чего торжественно погребаю их в мусорном ведре. Словно старый трансвестит, я испытываю на себе все новые омолаживающие кремы — восстанавливающий «Dior Homme Dermo System» с содержанием заживляющего В-ecdysone и фосфата витамина Е, скрабгель с морским критмумом «Océalys», освежающий гель глубокой очистки от «Clarins», отшелушивающий гель для лица, полный крошечных гранул, которые перекатываются по коже, словно синтетический песок, не говоря уже о концентрированном увлажняющем креме «Facial fuel energizing moisture treatment for men» от «Kiehl's». Ботокс и коктейль DHEA-мелатонин оставляю себе на будущий год. Слушаю Диамс, чтобы не отставать от поколения «Нет-Нет».^[13] Мне исправили близорукость при помощи лазера, искромсав сетчатку, как в «Андалузском псе» Бунюэля, чтобы я мог обходиться без очков (раньше я смахивал на Ива Сен-Лорана, теперь строю из себя Иисуса Христа). Я собираюсь обзавестись фарфоровыми зубами и сделать себе улыбку как у Кита Ричардса

(чистенькую, а не цвета беж). Единственное, что меня пока сдерживает, — это расценки моего дантиста-визажиста: 20 000 евро за пять сеансов, — дороговато за вставную челюсть. Я уже практически записался в спортивный клуб, чтобы повибрировать на тренажере «Power Plate». Прежде чем привести домой девушку, я потихоньку принимаю виагру-100, чтобы смочь три-четыре раза, как будто мне на двадцать лет меньше. Я люблю повторять, что моя глупость — не более чем глупость времени, в котором я живу, но в глубине души понимаю, что время — это просто козел отпущения и моя глупость — мое личное достояние. В сорок с хвостиком мы несем ответственность за свое несчастье, даже если выглядим свежее, чем оно. Да, я совсем забыл сказать, что ушел от жены, потому что она была моей ровесницей.

Ну и вот: я старик поневоле. Не смейтесь — бывают люди, которые рады, что стареют. Правда, они не у власти.

Чтобы доходчивее объяснить вам, как я стал фашистом, я должен рассказать об отце: мне кажется, я пошел в него. Когда родители развелись, отец, возвращаясь из Гонконга, Сингапура или Сиднея, иногда забирал нас со старшим братом к себе на уик-энд. Он жил в двухэтажной квартире с деревянными балками на улице Мэтра Альбера. Мы спали наверху, у каждого была своя комната. Меня уже тогда мучила бессонница. Ночью я слышал, как внизу тренькают кусочки льда в хрустальных стаканах с виски и вылетают пробки из бутылок. То и дело звонили в дверь. С первого этажа до меня доносился девичий смех. По субботам отец устраивал вечеринки, приглашая друзей, американских боссов и завсегдатаев «Кастеля». Последних сопровождали манекенщицы из агентства «Paris-Planning» и скауты в распахнутых рубашках, с волосатым торсом, вечноцветущим загаром и фальшивыми визитными карточками модных фотографов. Они ставили пластинку Стиви Уандера «Song in the Key of Life» — это по-прежнему моя самая любимая музыка всех времен и народов. Оранжевый двойной альбом только что вышел, то есть дело было в 1976 году (датировка по Стиви Уандеру точнее, чем по углероду-14). Отсюда следует, что мне было одиннадцать лет и я блистал новенькими, с иголочки, ушами. Случалось, я долго не мог заснуть и спускался в халате и синей пижаме, с всклокоченной шевелюрой. И что я видел, протерев глаза? Двадцатилетних красавиц, которые радостно сияли мне навстречу белоснежными зубами и мини-юбками: «That is your SON? He is so CUTE!»^[14] Как правило, я мчался в туалет и ждал там, пока краска сойдет с лица. Когда я вылезал из своего убежища, отец подмигивал мне, раскуривая сигару. «Ему только что переклеили уши». Гигантского роста девицы по имени Нина, Ким или Элизабетта, испуганно взвизгивая, рассматривали мои шрамы под волосами, потом восхищались моими зелеными глазами или потешались над тапочками. Вы догадываетесь, в чем проблема? Я кое-что понял про женщин, прыгая на коленях у пахнувших пачули шведских, датских и норвежских манекенщиц, которые пели, щелкая пальцами: «When you feel your life's too hard, just gotta have a talk with God».^[15] У них были светлые волосы, как у моей матери, как желтый свет широких абажуров, как шампанское, искрившееся у них на губах. Они гладили меня по головке, гадали по руке, предсказывая мне сказочное будущее актера или пилота, предлагали для смеха руку и сердце, «Look, he's blushing again, your son is

so ROMANTIC!», [\[16\]](#) задавали нескромные вопросы про отца и совали в качестве взятки орешки или шоколадку «Milka», строили планы, как похитить мальчика и поделить выкуп, но тут наконец вмешивался отец: «Хватит, уже поздно, если б мама видела, она б меня убила». Тогда северные дивы поднимались со мной в спальню, целовали в лоб, в нос, в запястье или в шею, тщательно избегая губ, которые я им всякий раз протягивал, зажмурившись (потому что, честно говоря, жаждал только одного — чтобы эти богини надо мной надругались). Потом они подтыкали мне одеяло, выдыхая сигаретный дым прямо на подушку, мило улыбались в ответ на мою просьбу обнять меня еще раз и покрепче, и я засыпал под дзиньканье их шпилек по лестнице, улетаю в волшебную страну топ-модельных объятий, где я пребываю до сих пор и где, по возможности, хотел бы испустить дух. И чем раньше, тем лучше.

Вот уже год, как я живу в Москве, Городе Обманутых Надежд. Красота здесь стала национальным спортом. Россия огромна, а жители ее бедны — единственное их развлечение состоит в чтении стихов, прогулках по березовым рощам и послеобеденном сне на берегах широких медленотекущих рек. Купола их церквей похожи на шарики мороженого в золотой фольге. Здесь проживает крупная беднота — бывает же крупная буржуазия. В ваших краях мужчины умирают в пятьдесят лет, а их вдовы продают котят у входа в метро. Время от времени старухи гибнут от удара сосульки, свалившейся со строительных лесов. Московская зима — неслабое зрелище.

Русские вынуждены соответствовать необъятности среднеазиатских степей и сибирской тундры — они безответны, но лиричны, обобщены, но высокомерны. Они из кожи вон лезут, чтобы напоминать персонажей чеховской «Чайки», и говорят о высоком на кухнях, где бродит квас и сушатся грибы. У них нет ни гроша в кармане, но деревянные столы ломаются от картошки с растительным маслом, пирогов с маком, пряной селедки, малосольных огурчиков, графинов водки с выгравированными на них птицами, разнообразного варенья и медных самоваров с обжигающим чаем. Вы знакомы всего пару минут, но они уже вещают вам о тщетности любви, гибели счастья и о том, что мир сошел с ума. Они говорят долго, беспрестанно наполняя рюмки и пичкая вас *pirozhoie*. Они гордятся своим фатализмом — да, Россия катится под откос, как всегда, ничего не поделаешь, еще выпьешь? «Нравственные шатания», милые сердцу Достоевского, — самый безболезненный способ смотреть жизни в лицо и верная гарантия от приятных сюрпризов.

Честно говоря, березовые рощи я видел только в окно такси, едучи из аэропорта Шереметьево в город. Или по дороге на Rublevka, здешний Нейи:^[17] березы вспыхивали в ночном мраке огнями фейерверков. Выстроившиеся ровными рядами бледные стволы казались прозрачными соломинками, через которые небо вдыхает рассыпчатый снежок. Что касается наивных ботаников, всклоченных поэтов, обманутых любовников и скисших философов, то любимцы Антона Павловича попадают тут не чаще, чем в Париже. Кухни в России современнее, чем пишат, и меньше размером, и там, как и везде, едят «чикен макнаггетс» в

соусе барбекю. Да, речь у них пламенная, но образ жизни ничем от нашего не отличается — это максимально приятное самоубийство. Может, мои знакомые москвичи — нетипичные представители великой нации? Я, в основном, наблюдал бритых наголо парней в майках от Диора — эти нувориши владеют ночными клубами и гоняют как сумасшедшие на немецких тачках, лавируя между семью готическими сталинскими небоскребами, каменными чудищами, освещенными по ночам наподобие египетских пирамид. «Я с понтом казак! Джигит, в натуре!» Не раз я видел, как высоченные башни стремительно сужаются и исчезают в зеркале заднего вида... Радио горланило русские песни, а я в ужасе орал по-французски, убедившись, что «BMW» целит прямо в пешеходов: «Осторожно! Смотри! Беременная женщина! Красный свет! Вон коляска с ребенком, тормози!» Но главное, я смотрел на девушек, боже мой, русские девушки... местное ноу-хау.

Русская красота не сводится к литературе и лесам, основной ее параметр — женщины. Мы много говорим о залежах углеводородов в этой стране, не замечая главного ее богатства. Американки слишком здоровые, француженки слишком капризные, немки слишком спортивные, японки слишком покорные, итальянки слишком ревнивые, англичанки слишком пьющие, голландки слишком раскрепощенные, испанки слишком томные! Остаются русские. Русские девушки умеют потупить, словно провинившиеся дети, кажется, они вот-вот заплачут, их бирюзовые глаза еле сдерживают слезы, пришедшие из вечной мерзлоты, векового горя, родительских туманов на старых дачах, пустых тарелок в зимнюю стужу, Рождества без подарков, а пожаловаться нельзя, потому что отец тогда пойдет по этапу, и еще этот подлец, ушел и *da svidania* не сказал, их княжеские щеки алчут ласки, словно груди, и при этом они никогда не дрожат, даже на морозе минус двадцать, только зубки облизывают и не отводят взгляда, еле успеваешь различить хорошо отрепетированную капельку росы, блеснувшую на губах, словно зов или вызов. Это цветы, склонившиеся над слабыми мужчинами, они прощают их и вертят ими как хотят, запускают им пальцы в волосы, и даже их пот пахнет сладко, любой самец становится марионеткой в умелых бледных руках, парящих в воздухе, будто лебединые крылья. Теперь, когда планета стала единой страной, вы понимаете, что я имею в виду. Весь мир наслышан о власти русских женщин; именно поэтому им отказывают в визах. Женщины всех национальностей ненавидят их, потому что красота несправедлива, а против несправедливости следует бороться. Русские девушки — это враги.

Ангелам не впервой, у них всегда было полно врагов, перечитайте Библию, это настоящий каталог умученных ангелов.

Итак, я согласился на это задание, не такое, как все, — найти новое лицо для «Л'Идеала», мирового лидера косметической промышленности. Как я уже вам объяснил, в нашем пресыщенном мире хорошо продается только невинность. Отдел сбыта «Л'Идеала» решил модернизировать имидж фирмы (читай: «вытурить старую каргу»). Их пиар-стратегия основана на сегментировании аудитории: пятнадцать — двадцать пять лет (проблемы угреватой кожи); тридцатилетние (считают, что им по-прежнему двадцать); сорокалетние (размечтались, что им все еще тридцать); пятидесятилетние (надеются, что их подтяжки не видны). Мне повезло — я занимался пятнадцати — двадцатипятилетними. Скорее пятнадцати, чем двадцати пяти. Я стал скаутом в модельном агентстве «Аристо». Французским отделением руководил приятель моего отца: отсидев свое, я умудрился завалить телешоу в прайм-тайм и, можно считать, погорел во Франции. Так что эмиграция под этим соусом была мне царским подарком. Вряд ли найдется лучший способ познакомиться с шикарными телками и уложить их к себе в постель. Должен признать, что во Франции, даже в лучшие времена, когда я был богат и знаменит, мне не доводилось общаться с такими экземплярами. Это не бомбы, не пушки, не самолеты — бери выше, тут мы имеем дело с ядерными боеголовками, оружием массового поражения, межпланетными ракетами. Запуск космических кораблей «Союз» производится не на Байконуре, а в Москве! Большинство французов, поселившихся в вашем городе, просто не в состоянии вернуться домой: они точно знают, что на родине подобных куколок им не видать как своих ушей. Те на них просто внимания не обратят, да вряд ли вообще их пути пересекутся — в моей стране красавицы живут в параллельном пространстве, как в гетто, где невидимые барьеры надежно защищают их от приставучих мужланов. В России девушек отгружают вам парами и гроздьями. Я познакомился с французом, который уже просто не может заниматься любовью с одной партнершей. «Вдвоем в постели? Я забыл, как это делается!» Самые отменные аборигенки спят и видят, чтобы в них влюбился богач или, на худой конец, чтобы иностранец увез их в путешествие. Они даже динамят восхитительно, умудрившись внушить тебе, что страшно сожалеют, но, увы, не могут с тобой переспать, — так вышибалы в казино, объясняя, что мест больше нет, пытаются не слишком обидеть клиента, чтобы он вернулся на следующий день, кто знает, жизнь

продолжается. И потом, это не девки, а адский огонь. Райский, пардон! Секс — не более чем техника, izvinite, отец, что я так в лоб, но есть целый ряд жестов, которые русским женщинам даются с потрясающей легкостью, с самого первого раза. Скажем, чтобы избежать скабрёзности, что им свойственны великодушие и долготерпение, а также крайняя... изобретательность. Да ладно вам бурчать, все от природы, от Бога, и грех не воспользоваться его дарами. Московские бабы то заглатывают член, то дробят его, пока он не извергается крещендо в ротовой полости, и не забывают при этом ввести указательный палец в основу основ в то самое мгновение, когда она сокращается от блаженства. Они выпивают все ваши соки и, не канителясь, тут же снова закусывают удила, да так, что вы приходите в полную боевую готовность, послав к чертям презерватив, а потом, взгромоздившись на ваши sex toys, облизывают себе соски, сосут вам все, что можно, пока вы не взмолитесь о пощаде, ладно, хорошо, я заканчиваю перечень услуг населению, батюшка, простите, я надеялся скрасить вам вечер, ну будет вам, я шучу, вы что, святее папы римского, что ли... Уж не знаю, где ваши дамы обучаются этим премудростям, на которые их западные товарки решаются только после полугода ужинов тет-а-тет. Никто так, как русские, не взобьёт вам яйца и не отдастся с таким самозабвением, разве что, может быть, одна марокканка, в которую я был когда-то влюблен, вот только имя ее забыл. Три четверти века секс был единственным развлечением русских (не считая водки и стукачества), в результате они разработали уникальную технологию. Один мой знакомый француз живет тут, потому что на француженку у него больше не стоит. Ладно, ваша правда, этот француз — я! Но нам надо поторапливаться. Ваши методы исповеди меня нервируют, смотрите, сколько верующих мается, ожидая своей очереди.

Даже у дантистов есть приемная! Я бы, конечно, предпочел исповедника-доминиканца, но его не оказалось под рукой.

Искушений у меня было хоть отбавляй, но время поджимало — «Л'Идеалу» срочно требовались новые символы, нам надлежало пополнить запас высоких скул и алых губ. Стандартизация желаний ждать не будет! Спрос рос, поставки предназначались для каталогов, пресс-релизов, рекламных вкладок, витрин газетных киосков и тизинг-кампаний. Наталья Водянова везде поспеть не могла, нужны были новые модели, пусть не такие дорогие и знаменитые, зато свободные. Навар — лицом. Я должен был обеспечить круговорот лиц в природе во имя рекламы глюко-активных увлажняющих питательных кремов. Бертран, мой босс, часто звонил мне,

требуя, словно людоед из «Мальчика-с-пальчика»: «Привези молоднячка». Короче, я обслуживал пожирателей лолит, которые в свою очередь поддерживали на должном уровне мировое либидо.

Поймите меня правильно. Бестелесные самочки необходимы для процветания капиталистической экономики, но мы вынуждены часто их обновлять: ротация романтических образов способствует росту чистой прибыли. К сожалению, невинность манекенщиц — скоропортящийся продукт. Рано или поздно наши модельки приземляются в постели какого-нибудь забияки-футболиста или пьянчужки-актера, либо их фотографируют мобильником в тот момент, когда они вдыхают в каком-нибудь закутке белую дорожку и вырубаются. За исключением Кейт Мосс, никому не удалось подняться после таких вот кадров. Видеозапись гуляла в Интернете, домохозяйки решали сменить лавочку, либо сама лавочка рвала эксклюзивный контракт, и мне снова приходилось отправляться на поиски спасительного интерфейса. Износ ускорялся, это явление окрестили эффектом одноразовой модели. Я получал комиссионные с заработков моих девочек, но дело в том, что их меняли, не успев толком раскрутить, поэтому я попросил, чтобы мне платили аккордно, а не процентами (даже 10 % стало уже нерентабельно, и потом, как проверить доходы?). Запустить девушек мне было легче, чем удержать на плаву. Когда-то успешная малышка держалась лет десять, теперь красота живет три года.

Я охотился за «green» (или «new faces» — так мы называли дебютанток) в Москве и Санкт-Петербурге, подстерегал их у школ Смоленска и Ростова, театральных училищ Новосибирска, Челябинска и Курска, перед мясными лавками Мурманска и Екатеринбурга, университетами Уфы, Самары и Нижнего Новгорода — по всей Российской Федерации, потому что именно в этой мутирующей стране имели неосторожность появиться на свет самые непорочные лица. Разумеется, искомое ангельское создание проживало, как правило, по другому адресу.

— Тебе нравятся узбечки с кошачьими повадками и темной радужкой? Видел бы ты киргизок с раскосыми охряными глазами!

— Совсем офигел, а круглые губки казашек? Подожди еще, тебя ждут опущенные ротки крымских татарок.

— Тащишься от сладострастных таджичек с оливковой кожей? Ты давай приласкай туркменок с мелкими, благоухающими корицей грудками.

Меня командировали в женские заповедники. Каждая следующая моя находка оказывалась еще строптивее предыдущих, и, увы, в отдельных

затерянных регионах бывшего СССР ближайшая соседка живет довольно далеко: приходится трястись в ледяном поезде или лететь на ржавом самолете. Это был вечный поиск, но не Грааля, а нимфы. Можно ли вообще чем-то удовлетвориться? Стоило мне сфотографировать бедную крестьянку, до отвращения безупречную, как мне рассказывали о забытой богом деревне, где доярка родила принцессу, потом о затерянном крае, где на реке живет русалка, или о грязном дворике в самой glubinka, где фея в кроссовках блистает в гуще проспиртованных мужиков. А на борту древнего «Ту-134» авиакомпании «Сибирь», который явно собирался развалиться на части между Днепропетровском и Днепродзержинском,

Мне выдала посадочный талон
Спящая красавица или ее клон.

Припоминаю, что на пути в Нижний Новгород я уснул в поезде бутылочного цвета, разрезавшем заснеженную землю на две гигантские половинки кокосового торта. Вагоны катили между рядами мертвых тополей, которые возродятся к весне, — деревья, по примеру Христа, воскресают каждый год. Как вы знаете, *batiushka*, на берегах Волги возвышаются едва ли не самые красивые соборы в стиле московского барокко (Михайло-Архангельский, Спасо-Преображенский, церковь Рождества и Благовещенский монастырь); зимой их купола похожи на безе. Когда пересекаешь реку, они маячат вдалеке, словно роскошные десерты на подносе официанта в противоположном конце ресторанного зала. Еще в детстве, в По, тоскуя за семейным обедом, я грезил о «плавучем острове», [\[18\]](#) который казался мне вождеденной экзотикой. Но когда я бороздил местные бары в поисках сексуального апофеоза с блестками на губах, клянусь вам, я забывал свою беарнскую юность. Прибыв на вокзал Нижнего, я смотрел, как дождь поливает гигантскую статую Ленина — народу явно было влом стаскивать его с пьедестала, ибо «Ленин жил, Ленин жив, Ленин будет жить»; вокруг «Макдоналдса», как на всех французских вокзалах, под мелкой промозглой моросью теснились порнокиношки, и я тут же кинулся покупать обратный билет. Я рискнул бы улететь отсюда даже на старом «Ане», сваренном горелкой и заклеенном кусочками скотча, или на «Ту» со сломанным носом, — точно такой же недавно разбился в Томске, отправив в нокаут сто три пассажира. Мне было не до жиру. Но тут я увидел Таню и остался. Ради нее я бы сел во все раздолбанные «жигули» Поволжья.

Я вам расскажу одну историю, из которой следует, что чем дольше запрещаешь себе любить, тем вернее это умение атрофируется. Возможно, потерять способность влюбляться — это худшее, что может с нами произойти. В «Семи пятницах» (так называется суперприкольный ресторан в Нижнем Новгороде) я наткнулся на кандидатку на титул Самой Томной Лианы восточной части планеты. Я каменел при одном только взгляде на ее ореховые брови, да и любой мужик, опрокинув пару стаканчиков малиновой наливки, не отказался бы отдать концы в глубинах ее души. Она звалась Татьяной, и я любовался ею, когда она нагибалась, и прятался за своим бокалом, чтобы смотреть на нее как можно дольше. Я советовал ей

держаться прямо, потому что, как все девчонки, вымахавшие слишком быстро, она не избежала сколиоза и все время сутулилась, от лени или просто чтобы казаться чуть ниже. Распущенные темные волосы, на которых расплетенные косички отпечатали невыносимые синусоиды, струились мелкими волнами по ее плечам. После нескольких залпом выпаленных бокалов она согласилась поцеловать меня тайком от подружек и пойти со мной в гостиницу, несмотря на поздний час. Она отказалась снимать лифчик с подушечками, опасаясь, что я сочту ее реальные грудки слишком мелкими. Я успокоил ее:

— Да ладно, оставайся при своем пушапе, ненавижу реальность!

— Pashol na hui!

Эта белоруска в мини-юбке ни за что не хотела возвращаться в родной Минск — ее страна остается последней посткоммунистической диктатурой на Востоке (не считая Северной Кореи и Туркменистана), девушки там стоят гораздо дешевле и противники режима исчезают зимой при полном равнодушии мирового сообщества. Мы проговорили всю ночь, почесывая друг другу спинку и критикуя Nijni Fucking Novgorod. Четырнадцать лет назад этот город именовался Горьким, потому что тут родился писатель Максим; ученого Андрея Сахарова отправили сюда в ссылку; я чуть было не согласился на его участь, чтобы остаться с Таней навсегда, но взял себя в руки. Она говорила, что у меня кожа такая же мягкая, как у нее, спрашивала, может ли она еще пососать мне пальцы и прочие прелести... Я поинтересовался, почему она не стала моделью, и она ответила, что слишком стара (21 год) и что мама ее перекармливает. Мне не давали покоя лавры скаута, заполучившего Наталью Водянову, четырнадцатилетнюю девочку в синтетической шубе, которая торговала цветами на рынках Нижнего Новгорода — но кто сейчас помнит об этом? Птичка оперилась и смылась (поговорка вербовщика). Таня насмешила меня, рассказав то, что наверняка неизвестно Келвину Кляйну: Наталья Водянова продавала вовсе не цветы, а картошку возле остановки автобуса «Счастливая», и скаут нашел ее не на рынке, а на театральных курсах, где она раздавала свои фотографии и номер телефона, как законченная авантюристка. В Нижнем, само собой, все девушки ее ненавидят, и их можно понять — Наталья Водянова, дочь алкоголика, избивавшего свою жену, вышла замуж за человека, занимающего двадцать второе место в списке богатей Великобритании. А мы ведь терпеть не можем сказки со счастливым концом, когда они не про нас.

Закат на Волге возбуждает аппетит. Смотри-ка, сказал я себе, небо

порозовело: либо неподалеку взорвался атомный реактор, либо пора ужинать. Моя долговязая стерва пахла мылом, и губы ее источали сладость, потому что она не переставая жевала «Хуббу-буббу» с арбузным ароматом. У нее были удивительно тонкие руки и длиннющие пальцы — под стать ногам (но более многочисленные). Не моргнув глазом она опрокидывала одну рюмку водки за другой. Ей хватало глотка апельсинового сока, чтобы залить вспыхнувшее пламя. «I am cellulite free!»^[19] Я сказал, что ее ноги как две стрелы, пронзившие мое сердце. Она не поверила, и правильно сделала. А жаль: поверь она мне, я, быть может, тоже бы взял и поверил. А так я упорно гнул свое:

— Спасибо поезду с жесткими койками за то, что он привез меня к тебе...

— Не надо ля-ля, — смеялась она.

— Я приехал в Нижний за тобой, лежа на простынях из наждачной бумаги, которые расцарапали мне спину, хоть и не так глубоко, как твои когти...

— Ля-ля-ля.

— Я приехал, чтобы похитить тебя с берегов Волги...

— Ля-ля.

— Ладно, допей и закатай мне french kiss. — Ля...

— Не подумай, что хвастаюсь, но в данный момент я холост. Такого случая тебе больше не представится, беби.

— Ль...

Она была в два раза меня моложе, то есть в два раза искреннее. Я плел небылицы, надеясь, что во мне что-то проснется. Пытался убедить себя, что работаю, она же во мне видела обычного секс-туриста. Я рассчитывал, что оттолкну ее своей вульгарностью и тогда все пройдет безболезненно. Когда Таня покинула меня на заре или, скорее, когда я отпустил ее, не взяв телефона (именно так прощаются в наши дни — забыв записать несколько цифр), я бросил на нее прощальный взгляд в полумраке, словно пытался запомнить тающие контуры ломкого силуэта и ее тень на занавесках, освещенных предрассветными лучами. Я с нетерпением ждал, когда она отчалит, исчезнет из моей жизни, чтобы наконец вдоволь поскучать о ней. Мне претила ее строгость, я злился, потому что узнавал в ней себя — бедного маленького хищника-мифомана с иссохшим сердцем. Когда она холодно сказала мне по-французски «Au revoir», — я почувствовал, как во мне поднимается волна тоски и благодарности. Я выбежал из номера, но увидел только, как захлопнулась дверца лифта, уносившего от меня ее

печальную усталость, синяки под глазами и «Шанс» от «Шанель». Я спросил:

— Почему вы все душились «Шансом»?

Она улыбнулась:

— I gave you one chance, you've just missed it. [\[20\]](#)

Тогда я парировал в постыдном приступе лиричности:

— I hate you. [\[21\]](#)

Мне бы сказать спасибо: Таня дала мне понять, что неумение страдать — это тоже страдание. Потом я записал:

Ненавижу лифты —

Уезжаешь в них ты.

Ой, да у меня таких историй хоть отбавляй. Аня, Юнна, Мария, Ирина, Евгения, Марта, Галина... я разбирал этих сказочных принцесс по косточкам, терял их, избегал, удерживал, забывал, классифицировал, производил селекцию, шорт-листовал, сравнивал, снобировал, соблазнял, отвергал и тосковал по ним... Работа есть работа: сначала красоту надо пригубить, потом уже губить. Для этого требовалось прежде всего заверить счастливую избранницу в своей порядочности, затем потрясти пачкой рублей перед ее родителями; потом уже агентство вступало в игру и продавало юность по дешевке во имя омолаживающих кремов. «Л'Идеаль» — одно из самых успешных французских предприятий (прибыль — 2 миллиарда евро, торговый оборот — 16 миллиардов), основанное гениальным химиком, чьи наследники позаботились о расцвете его патентов в годы немецкой оккупации. Фирма стала мировым лидером косметической промышленности, долбя один и тот же слоган на всех языках мира: «Ведь все вы уникальны». Знаете ли вы, что слово «косметика» происходит от греческого «космос», а это значит не только «порядок», но и «вселенная»? Этимологически получается, что макияж — это порядок, который правит миром. Косметика космична. Бог — это всего лишь makeup, batiushka! Но кризис не заставил себя ждать: «Гринпис» сообщил, что продукция «Л'Идеаля» содержит синтетические химические добавки, частенько на основе нефтепродуктов и их производных, которые используются в качестве активных ингредиентов, ароматизаторов и антиоксидантов и обладают прискорбным свойством вызывать рак яичников и груди. Засекреченное исследование AFSSAPS (Французское агентство санитарной безопасности медицинской продукции) выявило, что в 2005 году 122 человека пострадали от применения омолаживающих и солнцезащитных кремов. Это, как правило, выражалось в пугающих приступах аллергии, повлекших за собой немедленную госпитализацию (отеки, обширные экземы, утроенные в объеме веки, потеря кожной чувствительности). Короче, продукция «Л'Идеаля» травила потребителей, как ФСБ — своих агентов, окопавшихся в Лондоне. Опасность крылась в ежедневном нанесении на кожу токсичных субстанций (фталатов, синтетического мускуса, хлорных соединений, формальдегида и галактолида). В отличие от фармацевтических лабораторий, производители косметики не обязаны испытывать свою продукцию на животных или

людях, перед тем как запустить в продажу. Французский закон полагает, что кремы менее токсичны, чем лекарства. Промышленникам повезло — они могут вмазать нам в рожу все, что им вздумается.

Экономические ставки больше, чем жизнь: новое лицо фирмы должно выплюнуть на рынок яд, спрятанный в креме. Группа «Л'Идеаль» приобрела недавно The Nature Stores,^[22] чтобы подсластить свой образ экологической пилулей. Все это встало в 940 миллионов евро. Сейчас «Л'Идеаль» готовится к запуску в производство новой омолаживающей молекулы, выработанной группой «Ойлнефть», во главе которой стоит Сергей, мой приятель-олигарх. Лицо, которое я найду, пригодится также для рекламы маски от негативных воздействий окружающей среды. Вот почему мне выдали кучу бабок на представительские расходы: «Л'Идеаль» только во Франции тратит 25 миллионов евро в год на рекламу. Очень кстати — в Париже, будучи копирайтером в рекламном бизнесе, а потом (недолго) телеведущим, я привык сорить деньгами направо и налево. Оправившись от одной неразделенной любви с первого взгляда и перед тем как перейти к следующей, я напивался от радости в «О-ля-ля» и «Шандре», «Бордо» и «Эгоист Голд». Извините, преподобнейший, что упоминаю при вас бары с девочками. Но коли уж я решил исповедаться, придется перечислить вам все грехи, не так ли? Вдаваясь в мельчайшие детали. Я должен признать, что ничем не интересовался и только и делал, что потакал прихотям избалованного ребенка, каковым я являюсь. Транквилизаторы так надежно защищают меня от романтизма, что я уже не способен что-либо почувствовать. Если я вас шокирую, милый поп, остановите меня, не хочу отягощать свою вину. Ад — вот он, а я прошу вас сосватать мне пропуск в рай.

— С ума сойти, Тань, ты все время ешь и ни грамма не прибавляешь!

— Ну, Октав... это как посмотреть!

Она слишком много вдохнула, чтобы быть искренней. Да, в итоге я все-таки снова увиделся с Таней из Нижнего. Она была страшно этим польщена, не понимая, что я ей позвонил, только чтобы ее забыть. Правильно, я хвастался, что не записал ее телефона, и соврал только наполовину. Я выцыганил ее номер у подруги Кати, тусовавшейся с Жан-Мишелем, моим французским приятелем, которого тоже зачем-то занесло в Нижний. В ресторане к нам пристала цыганка, торговавшая розами. Я купил у нее все букеты.

— Нет, спасибо, Октав, не надо цветов, а то я сейчас зареву — они увянут на банкетке ночного клуба.

— Как и ты!

Лучший способ испытать отвращение к женщине, которая понравилась вам по пьяни накануне вечером, — увидеть ее при свете дня. Но Тане палец в рот не клади:

— Ты в тот раз так набрался, что стал похож на китайца!

— Потому что, в отличие от тебя, я завязал с кокаином.

Мы ели коипу — мелкого упитанного грызуна, по вкусу похожего на крота. Не знаю, с какого бодуна мы заказали эту мерзость, возможно, потому, что только в этом случае содержимое наших тарелок могло оказаться еще отвратительнее нас самих. То ли из самолюбия, то ли в надежде на карьеру, мои протеже всегда радовались, когда я снова связывался с ними, хотя это значило только, что я пытался исключить их из своего либидо. Третьего звонка не бывало никогда. Они начинали страдать после второго свидания: оно-то и есть настоящий кастинг. Дневной контроль. Подтверждение прощания. Я стер ее номер из своего мобильного, чтобы не было соблазна позвонить ей в неурочный час. Она, судя по всему, это просекла, потому что к концу обеда перестала надо мной смеяться. Мы оба были взволнованы при мысли, что больше никогда не увидимся. Что вы хотите, в двадцать один год забыть ближнего своего — пара пустяков... Я терял время, а у нее впереди была вся жизнь.

— Знаешь, что ты мне снилась, гадючка?

— You in my heart. You in my dreams too.^[23] Она попросила пощупать ей пульс, чтоб я почувствовал, как быстро бьется ее сердце. Я сказал ей

рока, кусая себе щеки изнутри, чтобы не расплакаться.

Таня была первым звоночком, но я понял это позже, читая Ветхий Завет. Мириады, армии, легионы ангелов (тысяча тысяч в Книге пророка Даниила) не смогли бы меня спасти. Но в то время я еще не знал, что Сатана уже подрезал мне крылья.

Поначалу я имел снежно-бледный вид. Такого количества мертвецов, как в вашем городе, я никогда не видел. Народ гибнет, переходя Тверскую, — поскольку светофоров там нет, машины поддают газу, чтобы задавить пешехода. Однажды на меня напали менты, пытаясь забрать себе мои кредитные карточки, деньги и документы. Я откупился пятьюстами долларами и уехал по Гагаринскому переулку. Умирают на улицах, в барах, в драках. Каждый проезд по Москве — это скачка с препятствиями: либо по три часа торчишь в пробках, либо отдаешь богу душу в «ладе» с пьяным чеченцем за рулем. Мне нравится кататься в Москве на лыжах, съезжая по белоснежному спуску прямо к Большому, мчаться прочь от здания бывшего КГБ (этим видом спорта увлекались еще при Брежневе — натянув на уши шапку, прохожие спешили перейти на другую сторону Лубянской площади, чтобы не слышать протестов невинно осужденных и криков, доносившихся из пыточных камер). Да что вы? Их было не слышно, потому что лубянские подвалы находятся глубоко под землей? Век живи, век учись. Круто у них все было устроено. В сущности, КГБ никуда не делся, он просто сменил согласные в своем названии. Свергнув с пьедестала статую Дзержинского перед зданием ФСБ, вы выбрали себе в президенты образцового служащего этой организации. Подобная преемственность — источник всех ваших бед: вы не перерезали пуповину с мучителями. Россия — страна безнаказанных преступлений и сознательной амнезии. Что вы такое говорите? Умение прощать? Но вам бы следовало знать, святой отец, что прощения надо сначала попросить, а тут это не принято, и половина чиновников как сидела, так и сидит на своих местах. Если вы на самом деле хотели, чтобы справедливость восторжествовала, мэрия должна была установить Соловецкий камень в память жертв ГУЛАГа в центре площади, а не ссылать его в соседний сквер. Тогда по примеру южно-африканцев вы бы смогли амнистировать руководителей, признавших свои злодеяния. Публичная исповедь требует мужества, но это единственный способ покаяться в коллективных преступлениях — альтернативой может стать гражданская война. Вы предпочли сделать вид, что ничего особенного не случилось. Хотя то, что случилось, очень просто сформулировать: случились, отец, ПЯТЬ ХОЛОКОСТОВ. Знаю, о чем вы сейчас думаете: ваш собеседник выпил слишком много водки. Это правда. Но я знаю, что говорю: во Франции нас постигла точно такая же амнезия вследствие

коллорабационизма, Мадагаскара, Индокитая и Алжира. Принято считать, что лучше двигаться вперед, а то если начать открывать архивы, опозорены будут все — к этому, кстати, привела политика люстрации в Румынии, Болгарии и Польше. В Камбодже только тридцать лет спустя начали процесс по делу о геноциде, устроенном красными кхмерами, но главные преступники уже давно умерли. Турки отказываются признать массовые убийства армян. Будет ли Россия готова к публичному саморазоблачению до 2030 года? В темные времена чисты только мертвецы. Кататься на лыжах в городе гораздо забавнее, чем в горах. Скользить приятней, чем ходить. Грязь надо прятать под пушистыми коврами. Скольжение — это способ мышления, а может быть, и жизни. Несешься себе с ветерком по несовершенному бытию, лавируешь между препятствиями и увливаешь от серьезных проблем, входя в роскошные бутики «Mercury» и ГУМа, что напротив мавзолея Ленина, ведь теперь от «Правды» до «Прады» один шаг.

Случалось, выйдя из отеля «Ararat Park Hyatt», я катился по гололеду под руку с близняшкой Миши Бартон. Когда я мчал по Театральному проезду, там уныло толпились бедняги, не попавшие в клуб «Osen», а напротив возвышалась статуя Ивана Федорова, русского Гуттенберга, оглушенного R&B и зажатою между магазином «Бентли», дистрибьютором «Феррари» и ювелирным бутиком «Булгари». Человек, давший в XVI веке старт русской литературе, теперь взят в тиски блядским клубом и шикарными гаражами и обязан слушать целый день напролет «Jenny from the Block»...^[24] незавидная судьба! Через сто метров смурной Карл Маркс пристально смотрит, как рушат Большой театр, стыдливо прикрытый гигантским полотном с рекламой «Ролекса». Четырнадцать лет назад в вашем городе вообще не было рекламных щитов, теперь их тут больше, чем в Париже. Под ногами | у Маркса по-прежнему красуется его призыв: «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!» (отличный был бы слоган для швейцарского часовщика!). Это не тот ли Маркс, который писал: ничто не избежит разлагающего влияния капитализма? Он самый... Когда я думаю, что человек сорок владеет четвертью России... От судьбы не уйдешь... Известно ли вам, что в Освенциме, на месте бывшего лагерного склада, поляки построили дискотеку под чудным названием «System»? Один тоталитаризм приходит на смену другому — демократия тут мнимая, мы сразу перешли к постдемократической System. Ключевые слова для описания системы, которая царит в наши дни на планете, не «капитализм», а «плутократия хотизма». Коллективистская утопия, а следом коммерческая не оставили и мокрого места от нескольких столетий европейского

гуманизма. Если желание, по Боссюэ (ваш собрат священник!), — это движение маятника от вожделения к отвращению и от отвращения к вожделению, то общество хотистов будет вечно метаться между этими двумя идеологиями — вожделизмом и отвращизмом. Вожделизм (ранее известный как зависть, чревоугодие, ревность, прожорливость и сверхпотребление) неминуемо приводит к отвращизму (ранее известному как нигилизм, фашизм, ненависть, терроризм, геноцид). Я вам наскучил? Может, вы и правы: кто мы такие, чтобы говорить о политике, — не тронь говно, и, главное, ни в коем случае не соглашайся с тем, что десятки миллионов людей погибли зря. Я вот думаю, не служит ли русский национализм, национализм вашей церкви и ваших правителей, прикрытием блистательного отсутствия декоммунизации. Когда нет правосудия, воцаряется страх. Именно по этой причине Владимир Буковский требовал устроить коммунистам Нюрнбергский процесс. Пока эта страна не посмотрит в глаза Истории, она не избавится от несчастий, поскольку у всех ее жителей поджилки трясутся. Прошлого не выбирают. Россия после 1991 года — это Германия в 1945-м, Испания после Франко, Италия после Муссолини, Франция после Петена и я после Франции. Атрофия памяти не поможет найти свою дорогу в жизни. Куда меня понесло, izvinite, никак ладан ударил в голову... Может, я возомнил себя Россией? Если уж на то пошло, я тоже ненавижу вспоминать. Я тоже боюсь своего прошлого и запрещаю себе мечтать, собственно, поэтому я и оказался здесь. В самом сердце System.

Зачем лыжи, мне вполне хватило скользких ботинок, чтобы стать королем слалома по грязному снегу на Петровке, между вездесущими сугробами и черными тяжелыми автомобилями, припаркованными в два ряда перед «Галереей». Я научился побеждать одиночество, складывая штабелями голых девиц в свою постель. Отец, вы никогда не узнаете, как сладко приказывать им целовать друг друга, высунув язык, до тех пор, пока они не повиснут обе на тонкой ниточке слюны. И что это я так западаю на секрецию танцовщиц? Обожаю высасывать содержимое их ртов и постоянно прошу, чтобы они на меня плюнули. Слюноотделение, по крайней мере, они не симулируют.

Мечтаю о девушке по вызову, у которой с верхней губы свисали бы сосульки: замороженная стриптизерка — что твой вампир в Карпатах. Мне кажется, я снова готов по-детски втюриться, а что такого, ну в самый последний раз... Пока я дрожу от холода на Арбате, музыка, доносящаяся из тумана, пробуждает во мне желание полюбить девушку, которой нет... Унылый прохожий в безразмерном пальто. Как в «Stranger in Moscow», лучшей песне звездного педофила Майкла Джексона. Вы знаете, о святой отец, наша встреча — мощный антидепрессант. Я даже не думал, что вы подействуете на меня так благотворно. Исповедь в храме Христа Спасителя — еще более гедонистическое предприятие, чем посещение «Hungry Duck» (хотя, как уверяет «Нью-Йорк таймс», это самый сумасшедший бар северного полушария). Я пытался просить помощи в одной психиатрической лечебнице вашего города, но дежурный врач отказался меня госпитализировать. У вас психушки забиты до отказа. Впрочем, мне повезло: говорят, они еще менее гостеприимны, чем в эпоху Солженицына. Ваш позолоченный купол куда лучше покрывает мою вину. Я в полной мере чувствую здесь свою незначительность. Ваш храм отстроили совсем недавно, но москвичи уже ненавидят его, потому что мэр Лужков вбухал в эти камни весь городской бюджет. В похабной нуворишской часовне так классно просить отпущения грехов. Но что-то я заболтался, и потом, столько пациентов ждут своей очереди поплакаться. До скорого, отец. У меня такое впечатление, что ваше молчание может спасти мне жизнь.

Не знаю, что вам о нем сказать: он пристал ко мне в «Night Flight» и я согласилась пойти с ним в гостиницу, ну и вот... Он был страшно милый,

странноватый такой, очень романтический и больно нежный для такого рода заведений... Мы всегда побаиваемся милых клиентов, непонятно зачем они так пафосно клянутся в любви, при том, что мы берем по 500 долларов за полчаса и никогда не перезваниваем! <...> Он все время повторял, что ищет лицо фирмы, и я подумала, что это может мне пригодиться в профессиональном смысле: он твердил не переставая, что у меня груди тверже скул. Поэтому я и оставила ему свою визитку и бук. Знаете, большинство девочек из «Night Flight» снимается в эротических позах, у нас у всех есть визитки с портретом в одном белье. Так что фотки, которые вы обнаружили в его комнате, валяются в спальнях многих московских мужиков.

Ксения В., эскорт-герл.

Мы провели с Октавом несколько вечеров, но я его не знаю и мне нечего вам о нем сообщить. Он ни разу не делился со мной своими планами, и я заявляю, что шокирован и возмущен вашими методами. <...> Да, я признаю, что человек на фотографии в «Golden Dolls», — действительно я, но это еще ни о чем не говорит. Повторяю, я к данному делу не имею никакого отношения и, НЕТ, Я НЕ РАБОТАЮ НА СЕКРЕТНЫЕ СЛУЖБЫ, ну сколько можно? Меня просто подставили <...> Я подтверждаю, что заплатил по счету за трех девушек, угостив их шампанским и взбитыми сливками. Я готов сотрудничать с российской полицией и отвечать на все вопросы, которые мне будут заданы в связи с этим делом.

Ж.-М. Д.,

импортер GPS-антирадаров.

He said he was looking for new faces. It was my dream to become a model so I accepted to take pictures at his studio. He was very professional so we had an affair together. It didn't last long, He said I was too young, he was nervous, always asking for my I.D. card.

But Karolina Kurkova was 15 when she signed her first contract with Miuccia Prada! I don't see the problem. [\[25\]](#)

Yurgita P., model, «Aristo agency», Moscow.

Я ничего о нем не знаю, но он мне говорил, что общается с одним священником. Православная церковь очень близка к властям. Возможно, он хотел выдать себя за боевика, чтобы подозрение пало на чеченских сепаратистов. Как знать?

Ирина В., PR-менеджер фриланс, ответственная за PR-поддержку

и организацию мероприятий конкурса «Aristo Style of the Moment».

Не знаю, поможет ли вам мой рассказ понять, что произошло. Как-то раз, во время фотосессии в его студии, этот психопат заявил, что сможет заставить меня заплакать два раза подряд, — просто расскажет мне одну историю, и все. Он хотел, чтобы у меня заблестели глаза, так картинка получается чувственнее. Я сказала, пусть попробует.

— Представь себе, — начал он, — белого медвежонок на льдине. Он весело прыгает вокруг своей матери, но внезапно в нее стреляет охотник. Мама-медведица шатается и заваливается на бок, по ее белоснежной шерсти расползается круглое алое пятно. Она рычит от боли. А медвежонок ничего не замечает, он продолжает резвиться, пока не понимает вдруг, что его мама лежит неподвижно. Поначалу ему кажется, что она спит. Он пихает ее, покусывает ей морду, обнюхивает закрытые глаза. Пытается поднять ей лапу, сначала одну, потом другую, но они тяжело падают в красный липкий снег. Тщетно пробует он ее разбудить. Проходит десять, двадцать, тридцать минут. В конце концов детеныш догадывается, что она умерла. Он принимается стонать, поначалу хрипло, тихонько, словно обиженный ребенок, потом кричит, ревет, воеет на луну. Попробуй вообразить себе, как медвежонок, стоя в луже крови, понимает, что остался один на свете, и выпускает нечеловеческие крики или, наоборот, человеческие, что еще хуже для животного.

Когда он мне описал эту сцену, я заплакала. Он тоже плакал. Это было поразительно. А он продолжал:

— Понимаешь, медвежонок оплакивает маму. Он зовет на помощь, его бросили, он в отчаянии.

Теряя родителей, мы разом взрослеем, пытаюсь совладать с безумным горем и ужасом. Он уже собрался было уйти по льдине вдаль, как вдруг что-то останавливает его, и он возвращается к матери. Он норовит поднять ей веко, полизать морду. Он не сдается, И вдруг происходит невероятное: медведица открывает один глаз, потом второй! Она шевелится, дышит, зевает и потягивается! И снова медвежонок кричит, на этот раз от радости. Он кружится на месте, залезает на нее, она нежно его отпихивает... Представь! Оказывается, пуля не убила, а лишь слегка оцарапала медведицу, она потеряла сознание и пришла в себя, когда боль утихла. Свершилось чудо. Человек ушел, медведица и детеныш прильнули друг к другу, чтобы согреться, и исчезли в пурге, вне себя от счастья, словно заново родились на свет.

Октав оказался прав, я снова зарыдала, теперь от восторга. Это было волшебным. Он безостановочно щелкал мои слезы, стекавшие вместе с тушью. Печаль моя оказалась очень фотогеничной — не хуже рекламы «Сислея».

— Видишь, — сказал в заключение Октав, — второй раз твой плач был еще прекраснее, потому что ты проливала слезы возрождения. Я только что рассказал тебе самую прекрасную историю на свете — Евангелие.

**Ирина К.,
модель, агентство «Аристо», Москва.**

Кто вам дал мой телефон? А, тот француз, который принял меня за белоруску, — так я развела его как лоха, черт меня дернул оставить ему свои координаты. Он всю ночь напролет выпрашивал у меня мой номер телефона! Он искал наркотики, уверял меня, что завязал, но почему-то только о них и говорил, как все наркоманы в ломке. Сказал, что с кокаином вечно одно и то же — либо его нюхаешь слишком много, либо слишком мало. Во урод! Но у меня, есть принцип: я своего телефона никому не даю, а то потом неприятностей не оберешься, и ваш звонок — лучшее тому доказательство!

Татьяна С, студентка, Нижний Новгород.

Не знаю, что вам и сказать о моем сыне. Я потрясена. Столько погибших... Извините. Вы не могли бы дать мне стакан воды? <...> Он был живым, резвым мальчиком. Всегда стремился быть в центре внимания, прыгал, дурачился, — сегодня, его называли бы «возбудимым ребенком», тогда говорили «неусидчивый». Выговоры его учителей я принимала за комплименты, уважая ценность детского бунтарства, черт побери, вы считаете, что я во всем виновата? <...> Я воспитывала их с братом одна, ну и натерпелась я с ними, полагаю, он скрывал свою депрессию, как я скрывала свою... Дети крайне чувствительны к настроению близких. Нет, я не думаю, что я потакала влечению Октава ко мне или соперничеству со старшим братом. Но каюсь, мне было лестно, что мои мальчики от меня без ума! Его помешательство трудно объяснить. Он никогда не был обделен любовью. Может, ее было слишком много? Не будете же вы упрекать мать в излишней любви к детям! Увы, развод — обычная вещь, сегодня, многие с этим сталкиваются., но нельзя же все сваливать на развод, тоже мне палочка-выручалочка, если бы все дети разведенных родителей сходили с ума, мир бы кишел психопатами,

разгуливающими на свободе. Подумайте сами!

Софи де Л., мать подозреваемого, Париж.

**(Свидетельские показания, зарегистрированные после теракта в
Главном следственном управлении ГУВД Москвы.)**

Часть вторая

VESNA

Гроза омыла Москву 29 апреля, и стал сладостен воздух, и душа как-то смягчилась, и жить захотелось.

Михаил Булгаков «Театральный роман»

Zdrastvuite вам, papasha! Есть ли у манекенщиц душа? Я задумался о метафизике топ-моделей, входя на цыпочках в ваш атомный гриб. Таксист, высаживая меня перед храмом, рассыпался в благодарностях, когда я отказался взять сдачу:

— Будь богатым, как Роман Абрамович, который скупил пол-Англии, и живи сто семь лет, как моя бабушка!

Чаевые — залог дружбы. Спасибо, что согласились снова меня принять, дорогой pater poster. В воде, омывающей ваш позолоченный купол, отражается сегодня пурпурное небо, расцарапанное желтыми подъемными кранами, мычащими на ветру над Москвой-рекой, короче, я хочу сказать, что у вас тут красиво, если, конечно, конец света способен радовать взор. Как здорово пройтись по лужковскому мосту, оставив позади себя остров, где в помещении бывшей шоколадной фабрики строят лофты для богачей, подняться по сизо-розовой, словно облака, лестнице и обойти фонари, крапинками усеявшие вашу дурацкую «чернильницу». Дом на набережной, по ту сторону серой реки, выглядит так же радушно, как и в романе Трифонова. В роскошных московских апартаментах олигархия пришла на смену номенклатуре — пусть кто-нибудь попробует объяснить мне, в чем разница между ними, лично я не вижу смысла в ваших революциях, которые никогда ничего не меняют. Впрочем, нет — в свое время верные слуги режима любовались из окна бассейном, теперь — вашим храмом. Прогресс налицо, не так ли? Но позвольте мне заметить, что псевдобронзовые барельефы, украшающие ваш фасад, просто-напросто безобразны, равно как и плиты на паперти. Почему было не склеить заново осколки старого Христа Спасителя, похороненного на кладбище Донского монастыря? Вашему новому, «с иголочки», храму налет времени не повредил бы. Фрески в нем еще сырые, а стены возмутительно непорочны — чем не декорация в съемочном павильоне. Святость тут и не ночевала, даже богослужения отдают бутафорией. Izvinite, я вечно все критикую, французы — известные мастера слова, а не дела. Кстати, если уж я перешел к рекламациям, исповедоваться стоя ужасно неудобно. Я только начал, а у меня уже спина ноет. Почему бы вам, православным, не установить у себя исповедальни, как у католиков? Ради соблюдения вашего мазохистского ритуала нам приходится беседовать на ходу, в толпе любопытных старушек в платочках. Бабушки жадно ловят каждое наше

слово — хорошо еще, они не говорят по-французски так бегло, как вы, — ваша парижская ссылка в девяностых не прошла даром. Когда-то все русские говорили на моем языке: Достоевский — с детьми, Тургенев — с Флобером, Набоков — с Пивом^[26] и Габриэль Матцнев^[27] — со мной. Сегодня этот почин забыт, и у вас, как и везде, английский правит бал. В языке моих осин от парижских казаков осталось лишь одно слово — «bistro» (от русского «быстро»), но я его произношу довольно часто, так что воздадим ему должное. Разговор на мертвом языке защищает от чужих ушей. Но стоячка, прямо вам скажу, не располагает к просьбам об отпущении грехов! А ваши четырехчасовые службы (совсем скоро, на Пасху, они будут длиться вообще шесть) вредны для здоровья после бурной ночи! Во время нашей последней встречи я сравнил вас с психоаналитиком, но у Фрейда по крайней мере можно было прилечь на диван...

Не могу себе простить, что так давно не давал вам знать о себе: что-то я совсем заработался. Мне пришлось вернуться в Париж на переговоры с клиентом. Должен вам сказать, что обстановочка там еще мрачнее, чем в те времена, когда вы читали проповеди в церкви Александра Невского на рю Дарю. Хоть тамошняя зима и мягче московской, французы депрессируют больше, чем русские. А что вы хотите: они-то еще не утратили иллюзий и упорно ищут свет в конце туннеля, это даже трогательно. Что, извините? Да, кое-кто еще верит и в вашего Господа, что есть, то есть. Но в модельных агентствах таких меньшинство. Чтобы скрасить как-то отсутствие надежды, почти все наши сотрудники ширяются блаженством, как и я. Можно, я вам кое-что скажу? В конце концов, я пришел именно с этой целью. Похоже, большая часть вашей русской паствы рассматривает религию как убежище, не особенно веря в Бога, — просто им кажется, что Господь предпочтительнее капитализма.

Возврат к истокам избавляет от терзаний, вызванных падением советского строя. Глобализованный гедонизм делает ставку на тот же принцип, что и сталинизм: вруны запудривают мозги кретинам. Но гедонизм еще более пуст, чем коммунизм, — это первая в мире пессимистическая религия. Так что Бог... лучше ГУЛАГа и дешевле «бентли». Какой все-таки странный век... Надо было семьдесят лет длить революцию, ради того чтобы превратить Москву в образцовый Лас-Вегас и, вернувшись в лоно Церкви, исповедаться в содеянных мерзостях.

Уверяю вас, у моих знакомых атеистов та же задача, что и у ваших верующих, недавно получивших свободу: что угодно, только бы не думать. Уходить от неприятных вопросов — работа с полной занятостью. Кто я —

счастливцев, любимцев, поганцев? Или смертників, брошенных па бесплодной земле? Стоит ли жить, чтобы платить столько налогов? Как остаться мужчиной при матриархате? Кем мы заменим Бога па этот раз — веб-камерой, плеткой или комнатной собачкой? Чтобы заглушить свое одиночество и заклать безмолвие, эти нехристи покупают автомобили в кредит, скачивают песни, начинают кирать с обеда, принимают стимуляторы по утрам и снотворное по ночам (иногда наоборот), просмотрев записную книжку в мобильнике, оставляют сообщение «я тебя люблю» сразу на нескольких ответчиках, подписываются на все кабельные каналы для взрослых и заполняют свой ежедневник встречами, которые отменяют в последний момент, опасаясь, что не смогут на людях сказать хоть слово, не разрыдавшись. Они ходят по улице, читая эсэмэски и не глядя под ноги (то есть вляпываются на каждом шагу в какашки Лабрадора), онанируют, читая «Playboy» или «In Style», визжат от радости, когда капитан любимой футбольной команды бьет головой под дых игрока противника, носятся, переступая через разлегшихся на полу бомжей, по подземным коммерческим центрам, похожим на тематические парки, бьются, чтобы заполучить игровую приставку «Nintendo Wii» раньше соседа, звонят на рассвете в «неотложку», просто чтобы услышать человеческий голос, и покупают себе DVD со вторым сезоном «Клиент всегда мертв», который так и останется в целлофановой упаковке, потому что им приятнее мастурбировать, листая садомазохистские комиксы. А в свободное от вышеизложенного время они бегут против движения по тренажерной дорожке, пытаясь забыть, что озоновый слой истончается с каждым часом. Индустрия гедонизма предлагает пугающее количество развлечений, чтобы было чем забить голову. Или чтобы помешать нам использовать ее по назначению? Это началось не вчера (Платон и Паскаль уже давно заметили, что человек бежит реальности), просто процесс набирает обороты. У народа одно на уме — как бы оттянуться. Да, человек мчится стремглав в мир удовольствий, но, на мой взгляд, бегство — это все равно поиск, только с обратным знаком. Чего же мы ищем? Любви, вы думаете? Ой, не надо, не разводите мне тут православные тары-бары с посткоммунистическим душком. Бога? Тоже утопия. Мы мечтаем о мечте. То есть стоя спим, как вы, слушая меня.

— Господа, наша цель проста — мы должны добиться того, чтобы три миллиарда женщин захотели стать образом и подобием одной-единственной. Проблема в том, как ее найти.

Неплохое введение в предмет, а? Вернувшись в Париж, я продемонстрировал поляроидные снимки с кастинга московского агентства «Аристо» в офисе «Л'Идеала», — помните, я вам рассказывал в прошлый раз об этом канцерогенном крематории для кожи. К несчастью, за блестящим вступлением последовал полный провал — ни одна девица не пришлась им по вкусу. Они места себе не находят, им, видите ли, приспичило омолодить образ марки на ближайшие годы, и ставки так высоки, что заказчики так и не смогли сделать выбор. У всех моих подопечных нашелся изъян: Юргита оказалась чересчур юна, Катарина — чересчур вульгарна, Таня — чересчур высока, Ирина — чересчур улыбчива, Олеся — чересчур худа, Ксения — чересчур слаба на передок, Дана — чересчур мила... Брендменеджеры пускали слюни, понимая, что им не грозит познакомиться с такой прелестью (разве что провести с ней минут десять на фотосъемке, — не удостоив их взглядом, с бигудями на голове и мобильником у уха, она протянет им руку и, вежливо улыбнувшись, примется повествовать гримеру о своей личной жизни). Самцы «Л'Идеала» жаждали отомстить за свою сексуальную фрустрацию, но имели в арсенале лишь привередливые гримасы. Впервые в жизни они решали судьбы красавиц.

— У этой уж больно славянский тип.

— Та вот была бы ничего, но у нее родинка совсем как у Синди Кроуфорд.

— У вас нет такой же, но чуток позападнее? Менее eighties?^[28] Более glowy?^[29] Менее pulpy?^[30]

— Для телепиара лучше бы она говорила по-французски.

— Ваши девушки слишком girly^[31] и недостаточно wild.^[32]

— Да, не хотелось бы тинейджерить марку.

— Нужен рок-н-ролл, гламур, чтоб все ну... свинговало, что ли, — смущенный кашель, — я хочу сказать... трэшевало.

— Осторожнее, мы все-таки мейнстримный бренд.

— Да, но ведь теперь трэш — это мейнстрим!

Парень, произнесший это, утер лоб бумажной салфеткой с тисненым

логотипом «L'Idéal — Because you are all unique».^[33]

— Будущее, движение, риск — вот наше кредо.

— А что, если организовать пати с папарацци, где одна из ваших девиц нюхнула бы белую дорожку? Кейт-то вон снова взлетела по ней на гребень волны.

— Я не андерстэнд, клиента этим не сатисфакнуть.

— В таком виде мы не можем ее гринлайтить.^[34]

— Они все как отмороженные. Не умеют держаться. Однодневки.

Южнокорейский транссексуал пришел с опозданием, махнув нам веером — типа «продолжайте, меня тут нет» — и продемонстрировав тем самым, что он единственная важная дама на нашем собрании. Shemale^[35] с серыми перекроенными скулами, высоченная длинноволосая diva mutante (копия Гришки Богдановфа^[36]) в декольтированном пиджаке в обlipку, пригладила туго затянутый хвост весом в 25 миллионов евро рекламной площади в год:

— Я вот чего думаю — если уж брать русскую, то почему бы не взять чеченку?

— Классная идея!

— Lee, you are so bright!^[37]

— С чеченкой мы наварим больше.

— Неслабо! Это придаст образу «Л'Идеаля» гуманности и charity,^[38] брендовая мысль, в натуре!

— Мусульманка не капает с нашими беспрэкτισами, но ради такого случая можно и соскочить. Но все-таки придется произвести дабл-чекинг с региональными директорами.

— Обеспечишь бенчмаркетинг — я покупаю на восемьсот процентов.

— Подожди, ты хочешь чеченку нюхающую или обычную?

— Очень остроумно. Shut the fuck up. Too many jokes.^[39]

Бывший гендиректор стал гендиректриссой парижского отделения «L'Idéal Paris International», сменив пол по примеру одного из братьев Вачовски. Эта новоиспеченная женщина (он только что вставил себе импланты груди ЭОС) стала одной из самых влиятельных в мире: вкусы Ли Чан-Йонга определяли внешность миллионов наших клиенток. Когда он открывал рот, все остальные закрывали его. Директора по развитию, руководители подразделений, начальники групп и брендменеджеры внезапно лишались дара речи. Человек, решившийся на смену пола, не мог не быть экспертом по женственности. Его слово имело больше веса, чем мнения любых мужчин и женщин, поскольку он был и то и другое. Ли Чан-

Ионг зашел дальше, чем все его собраты, на пути понимания клиентов: как ни крути, откромсать себе пенис — акт высокой профессиональной сознательности. Мне тут же стало ясно, что на этот раз я им свежачка не продам. Можно было запаковывать привезенный груз «miassa». Мне хотелось сказать им:

— Как вы смеете критиковать наш кастинг? Сравните моих красавиц со своими женами!

Но я сдержался, не будучи представлен супруге драг-квина, руководившего конторой. «Аристо» боится, что «Л'Идеаль» решит устроить тендер с участием другого агентства, либо просто кинет без предупреждения, или, того хлеще, подпишет контракт с какой-нибудь киноактрисой. На меня оказывают адское давление, если мне будет позволено употребить этот эпитет в храме Божьем. Но «что делать?» спрошу я вслед за товарищем Лениным. Не отправляться же мне в Чечню под бомбы, чтобы надыбать им чеченку... Я, честное слово, нетворковал где мог, стал стахановцем клуббинга, вечным Гоем. Я опросил всех плейбоев-натуралов города Москвы, секс-террористы от русской золотой молодежи приволокли мне своих телок, я записал сотни мобильников, забил такое же количество стрелок, и практически столько же раз меня продинамили. Я каждый вечер гужевался в «Турандот», «Газгольдере», «На Крыше», в «Подвале» и «Любе», рыская в поисках мелких попок и аппетитных грудок (которые, для симметрии, охотились на оголодавших олигархов), и даже выехал за пределы вашей империи, побывав в Киеве, Риге, Вильнюсе, Софии, Варшаве, Белграде, Загребе, Бухаресте и Будапеште (в Восточной Европе названия городов похожи: думаешь, что приехал в Румынию, ан нет, ты в Венгрии, козел!). Я совершил налеты на все Fashion Lounge, где девушки, дефилирующие на плазменных экранах, просто карлицы по сравнению с теми, что обслуживают вас за барной стойкой, и обзавелся карточками гостя всех «Private Gentelmen's Club» Восточной Европы. Я закорешился с Гулливером (боссом «Дягилева») и Сашей Соркиным (совладельцем «Кабаре» и «GQ») и теперь вот вернулся на ушах в Париж. Не на шутку усомнившись в собственной профпригодности.

Ну и ладно, я хотя бы оторвался по полной. Вы знаете, с тех пор как мы с вами расстались в Париже, я много чего пережил. Тогда, работая в рекламном агентстве, я объехал весь мир и написал книгу, после чего меня, само собой, уволили. Я даже отсидел за соучастие в убийстве — как-то раз, напившись ночью во Флориде, я попал в грязную историю... Потом девяносто девять дней прослужил телеведущим во Франции, но это уже было черт знает что, я искал свое место под солнцем... А вот с тех пор, как я живу здесь, у меня создается впечатление, что я его нашел. Что-то тут не чисто — в Москве я никогда не депрессирую. Мне показалось, что я обрел наконец надежное пристанище в компании юных любителей пушапов с волнистыми волосами, которых я водил ужинать в «Пушкинь» или в «Прадо», а потом качал у себя на коленях в клубе «First» с видом на неторопливую реку... Я повторял им:

— Поцелуй мой циферблат, дороже на мне ничего нет.

Некоторые лизали его, покусывали и засасывали. Я заливал им слишком неумело, чтобы они в меня втюрились. Я неизменно провожал их домой и тусил в одиночестве по борделям. Еще в этом городе есть один гениальный ресторан — «Аист», где в нас то и дело пуляли гангстеры. Национальный московский спорт — уклониться от пули в перестрелке, по ощущению что-то вроде гигантского слалома в Альпах. Наутро после пьянки я отправлялся в Сандуновские бани, где качки с волосатыми спинами секли меня в раскаленном хаммаме дубовыми ветками. Когда мое тело приобретало лиловый оттенок, его погружали в деревянный чай с ледяной водой, выплескивая мне прямо в морду кипятков из ведра, и при этом еще полагалось расхохотаться и доказать, что я настоящий мужчина, отхлестав себя березовым веником. Похмелье, вытесненное жуткой болью, незаметно покидало мой организм. В России физическое страдание служит для забвения нравственных мук.

Для самых упрямых девиц, которые в упор никого не видят, у меня имелась домашняя заготовка. После глазной операции хирург прописал мне капли хилокомод для увлажнения роговицы. Я выходил в туалет и закапывал их, пока они не начинали переливаться через край. Мои поддельные слезы смягчали самых строптивых; некоторые даже влюблялись в ту же секунду (русские мальчики никогда не плачут, разве что на армейской службе). Я с места в карьер засаживал им Тургенева: «О,

кроткие чувства, мягкие звуки, доброта и утихание тронутой души, тающая радость первых умилений любви, — где вы, где вы?» Почувствуйте разницу. Заслышав француза, выкрикивающего с дрожью в голосе абзац из «Первой любви», они мгновенно попадались в капкан. Московские мужики особо не парятся. Они ребята простые — пьют как лошади и живут на разрыв ноздри, потому что умирают от страха. Здоровенные детины в приталенных костюмах антрацитового цвета от Роберто Кавалли способны наложить в штаны, как последние педики, при взгляде на грациозных фей, к которым им боязно подступить. А когда они наконец решаются подвалить, то уже пьяны в стельку, им некогда разговаривать, они ведут себя по-скотски, нагло обдавая девушек своим забродившим дыханием, и тянут их за руку, оставляя синяки. Некоторым это нравится; привычка — вторая натура. Короче, уверяю вас, моя методика выделялась на их фоне. Я позиционировал себя как хилака и плаксу, цитирующего мертвых поэтов, но предлагал при этом баснословные контракты с мировым лидером косметической промышленности. Оглушительный успех, должен вам сказать. Теперь мне к другой жизни уже не привыкнуть. Не знаю, как обычные парни умудряются прожить с одной-единственной женщиной несколько десятилетий. Это уже вымирающий подвид, не правда ли, святой отец?

Профессиональный романтизм не мешал мне рассматривать юных моделек как пушечное мясо. Я совершенно ничего не чувствовал, провожая их к своей тачке под звуки «Плясок щеголих» Стравинского (дергаясь по пять часов под техно в «Дягилеве», мои телочки даже не подозревали, что этот клуб назван в честь создателя «Русских сезонов!»). Я относился к ним как к славным бемби, которых надо заловить для моего домашнего зоопарка с человеческим лицом. Прошу прощения, дорогой митрополит!

Я радовался, что здесь девушки послушнее, чем во Франции, и не собираются немедленно меня кастрировать. Или не зря по-английски «раб» будет «slave»? ^[40] По правде говоря, я уже забыл, что бывают на свете женщины, способные блистать, не выхолащивая при этом мужчин. Я открывал для себя мужской удел доженской эпохи. Возможно, в доброе старое время все барышни опускали очи долу, как эти русские идиллические куколочки, играющие в верность до гроба, чтобы легче было командовать парадом. Не будучи женоненавистником, не могу не отметить, что феминизм уничтожил юмор, позволявший мужчинам и женщинам мирно сосуществовать. Кто-то дал звонок, и переменка накрылась. Теперь мы равны, веселью пришел конец. Отныне мы соперники в одиночном

забеге.

Меня умиляла их бедность, готовность быстренько отдаться в обмен на рум-сервис в отеле «Мариотт», их синтетические шмотки, искусственные шубы, грошовые цацки и купленная по дешевке туалетная вода, воняющая синтезированным ароматом розы... Я страшно возбуждался от всех этих признаков убогости. Как-то одна из них попросила у меня денег на метро, чтобы вернуться домой. Боже, как я хохотал — про себя. Один звонок Сергею, и она будет перемещаться только на «хаммере» — серьезные люди умеют вознаграждать за хорошо сделанную работу.

— Октав, ты уверен, что у тебя нет под рукой чеченской бомбочки?

— ВАУ-ААУ-АУУУ! Ты ваще, босс, в натуре хочешь пас самоубить или что? НИКОГДА не произноси ничего подобного вслух в русском аэропорту! Извините, он пошутил, все путем, господин таможенник, у него документы в порядке, это frantsuz, вы ж знаете, какие мы тупые... Примите, прошу вас, сто долларов в качестве компенсации, razhalasta, diplomat, dokumenti, можно, мы без очереди? Ambasad. Government friend of President Putin,^[41] da, da, spasiba.

Бертран, мой обожаемый патрон в «Аристо», был вне себя, выйдя из офиса «Л'Идеала», и сразу по приезде в Москву потребовал принести ему снимки всех чеченок, прошедших кастинг начиная с 1991 года. Я думаю, он подсознательно был влюблен в психованного гермафродита Ли Чан-Йонга и готов был разбиться в лепешку, только бы не обмануть его ожиданий. Но я уже, само собой, все прочекал: ничего стоящего у нас в загашнике не имелось. Наши последние чеченские экземпляры уже наверняка стали матерями семейства или были погребены под горами трупов. Я привез Бертрана к Идиоту в Жуковку. На первом этаже его дома находилась дискотека-оружейная-тир-для-стрельбы-из-автомата, на втором — бассейн с подогревом, на третьем — будуар в восточном стиле с кальянами и пуфами, на четвертом — кинозал с кондиционером, на пятом — дизайнерский свинг-лофт и, наконец, на шестом красовалась просторная веранда из тика с зимним садом, пальмами, солярием и взлетной площадкой для вертолета. Бертран разлегся в восточном будуаре и, поставив DVD с Лэсси, вперился в экран телевизора. Милана, личная помощница Сергея, и две не вполне половозрелые узбечки подавали ему плов^[42] на обнаженном животе, и я с полным основанием могу сказать, что они были недалеко от borderline.^[43] Да, конечно, я никого не сумел продать в Париж, но поскольку Сергей тайком заснял на видео эти игры, Бертран уже не рискнет меня уволить.

Подумать только, этот человек, год назад принимая меня на работу с нищенским окладом, уверял, что самое классное в нашей профессии — оплата натурой! Никогда не забывайте, что все модельные агентства созданы квазимодами, которые мечтают спать с красивыми бабами, чего они в итоге и добиваются, забыв о приличиях.

Tchiort! Где-то же прячется та женщина, которой захотят подражать все

землянки! Чтобы выкурить ее из норы, снова придется организовать самое ненавистное мне мероприятие — конкурс красоты «Aristo Style» с дефиле девственниц, посулив в качестве приза контракт на рекламу косметики. Это чудодейственное решение всех проблем: достаточно расклеить плакаты в провинциальных городах и дать объявления в местные газеты. «Если вы — юная чеченка секси, дайте себе волю, пуститесь в волшебную авантюру нашего кастинга. Прямо сегодня загрузите свои данные на www.aristostyle.com и станьте новой международной музой престижной марки „Л'Идеаль“. Внимание: для участия в кастинге вы должны прислать две цветные фотографии (портретную и в полный рост), а также иметь при себе действующий паспорт. Агентство берет на себя получение виз для одной или нескольких лауреаток». Победительнице достаточно будет предложить фотосессию в подсобке со швабрами, и она сочтет, что это оно и есть. (В самом низу регистрационной формы указано, что «Л'Идеаль» обязуется выплачивать только гонорары за публикацию снимков в местной прессе, что касается прав worldwide, то они принадлежат компании, что мы, дураки, что ли.) Я был очень горд, придумав слоган для флаера: «СКОРО ВСЕ ВЫ СТАНЕТЕ УНИКАЛЬНЫМИ». Всегда приятно приколоться над властями содержащими. Сарафанное радио свое дело сделает, потому что, если не считать экскурсий сына Филиппа Тессона,^[44] с гламуром к востоку от Волги наблюдаются перебои. Каждый раз, когда мы возвращаемся несолоно хлебавши, Бертран предлагает пуститься в забег такого типа, и — фирма веников не вяжет — мы арендуем старый театр, туда являются 300 незнакомок, и нам остается только выудить нужную рыбку из общей кучи. Согласен, все не так уж просто: иногда приходится оплачивать им дорогу, проживание в занюханном отеле и кормежку, по возможности не слишком тухлую, а то у них прыщи на роже повыскакивают. Девочек нумеруют, учат шагать по catwalk^[45] и высоко держать голову. Они выходят на два показа (сначала в одежде, потом в купальнике), их оценивают по десятибалльной шкале в присутствии родственников, которые снимают происходящее старыми камерами с рукояткой, потом соискательниц заставляют танцевать в одних трусиках в свете прожекторов, а в финале смертельно оскорбляют двести девяносто девять из трехсот. Бедные зайчики! Мы для смеха расставляем им ловушки: например, кладем в гримерку стопку роскошных парео. Кто вылезет в них на подиум, вылетает в ту же минуту (по пляжной аксиоме Бидара,^[46] «чем парео круче, тем задница жирнучей»). Кармен Касс, кстати, выловили именно на таком конкурсе в эстонском городе Пайде. Она получила титул

«Мисс земля Ярвамаа» в четырнадцать лет, когда Эрик Дюбуа заарканил ее на пляжах Балтики. То же самое произошло с Жизель Буидхен, лауреаткой конкурса «Elite Model Look» в Бразилии. Почему бы и нет, я вовсе не противник этого метода, просто он не слишком элегантен. Скаутинг по старинке, нахрапом, на улицах и в барах, требует известной лихости, дерзости, умения импровизировать и склонности к риску, их надо соблазнять, смешить, успокаивать и класть себе в карман. Но это еще бабушка надвое сказала. Вы уже пытались проповедовать Евангелие тринадцати-четырнадцатилетним девочкам? Непростая задача, а? Некоторые мужики стали настоящими легендами в этом искусстве, да-да, это искусство, поверьте мне. Они шли на абордаж, с цветком в ружье и без страховки. Кто не рискует, тот не пьет шампанского. Они сражались на равных. Конечно, охотники за бабочками никогда не увлекались куртуазной любовью (мы трубадуров и получше видали), но они хотя бы шли под огонь, получали от ворот поворот, выставляли себя на посмеище каждый божий день. Но это все быльем поросло — Интернет рационализировал кадрж. Поместите коротенькое объявление, и они полетят на него тысячами, чтобы за три копейки при всем честном народе унизиться в шоу, заранее запроданном worldwide. Задаешь критерии списком — и знай лови, имена сыплются вместе с фотками и адресами электронной почты; из герл-скаутинга ушла поэзия, и виной тому высокие технологии. Мир изменился: когда-то мы были у их ног — теперь девушки сами умоляют нас па коленях. Завтра они взбунтуются, сметут с лица земли конференц-залы, подожгут офисы, возьмут в заложники наших букеров! Первая гламур-революция, которую будут передавать в прямом эфире на Fashion TV, произойдет здесь, в России, потому что тут, как и во Франции, революция стала народной забавой. Скажу вам по секрету, падре, я жду не дождусь, когда одна из этих богинь вздернет мою голову на острие копья.

Да что вы такое говорите, дорогой starets? Вы знаете одну Красавицу? Подождите, razhalasta, я достану блокнот, вот, я весь внимание, спасибо за доверие, обещаю, я изменюсь, я больше так не могу, вы мой спаситель, я начну новую жизнь. Имя, фамилия? Дойчева, Лена. Можно по буквам? Да. Она красивая? Ну ладно, ангелом больше, ангелом меньше, у вас их тут в церкви хоть отбавляй. Она чеченка? Ну не страшно, мы им соврем. Нет, нет, что вы, я ничуть не сомневаюсь в вашей оценке, но согласитесь, ситуация дурацкая: кто б мог подумать, что вы решите познакомить меня с дочкой вашей прихожанки! Она мечтает об этой профессии? Но вы с ней не встречались? Боже мой, мало ли девушек, которые спят и видят, как бы заработать миллионы, ничего не делая, но это еще не значит, что все они похожи на Даутзен Крус. Надеюсь, у нее борода пожиже, чем у вас! Шутка. У этого волшебного создания имеется номер мобильного или адрес? Она школьница из Санкт-Петербурга? Прекрасно, я как раз собирался организовать там свой model search contest, это очень кстати, огромное вам spasiba. В Питере нам подсобит Движение гражданских инициатив — за пределами Москвы молодежь чуть посмелее. Нет уж, в Чечню мы не поедем, там опасно! Я предпочитаю секс-бомбы всем другим снарядам, а военным действиям — развратные. Не для того я выбрал профессию скаута, чтобы лавировать в воюющей стране между противопехотными минами и осколочными гранатами. Я позвоню ей по поводу кастинга, сославшись на вас, и мы представим ее Бертрану как фипалистку конкурса на звание «Мисс Чечня». Сюр какой-то, вы не находите? Боюсь, как бы не возникли проблемы с милицией: у вас переговоры о покупке рекламных площадей ведутся с агентством, подконтрольным президентской администрации, а уж Путин нам ни за что не даст выбрать чеченку, даже подложную! Ну и ладно, грех не попытаться ради смеха, а если она вдруг станет звездой, они не решатся нас замочить. Не думал я, что завербую кого-нибудь в вашем храме. Вы, конечно, скажете, что если бы и в церкви ничего сверхъестественного не происходило, то где ж тогда? У нее хотя бы высокие скулы? Зубы, ровные как клавиши рояля? Миндалевидные глаза, пухлый ротик, взгляд испуганной косули? Извините, что начинаю свой маниакальный вопросник, но если этой исповеди суждено превратиться в служебное совещание, давайте поконкретнее. Затуманенный взгляд, малиновые губки, прозрачная кожа, овал лица безупречен, как яйцо

Фаберже? «Вроде бы да» — ответ, достойный настоящего иезуита. Можно ли быть иезуитом и православным одновременно? Ну, ведь можно же быть чеченкой и жить в Санкт-Петербурге... На днях мой коллега сообщил о новых поставках сладострастных чеченок. Как же! Это оказались сплошь анорексички, изнасилованные русскими солдатами, а годные к употреблению были уже на сносях. «Увы, — сказал я им, ткнув себя в лоб, — тут не написано Amnesty International!» Мы не занимаемся реадaptацией угнетенных сироток. Но вот вашу христианочку я обязательно вызову. Вам я доверяю. Человек, контактирующий с Девой Марией, обязан разбираться в невинных девушках.

Ваше доверие делает мне честь, знайте это, и я постараюсь быть достойным его. Я пришел к вам, потому что собираюсь стать другим человеком. Я сам себе опротивел. Я бесконечно себя ненавижу. Проблемы идентичности, поиски своего «я», ля-ля-тополя, мне всегда казалось, что это просто треп. Но я работаю над собой... Еще в Париже у меня возникла мания блуждать по ночам вокруг церквей. Так мы с вами зимой и встретились, помните? Каждый раз, возвращаясь в Париж, я тащился в Нотр-Дам, в Сен-Сюльпис и к святому Фоме Аквинскому в поисках необходимой дозы святой воды. Но любимым моим пристанищем стала базилика Святой Клотильды, на пересечении улиц Лас-Касас и Казимира Перье в Седьмом округе. Вы там не бывали? Зайдите как-нибудь, когда будете во Франции, это одно из самых красивых мест для паломничества в стране: две неоготические ажурные башни XIX века возвышаются над крохотной площадью, напротив сквера, где под надзором нянь-филиппинок резвятся дети в пальтишках «Bonpoint». В данном округе, будьте уверены, религия — это опиум для элиты. Я часто преклонял колени под стрельчатыми арками, хорошо — не стрельбищными, выдерживая подозрительные взгляды богатеньких прихожан. А иногда в пять утра, поскольку церковь была закрыта, бухался пузом на гулкие каменные плиты у входа, подставив пыльный зад свету сочувствующих фонарей, и кричал:

— Спуск в сортир «Матис-бара» — это сходжение в ад!

Иисус всю ночь сиял на паперти, раскрыв мне объятия, — единственный, впрочем, в этом мертвом городе. Уж не знаю, правда ли он пожертвовал собой ради нас, но в любом случае те, кто регулярно наносит ему визиты, чувствуют себя намного лучше. Мне нравится взгляд Бога, ставшего человеком, который с некоторым опозданием понял свою ошибку. Он ласково смотрит на нас, и в его взгляде нет презрения (хотя нельзя не отметить некоторую удрученность). Он, кажется, говорит нам те же слова, что и Фоме в Евангелии от Иоанна: «Блаженны невидевшие и уверовавшие». Этот скромный бородач — классный мужик. Он явился, чтобы нас спасти, мы вместо спасибо его замучили и убили, а он нам простил нашу неблагодарность. Мы призываем его на помощь — он просит у нас прощения. Для Сына Божьего он еще не очень звездит. Знавал я сынков, которые задирали нос гораздо выше, чем Он. Подумать только, Иисус раскрыл нам объятия, а мы этим воспользовались, чтобы

пригвоздить Его, как Набоков своих бабочек!

Почему церкви закрываются на ночь, когда в них больше всего нуждаешься? Случалось, я засыпал прямо на паперти. По моему храпу голуби могли догадаться, что я не молюсь. В остальном я напоминал бревно. В костюме от Эди Слимана. Раскинув крестом руки, я лежал и завидовал деревьям: у них хотя бы есть корни. До сих пор я даже не вспоминал, что получил когда-то католическое образование, и вот вдруг поймал себя на том, что прошу прощения у неба, оправдываясь тем, что пребывал ранее в нервной депрессии. Здорово придумал, да? Время от времени я пускал невольную слезу, стекавшую по черным кругам под глазами вниз, к обросшему за ночь подбородку. Знали бы вы, какое облегчение я испытывал, переставая улыбаться. Оскал «долой тоска!» — утомительная гимнастика. Нет, в отличие от Терезы Авилльской, видениями я похвастаться не могу, и если вам уж так необходимы наглядные примеры, я предпочитаю Дюрталя, который у Гюисманса («В пути») запирается в Нотр-Дам-де-л'Атр у траппистов... Еще я таскал в кармане «Человека желания» Луи-Клода де Сен-Мартена (1790): «Во все мгновенья бытия нашего мы должны воскрешать себя из мертвых...» Покажем класс.

Я только что осознал, что чем любить недоступных женщин, лучше поклоняться Всевышнему в нетях. Уж если сходить с ума, то по Тому, Кого Нет! Не понимаю, почему я отказывался любить Господа, самого искусного динамиста в мире. «Credo quia absurdum est» («Верую, ибо абсурдно») старика Тертуллиана, я бы хотел противопоставить новое кредо: «Верую, ибо не более абсурдно, чем все остальное». Короче, я пытался извратить Тертуллиана, чтобы приблизить его к Камю. Вселенский абсурд может включить в себя и существование Бога; абсурдность весьма гостеприимная особа. Бог не более абсурден, чем я, и мне невдомек, почему Камю в Него не верил. Полагаю, что верил, сам того не зная. Спасибо за ваше благорасположение, отец, я знал, что моя былина вас растрогает. Мое тело сливалось с асфальтом. Но как стать солью земли, когда она закована в железобетон? Мы почти у цели, вот увидите.

Чем я, в сущности, был недоволен? Подумаешь, дело: мой брак снова потерпел крах; я был не в состоянии заботиться о женщине; я возвращался домой все позже и позже, настолько поздно, что получалось все раньше и раньше; к сорока годам мне обрыдло вечно строить из себя незрелого мальчишку, за которым тянется шлейф дурацких проделок и захлопнутых перед носом дверей. Моя личная жизнь следовала по замкнутому кругу: я шел на вечеринку, знакомился там с замечательной, необыкновенной, потрясающей женщиной, твердил ей о своей пламенной любви до тех пор, пока она не влюблялась в меня, мы начинали жить вместе, и вот я уже снова оказывался под домашним арестом и беспрерывно собачился с истеричной психопаткой, которая пачками заглатывала антидепрессанты и снотворное. И снова-здорово: я врал все менее искусно, шел на вечеринку, знакомился с замечательной, необыкновенной, потрясающей женщиной, которую неизменно превращал в агрессивную фурию, властолюбивую ведьму и злобную кикимору. Я обладаю удивительным даром преображать в уродин самых хорошеньких девушек. Редкий талант. Как-то раз жена сказала мне: «С тобой так скучно трахаться, что мне приходится думать о своем вибраторе, чтобы кончить!» Не смейтесь, *starets*, такие вещи не очень приятно слышать. Когда я, роюсь в карманах в поисках презерватива, спросил, как это ей мог понравиться «Умирующий зверь» Филипа Рота, она с умным видом ответила: «Мне нравится читать Рота, но я бы ни за что не вышла за него замуж». В общем, я не только потерял свободу, но должен был еще и жертвовать своими желаниями, подавлять в себе либидо самца, генетически запрограммированного на постоянное приумножение побед, умирять свое мужское начало — короче, умерщвлять зверя, сидевшего во мне. Вдобавок меня считали серийным хартбрейкером, уничтожавшим на своем пути тонко организованных женщин, и моя квартира все больше напоминала филиал Гуантанамо. Это ваш Создатель сотворил мужское тело подобным образом, мы-то тут при чем? Почему мужчины вечно должны извиняться за то, чем они являются? Почему жены требуют от нас ежедневного самоубийства? Почему ни одному мужу не хватает смелости сказать жене правду, только и всего? «Дорогая, я вечно буду тебя любить, ты просто создана для меня, но мне хочется спать и с другими женщинами тоже. Тебе это невыносимо слушать, хотя невыносима на самом деле ты сама: ведь ты отрицаешь сущность моей мужественности. В том, что я

сплю с другими, нет ничего страшного, только хватит выпрашивать у меня детали и читать мои мейлы. Ты вольна поступать так же, я тебе не запрещаю, наоборот, меня возбуждает мысль о том, что тебя добиваются другие, потому что, как и все мужики, я подавленный гомик. Твоя ревность настолько реакционна, что ты являешь собой прямое доказательство провала сексуальной революции. Ты рада воспользоваться завоеваниями феминизма, но тебе подавай в то же время и реставрацию супружеской пары по старинке. Ты меня не любишь: ты хочешь прибрать меня к рукам, а это разные вещи. Если бы ты меня любила, как ты уверяешь, тебе бы хотелось, чтобы я постоянно получал удовольствие, с тобой и без тебя, как я тебе того желаю — со мной и без меня. Нам придется расстаться по этой идиотской и тем не менее (мое решение тому доказательство) очень важной для меня причине: мне необходимо касаться других тел, чтобы убедиться, что я предпочитаю твое. Прощай, мегера жизни моей, не понимающая, что такое муж. Предлагаю тебе на выбор самоубийство или лесбиянство, другого выхода из твоего пренебрежительного отношения к основам основ мужского естества я не вижу. Посмотри на меня хорошенько: больше ты меня не увидишь. Желая обладать мною, ты потеряла меня». Как-то утром я прочел одной психиатрше, проживающей на проспекте Великой Армии (что логично, ведь я объявил женщинам войну), письмо Чехова: «Счастья же, которое продолжается изо дня в день, от утра до утра, — я не выдержу. <...> Я обещаю быть великолепным мужем, но дайте мне такую жену, которая, как луна, являлась бы на моем небе не каждый день».^[47] По прошествии часа стоимостью 120 евро я заключил свой монолог следующим вопросом: «Доктор, если каждый вечер я напиваюсь ради того, чтобы совратить всех девушек, не проживающих у меня дома, это значит только, что я обычный парень, — ведь не болен же я на самом деле?» Она спокойно посмотрела на меня, потом открыла свой ежедневник и бросила: «Нам следует почаще с вами встречаться». Больше я никогда к ней не приходил. На сэкономленные средства я купил себе майку с надписью: «I'M MARRIED. PLEASE SHOOT ME!».^[48]

Я хотел только одного (сам о том еще не догадываясь) — чтобы меня как можно дольше окружали материнской заботой. Когда ребенок становится подростком, мать перестает к нему прикасаться и выпускает его в люди. По достижении половой зрелости наше тело прекращают обнимать, баюкать, теревить, облизывать, ласкать, щупать и массировать. Одно я знаю точно: человеческой коже требуется немереное количество поцелуев в день, в той же степени, в какой его желудку необходима пища; а получает он это только в самом начале своей жизни (если еще повезет, конечно); начиная лет с тринадцати-четырнадцати до нас дотрагиваются гораздо реже. Вследствие антипедофильной паранойи ситуация только ухудшилась: попробуй прикоснись к подростку, и схлопочешь три года тюрьмы в ожидании, пока суд решит, мифоман ли этот юнец или правда травмирован. Западу пришел конец. Наши 2000 см² кожи алчут прикосновений, эпидермис ощущает острейшую нехватку губ. Отсюда бешеный успех спа: народ готов раскошелиться, чтобы их полчаса помацали (пара-тройка шлепков хоть отчасти восполняет дефицит поцелуев). Мы подсели на желание, как на наркотик. Нам требуется ежедневная доза новых непорченных тел, общество заточило нас на поцелуи, словно вечных детей, избалованных и беспамятных эгоцентриков. Что касается меня, то свой минимальный дневной рацион поцелуев я оцениваю примерно в тысячу. Если моя шея не войдет в контакт с влажными губами тысячу раз в день, на меня будет страшно смотреть. Взгляните сами: я похож на украинского президента! Надо бы исправить текст «Отче наш»: «Поцелуй наш насущный даждь нам днесь».

Да, да, поцелуи, нежные поцелуи лучше грубой любви, ах уж этот русский междусобойчик, ОТЕЦ МОЙ, ЗНАЛИ БЫ ВЫ! Я всегда обожал смотреть, как девушки целуются взасос, особенно если они при этом носят бусы. Какая красота, глаз не оторвать. И если вы предпочитаете глядеть на небеса, а не на девицу, которая расстегивает подружке кофточку, чтобы напярчь ей соски кусочком льда, это ваши проблемы. А как они извиваются, чтобы снять лифчик, — гремучие змеи отдыхают! Мне кажется, я вполне нормален. «Мне всегда хотелось, чтобы женщины были красавицами и лесбиянками», — говорил Селин. Он во многом ошибался, но тут с ним нельзя не согласиться. Да, я знаю, у меня получится, я

изменяюсь, стану с Божьей помощью другим человеком, выброшу на помойку прежнего Октава, который гонялся за золотым тельцом и сыпал дорожку на зеркало, чтобы заодно собой полюбоваться. Мне наскучили бабы в «Валентино», жующие жвачку с корицей на сталинской яхте («Максим Горький»). Умастив тело ароматным маслом с пайетками, они вешают крестик меж грудей — условный знак. Мне осточертели *povì guski*, которые поклоняются своему проклятому ЗОЛОТОМУ ТЕЛЬЦУ, НА ПОМОЩЬ, ОТЕЦ, спокойно, на чем я остановился?

Умудрившись расстаться со всеми, кого любил, я, судя по всему, просто пытался воспроизвести свое детство. Сколько ужимок и прыжков ради того, чтобы не состариться! Вечное мальчишество — залог долгой молодости. Для этого достаточно любить женщин, которых нет, и бросать тех, что имеются в наличии. Может, в любви я просто позер? Какой позор! Я, случалось, принимал наркотики, чтобы вызвать в себе эмоции, которых не испытывал. Но что поделать, если я желал всех женщин подряд? Теннесси Уильямс несет чушь: желание не трамвай, а щиколотка, округлость бедра или груди, мурашки на коже, полуприкрытые веки, изгиб талии, пушок на опущенной лопатке, подъем ноги в лакированной сандалиии или граница загара, мелькнувшая в вырезе, — вот и весь день насмарку. Меня тошнило от собственной пошлости, но на самом деле я просто боялся женщин и их растущей власти. Я боялся, что они ускользнут от меня или, того хуже, решат остаться со мной. Я боялся собственной лжи. Боялся, что они не поверят или, не дай бог, поверят в нее. Что они меня полюбят или разлюбят. Я всех их хотел и ненавидел за то, что они проходили мимо, даже не обернувшись. Но стоило им ответить мне согласием, как я начинал от них избавляться, а в ту минуту, когда они посылали меня, — влюблялся. Я задыхался от присутствия женщин, равно как и от их отсутствия. Может, я просто их не переваривал? У баб накопились целые тысячелетия причин нас ненавидеть. Чтобы отомстить за долгие века мужского владычества, они желают нам зла, стремятся укротить пас, поработить, свести на нет и замуровать в четырех стенах. Для начала они нас кастрировали, а теперь жалуются, что мы их, видите ли, больше не трахаем! Дав нам жизнь, они сделали все, чтобы отравить ее. Возможно, со временем эта ненависть стала взаимной — мужчины взъелись па женщин зато, что те ничего им не спускают. Я уже сказал вам: началась война. Следующая схватка будет уже не между странами или религиями — мужчины ополчатся против женщин, и тут уж спасайся кто может. Но пока суд да дело, мужики станут женоненавистниками, а затем геями. Может, я уже поглубел, но почему тогда меня так и тянет приласкать сфеерические груди и шелковистые волосы? Будучи педрилой, я думаю, не следует заставлять себя спать с женщинами. Вряд ли я латентный гомосексуалист, но, увы, живя с одной женщиной, я постоянно заглядывался на других; конечно, она страдала, но ведь и мне тоже было

больно, и вот с этой болью — болью человека, не умеющего сдерживать свой пыл, любопытство, оторопь, — решительно никто не считался. Терзания «Мужчины, который любил женщин» Трюффо отнюдь не смешны, они заслуживают всяческого уважения. Никто не воспринимает всерьез его ненасытность и способность восхищаться каждой новой красоткой. Дон Жуан всегда предстает подлым предателем, пускающим слюни старпером, пафосным развратником. Мерзотный возврат морали (в частности, той, что лоббируется весьма пуританской глянцевою прессой, которая частенько является единственным чтением девушек до двадцати четырех лет) привел к тому, что бедного хотиста, рискнувшего положить глаз на кого-нибудь кроме своей Жены, все клеймят, громят и размазывают по стенке. Хотя это столь порицаемое и отрицаемое наваждение изводит величайших поэтов, художников, писателей и режиссеров — всех тех, кто подсел на экстаз и неизменно поклоняется дарам неба, особенно если последние носят просвечивающие майки и колье из скрученных ниток искусственного жемчуга.

В одну из таких ночей, рухнув без сил на паперть Святой Клотильды, я решил принять предложение «Аристо» и уехать в Москву. Я надеялся заменить наркотик благодатью, а больницу Святой Анны^[49] — Красной площадью. Вот так-то, ваше святейшество: эта страна грянула как гром с ясного неба.

Я ни верующий, ни атеист. Я выжидаю между небом и землей, пока прольется дождь из девушек. Из хаоса, коим является моя жизнь, религия видится мне прекрасным воспоминанием детства, приятным шагом назад, спасательным кругом. Я понял, что у человека должен быть Бог, как должны быть родина, граница, дом, отец. Религия — надежное укрытие. Мне бы раньше догадаться, что нельзя покончить со всем разом — с верой, семьей, нациями и прошлым. Религия согревает, верить спокойнее, чем брести в метель сиротливым вселенским путником по паркингу гипермаркета, между рядами пустых тележек, летающими целлофановыми пакетами и потрескивающими неоновыми надписями: «Выбирай Мудро, Выбирай Метро». Вот почему в сорок лет я начал молиться по ночам. Молиться для меня все равно что смотреть старый фильм: нет ничего целительнее механических жестов, старомодных одеяний и затверженных наизусть текстов. Я тут как за каменной стеной, церковь послужила мне *герере* и *репаре*^[50] одновременно. Поскольку вы бегло говорите по-французски, отец Иерохиромандрит, вы поймете эту незамысловатую омофонию, не передаваемую кириллицей.

Смириться с ничтожностью человека — вот начало мудрости. Некоторые фразы в католическом богослужении помогли мне лучше себя почувствовать. Простите, я плохо знаю догматы православия и не вижу, какие такие расхождения могут оправдать тысячелетний византийский раскол. Знаю, что в ваших обрядах больше медитации, достаточно посмотреть, сколько свечей понатыкано вокруг. Вы любите темные иконы, освещенные колеблющимся язычком пламени, а ваша служба сводится к монотонному речитативу — его следует произносить прикрыв глаза, как его святейшество патриарх Алексей II, который, между нами говоря, мало похож на весельчака. Нет, нет, не сердитесь, вы правы, с папой Бенедиктом XVI тоже скулы сводит! Римские католики без конца твердят «помилуй нас», и от этого припева вешаться хочется, но если вдуматься, сама идея крайне полезна для здоровья. Придумал себе где-то там Создателя и теперь проси не хочу, чтоб он сжалился над тобой, любимым. Нелепая затея, но весьма эффективная! После оргии со снятыми на ночь девочками, когда даже снотворное жены, обнаруженное под матрасом, не оказывает никакого действия на подкормку, прийти в себя можно, только вообразив, что кто-то

имманентный наблюдает за тобой и у него можно попросить прощения, пусть даже его и не существует. Приятно сознавать, что сумел разжалобить кого-то еще, кроме самого себя. Еще я обожаю «избави нас от лукавого». Охренеть можно. Люди, придумавшие эти тексты, были гениальными безумцами! Они создали бесплатный универсальный прозак. «Не введи нас во искушение, но избави нас от лукавого, аминь». Офигенный слоган! Современный мир живет по противоположному принципу: почти все мои коллеги получают деньги как раз за то, что с утра до ночи вводят во искушение ближнего своего. Это наша работа — мы искушители. Искусоведы на зарплате! Мы борцы за антиатараксию. Атараксия — враг капитализма: от отсутствия бессмысленных желаний, от спокойствия духа и стоической мудрости страдает рынок. Мир держит в руках жалкая сотня Chief Executive Officers, чьей единственной целью является искоренение любой формы атараксии на этой планете. В бизнес-школах всего мира лучших студентов обучают, как ввести клиента во искушение. Так называемое общество потребления следовало бы переименовать в Общество Искушения. «Не введи нас во искушение» — чем не лозунг для альтерглобалистских транспарантов! Bravo тем, кто его придумал. Почему у молитв нет автора? Мы даже не знаем имени чувака, который разродился «Отче нашим» и «Аве, Марией». Представьте себе, какие роялти он загребал бы ежегодно. Что там манна небесная... Да, разумеется, kharasho, это тексты Его сочинения. А что, Всевышний не получает авторских? На вас без смеха смотреть нельзя, когда вы расходитесь. Ну конечно, отчисления Ему влетели бы вам всем в копеечку.

В общем, мне сорок лет: я не знаю, кто я есть, и я уже не тот, кем был. Стресс, вызванный приближающимся сорокалетьем, — производное этих двух катастроф вместе взятых: представьте, что вы смешали «Бейлис» со «Швепсом» или бросили кругляшок «Ментоса» в стакан с кока-колой. Потеря идентичности и бег против часовой стрелки вступают в химическую реакцию, образуя тошнотворную гремучую смесь, серо-буромалиновый гейзер. Я НЕ ЗНАЮ, КЕМ Я ПЕРЕСТАЛ БЫТЬ. Некоторые не могут этого пережить и вешаются, как, например, мой приятель Тьерри Ле Валлуа в феврале 2006-го, либо выпивают коктейль из лекарств, как Гийом Дюстан в октябре 2005-го. «Знаете, мужики, я совсем не готов к сорокалетию!» Смотрите, как они скрежещут зубами, сорок — это срок. На похоронах друзья покойных трут глаза, пытаюсь вникнуть в смысл их поступка и спрашивая себя, могли ли они как-то спасти утопающего. Бесплезно искать смысл там, где его нет. Мы не знаем, кем мы не были, это уже достаточно уважительная причина, чтобы стать убийцей самого себя. Головокружение от смерти ощущаешь только в то мгновение, когда нажимаешь на кнопку «удалить», стирая имя друга в записной книжке мобильного.

Может, съездите в Санкт-Петербург посмотреть, как будущие обложки «Muteen» ходят босиком по линолеуму? Давайте, я вас приглашаю на торжище стрекоз. Там вам будет кого благословить, да и заблудших душ наспасаетесь вдоволь. Работы край непочатый для попа в поисках модели развития! Да, понимаю, вы хотите сказать, что конкурс несовершеннолетних красоток не способствует теологическим медитациям. А жаль, я бы вас с радостью включил в жюри. Православный судья от «Aristo Style Contest» утроит в объеме пресс-релизы. Тем хуже для кандидатов, им не придется выставлять себя на суд спецкора Божьего! Но все же обещайте мне помолиться за спасение их душ, пока меня не будет. Не понимаю, как вам удастся устоять против моего приглашения. Вы сильнее меня. Как можно жить в обществе искушения, никогда не поддаваясь на его приманки? В деле доведения мужской половины человечества до депрессии и отчаяния наша эпоха побила все рекорды. Поймите, мне надоело вечно извиняться за свое мальчишество. Мне надоело, что у меня не получается стать вами.

ОК, da svidania, у меня тоже башка раскалывается, я тоже монотонно бормочу и раскачиваюсь. Ладно, мне пить хочется, я пошел, у вас и так дел выше церковной крыши. Но я непременно зайду к вам, вернувшись из Питера. Ваше спокойствие очищает меня. Думаю, меня впервые в жизни кто-то выслушал. В «Zima» и «First», ночных клубах R&B, все равно никто ничего не разберет — музыка заглушит мои стоны. Там девушки мотают головой в такт, вместо того чтобы читать Виктора Пелевина, Андрея Геласимова и Владимира Сорокина. Эти места созданы для другого: кричи не кричи — никто все равно не обратит на тебя ни малейшего внимания и ты утонешь в гуще спрессованного одиночества. Тут каждый за себя, твои рыдания растворятся в шуме, и в темноте никто не заметит твоих гримас. Конечно, я пойду тусоваться сегодня вечером, ваше участие заводит меня! Хотите, скажу, что означает аббревиатура R&B для московской молодежи? Вовсе не «Rythm & Blues», а «Rich & Beautiful»!^[51] Da svidania, дорогой спаситель — слухом и духом! Davai, kharasho и dobre! Я привык повторять русские слова с утра до ночи, не очень понимая, что они значат, — ладно, идет, поехали, ОК, согласен, по рукам, давай-давай, — знай меняй их местами, и контакт установлен, смысл слов не важен, если они сокращают дистанцию между людьми. Но меня уже манят далекие звуки, заполняющие мою полую жизнь. Как сказал Джойс, «молчание, изгнание и хитроумие».^[52] Я еще до такого не дошел, но благодаря вам я с каждым месяцем все ближе к цели. Чао, аминь!

Муж мой был как мотылек, вылетит — не поймаешь. В нем не за что было зацепиться — я жила с невидимкой. Октав все время смывался, словно мылом. А я превращалась в его прачку. Даже в день свадьбы он думал о чем-то другом, не знаю о чем. Может, уже планировал наш развод. И зачем только я за него вышла — наверно, из мазохизма. Да, я думаю, мы любили друг друга, хотя сейчас предпочитаю об этом забыть: обидно, что все пошло к чертям. Наверно, он очень желал меня, но спутал желание и любовь. Он буквально исходил страстью и непрерывно кончал где угодно на всех парах. Вряд ли он когда-либо понимал, что такое любовь. Участие, человечность, великодушие (оно же не сводится к алиментам). Он с утра до ночи твердил, что любит меня, и я поверила, но ему надо было только, чтобы я от него зависела финансово, он хотел превратить меня в рабыню, и вначале мне это даже нравилось, потому что я тоже считала, что люблю его, понимаете? Он был

сентиментальным злодеем, «влюбленным в любовь», как говорится, то есть влюблялся не в человека, а в позу, в жест, в сам принцип. Это худшие в мире извращенцы, они убеждены в своей непорочности, но предпочитают идею человеку. Такая ребяческая любовь, прекрасная как в кино, порождает только боль и разочарование и не может пройти бесследно. Первые две недели, ну месяц, ну три все идет отлично, зато пробуждение чудовищно. Самое страшное, что миллионы людей отравлены этой конфетной эстетикой, да и я тоже, судя по всему, поддавалась ей, а как иначе объяснить, что я развесив уши внимала его вздору? <...> Он отсутствовал, даже когда мы занимались любовью. Наверняка мечтал об одной из своих любовниц. А меня уверял, что, приходя к любовнице, думает обо мне! Делить постель с шизофреником — интересный опыт. Вскоре и я во время секса начала думать о других мужиках, таким образом, в нашей постели никто не занимался делом. Он научил меня супружескому равнодушию, жизни, лишенной чувств. Сегодня я даже не в состоянии его ненавидеть, но и не тоскую без него — честно говоря, я смутно его помню. Я жила не с Октавом, а возле него, я бы сказала — «в его тени», но это неточно: будучи прозрачным, он просто не отбрасывал тени. Его даже нельзя назвать человеческим существом, это был бесплотный андроид, в списках не значащийся, некая гуманоидная сущность. Все мое время уходило на ожидание, на попытки привлечь его внимание, но ничего не получалось, — ей-богу, не муж, а какой-то обмылок, который к тому же пачкался. Я жила в ощущении постоянной фрустрации, он не уважал женщин вообще и свою жену в частности, полагаю, корни этого надо искать в его детстве. Его воспитывала разведенка, он боготворил женщин, но рассматривал их как тюремщиков, вертухаев, надсмотрщиков. Я часто говорила ему: «Ты думаешь, что ищешь отца, на самом деле ты бежишь от матери, мудила несчастный!» Он каждый раз впадал в бешенство, но потом признался, что ничего более умного ни одна женщина ему раньше не говорила. Рост числа матерей-одиночек, как ни странно, очень повредил образу женщины: для их отпрысков они стали синонимом Закона, которому надо покоряться, недостижимым абсолютом с одной стороны и осточертевшим казематом — с другой. И конечно, никто никогда не сможет сравниться с первой женщиной в их жизни. Ромен Гари, французский писатель русского происхождения, назвал этот комплекс «обещание на рассвете». Но у него такое детство выглядит необычным, трогательным и поэтическим. Сегодня дети, выросшие с матерями-одиночками, стали правилом, а не исключением. Сделанный таким образом мужчина страшно боится

одинокства. Он готов поселиться в меблированной трехкомнатной квартире с первой встречной, лишь бы не просыпаться одному по утрам. Но он тут же начинает упрекать свою подругу в том, что она украла у него свободу. Такие мужики не взрослеют, они — лишь побочное следствие сексуальной революции. Что делать с этими особями, которые не способны ни жить с кем бы то ни было, ни оставаться без спутницы? Это потенциальные «human bombs».^[53] Терроризм, массовые убийства, серийные преступления — все это, без сомнения, косвенные результаты эволюции мужской половины человечества. Я тоже росла без отца и знаю, о чем говорю, — это катастрофа. Когда образцом для подражания служит взрослая незамужняя женщина, девочка начинает считать одиночество матери нормальным положением вещей, привыкает к нему и, став взрослой, с трудом кого-либо выносит. Но мальчикам и того хуже: детство без мужчины в доме приводит к тому, что, не зная ни кто он есть, ни чего он хочет, юноша пускается в непрерывное завоевание женщин, которых он на дух не выносит. Николя Саркози был воспитан матерью, которую бросил муж-плейбой. И вот результат! Октав стал извращенцем, потому что был слишком близок с мамочкой в раннем детстве. Он до сих пор не переварил свой эдипов комплекс и в ужасе думает: если я всех не соблазну, то умру один-одинешенек. Как называется избалованный мальчик, ставший взрослым? Избалованный мужчина <...> Эту Лену я не знаю, ну, я о ней читала в прессе, как и все, после разыгравшейся трагедии — это та чеченка, с которой его познакомил священник? Я понимаю, после меня он, бедняжка, нуждался в какой-нибудь девчонке, которая бы не доставала его... Я испортила ему жизнь, иногда я корю себя за это, но напрасно, ведь психопатом был он, а не я! Не знаю, чем вам могут помочь мои показания по этому делу. Я хотела бы быть вам полезной, я пытаюсь честно ответить на все ваши вопросы, но это не так просто, боюсь, что поезд ушел и копание в нашей супружеской жизни, закончившейся полным провалом, вряд ли прольет свет на тайны международного терроризма! <...> Нет, я не знаю, были ли у него сообщники, после развода мы практически не общались. Полагаю, что, с технической точки зрения, организовать такую операцию в одиночку довольно сложно. Нет, он мне никогда не рассказывал ни о своих знакомствах в среде российских предпринимателей, ни о чеченских сепаратистах, прошу меня не впутывать в эту историю и не упоминать моего имени, мне еще жить не надоело! <...> Слава богу, этот псих не свел меня в могилу. Извините, я не имею в виду то, что произошло... я неловко выразилась. Мне повезло больше других. Я знала, что он поселился

в Москве — видно, для того, чтобы трахать тамошних шлюх, но мне бы никогда и в голову не пришло, что он может встать на путь насилия. Как все садисты, он был очень мягким человеком и всегда кичился своей трусостью. Я не думала, что он способен причинить зло кому-нибудь, кроме меня. Я глубоко скорблю о многочисленных жертвах и чувствую свою ответственность за случившееся, если б я только знала, что он может решиться на такое... Октав все время, повторял мне, что сошел с ума, но я ему не верила. Я не понимала, как кто-то, кого не существует, может быть сумасшедшим.

(Выдержки из письма, направленного бывшей супругой подозреваемого следователям Управления по борьбе с организованной преступностью. Подшито к делу о храме Христа Спасителя.)

Часть третья

ЛЕТО

*...только вряд
Найдете вы в России целой
Три пары стройных женских ног.
Ах! долго я забыть не мог
Две ножки... Грустный, охладельй,
Я все их помню, и во сне
Они тревожат сердце мне.*

А.С. Пушкин Евгений Онегин

Весна продлилась всего неделю, снег растаял, и внезапно грянула жара — лето повсюду наступает одинаково. На влажных улицах мерцали огни казино, гигантские рекламные мониторы лучились между старинными церквями, чудом пережившими XX век. Солнце заявилось раньше срока. А осень уйдет почти вся на ожидание белизны. Вокзал, откуда московские поезда отправляются в Санкт-Петербург, по-прежнему называется Ленинградским (оно и понятно — не могут же русские менять вывески всякий раз, когда один тоталитаризм сменяется другим). Кто знает, может, в скором времени Санкт-Петербург, бывший Петроград, переименуют в Путинград — заодно можно будет сэкономить на замене букв в названии вокзала на Комсомольской площади. Ночью поезд часто останавливался — под колеса то и дело попадались медведи, волки и крестьяне в каракулевых шапках. Когда мы прибыли, я увидел в самом конце перрона старушек, продававших вареники, носки, огурцы, варенье и котят. Девушки, решил я, находятся, наверно, еще дальше, и был прав — девушки всегда оказываются вдалеке.

Zdrastvuite, святой отец. Я привез вам баночку фуа-гра. Попробуйте, это чудо что такое, мне присылают лучшие сорта «Федексом» прямо из Беарна. Не то чтобы я ностальгировал по родным Пиренеям, но меня начинает мутить от красной икры. Ваша пересоленная жаренка у меня уже из ушей лезет. В России все время хочется пить, потому что за каждой трапезой гостя пичкают икрой, селедкой, угрем и копченым палтусом. Неминуемые *zakuski* превращают вас всех в законченных алкоголиков! Вот у нас в По все по-другому: мы умащаем себе раны вином и откармливаем уток, пока их печенка не лопнет у нас в глотке. Потом заливаем вышеозначенные органы арманьяком и отрубаемся прямо за столом, уткнувшись носом в остатки утиного жира или в декольте какой-нибудь дамы, приятной во всех отношениях, что, в сущности, одно и то же.

Рад видеть вас в отличной форме. В прошлый раз у вас был измученный вид — вы словно сошли с последних фотографий Льва Толстого, когда в 1910 году он бросил жену и отправился умирать на станцию Астапово. Сегодня, *batiushka*, ваша белоснежная борода служит мне маяком в ночи, ярко сверкая на фоне черной рясы, — вы похожи на

шоколадное мороженое со взбитыми сливками. Вечная слава бороде! Я дико извиняюсь, но вам не вредно было бы ее мыть время от времени, а то от нее идет душок, как от моей души. Я так вам ничего и не сказал о Лене Дойчевой. Я вот уже два месяца ни с кем не говорю о Лене Дойчевой. И впредь не хотел бы упоминать Лену Дойчеву... Не знаю, должен ли я вас благодарить, монсеньер, за то, что вы познакомили меня с невыносимо сияющей Леной Дойчевой. Чтобы все-таки рассказать вам о ней, мне придется начать с начала: как я приехал в подозрительно бледную петербургскую весну, как мы встретились с ней в «Caviar Bag» гостиницы «Европейская», когда-то наводненной шпионами КГБ, а сегодня — легавыми в штатском (вам удастся почувствовать разницу?), потом вспомнить о божественных днях, проведенных вместе, и, наконец, о вечеринке на даче моего олигарха. Там-то я и пал жертвой инфанты Лены Дойчевой, ее неверной венерности, алебастровой груди и бесконечной самонадеянности ее четырнадцати лет. А все из-за вас, батюшка.

Съешьте еще ломтик фуа-гра, пока я повествую вам о своем падении. Конечно, теплый сдобный хлеб с изюмом нам бы не повредил, но печенка несчастной утки из далекого По и без того — большая роскошь. Она полусырая, как и все обитатели города моего детства. Нам бы не грех вкусить от благодеяний, которыми одаряет нас Всевышний. Я с удовольствием слушаю, как вы жуете, равномерный звук работающих челюстей помогает мне сосредоточиться. Смотрю на вас и вижу свою техасскую бабушку, без бороды само собой, в саду виллы «Наварра» на проспекте Треспоэ, незадолго до того, как у нее обнаружили рак. Она чавкала точно как вы, убаюканная журчанием воды в бассейне, доносившимся сквозь розовые кусты, и треньканьем ледышек в хрустальном бокале. Может, она размышляла о несчастном детстве своего сына (моего отца), которого сослала в пансион святых отцов Сореза? Может, она все-таки скучала по своему младшему мальчику? Может, ей не чуждо было ничто человеческое, как знать? Мой отец отсидел в интернате с 1948 по 1955 год, потом, в начале шестидесятых, женился и сразу родил двоих детей — можно ли требовать от мужчины вечного отказа от свободы? Его детству не хватало приволья, в моем же оно присутствовало с избытком. И тем не менее с возрастом я все более становлюсь похож на него, к тому же теперь мы почти коллеги (он был хедхантером, я — модельхантер). Сорез — это древнее аббатство бенедиктинцев у подножия Черной горы, в болотистой местности неподалеку от реки Сор (поскольку ваша нога не ступала в эту забытую богом дыру, могу вас сориентировать — это где-то между Тулузой и Каркассоном). В пятидесятые годы

дисциплина у доминиканцев была суровая. Десятилетних мальчиков запирали на ночь в одиночных кельях два метра на полтора, задвигая снаружи металлическую щеколду. (В двенадцать лет улучшений не наблюдалось — они спали в общем дортуаре, мучаясь от удушающей вони немых ног и шумной дрочки, не говоря уже об измазанном пастой члене — с дедовщиной там было все в порядке). Каждое утро в пять тридцать их будил колокол. Потом поднимали флаг, и, дрожа от холода, дети в накрахмаленных мундирчиках строились на перекличку. В семь часов они гуськом отправлялись на службу. Потом до восьми вечера шли занятия. В полдесятого в спальнях гасили свет. Часто они просыпались среди ночи от холода и голода. Зимой разогревали кирпичи в жаровне на углях, чтобы использовать их как грелку для постели. Для непослушных учеников существовало особое наказание, так называемое «заточение»: ребенка запирали в ледяном карцере, распахнув настежь окно, до которого нельзя было добраться — стол был намертво привинчен к стене. Узник сидел целый день на сухарях и воде, переписывая в тетрадь разнообразные тексты. Иногда старшие ученики бунтовали: как-то раз они привели корову и свиней, затолкав их по лестнице на второй этаж, в дортуар воспитателей. Легенда также гласит, что они стащили мумию из часовни Сореза (трофей, привезенный Наполеоном из египетской кампании) и засунули ее в кровать самого свирепого кюре. Бывало, директор школы обнаруживал, что его кабинет вымазан экскрементами. В этом случае наказания были коллективными: ученики, отказывавшиеся признаться в содеянном, становились врагами всей палаты. Месть сотоварищей доходила до изощренного насилия, когда в анус вводили все, что попадется, — ручки, линейки, мелки. Пансион Сореза закрыли только в 1991-м — одновременно с последними лагерями ГУЛАГа! Я вам все это рассказываю, потому что не может не существовать прямой связи между воспитанием родителей и нашим личным безумием — мы нагоняем упущенное ими и наследуем не только фамилию и немного денег, но также их неврозы, лишения, недолеченные депрессии и неотомщенную фрустрацию. То же самое произошло и с русскими после Горбачева, пятнадцать лет назад, когда им пришлось разбираться с миллионами покойников. У нас у всех есть свой ГУЛАГ в шкафу, засевавший внутри несправедливость, которую никак не удастся переварить. Мы все — потерявшие память россияне. Что же касается моего родового гнезда, то Поль-Жан Туле^[54] написал на вилле «Наварра» 27 октября 1901 года: «Не кажется ли вам, что больше всего в жизни я любил женщин, спиртное и пейзажи?» Мне очень нравится эта призовая тройка. Лучшее средство, чтобы убежать от себя.

Очень мне желанна
Троица Поль-Жана —
Отцовские несчастья
Мои питают страсти.

Еще я помню, как Габриэль Марсель^[55] пил чай в библиотеке моего деда под звуки «Бранденбургского концерта». Это тоже было в По. Отец шептал мне, глядя на мудрого старика с белоснежной шевелюрой: «Октав! Не мешай господину Марселю, это великий философ, он был близко знаком с Анри Бергсоном, а сейчас он размышляет о Dasein^[56]...» В семь лет я жадно ловил каждое его слово и движение, пытаясь уяснить, что могло бы означать это Dasein (долгое время я считал, что это русская песня, типа «kalin-kakalin-kamaia»). Габриэль Марсель с пышными седыми усами был очень похож на маршала Петена, только в более угрюмом варианте, хотя глаза его сверкали весьма благожелательно. Я бегал по саду в австрийских штанишках вместе с моими кузенами Эдуаром и Жеральдиной, а он смотрел на нас с удивленной улыбкой, словно разглядывал пожелтевшие от времени фотографии. Теперь я его лучше понимаю: в беззаботном детстве ему виделась смерть, он был нашим Ашенбахом, а мы играли в маленьких Тадзио^[57] беарнского разлива. Вспоминая об этих минутах, я испытываю ту же ностальгию, что и он тогда. Позже я узнал, что в сорок лет он крестился. Дед любил принимать писателей в своем прекрасном доме: Жана Кокто, Рене Бенжамена... Об их визите объявляли заранее, это становилось событием недели. Дед показывал им письма Поль-Жана Туле. Думаю, он предпочитал их компанию обществу своих сыновей. Наверняка у меня возникло желание писать именно благодаря его библиотеке. Сегодня вилла «Наварра» стала гостиницей, вы можете провести ночь в комнате Габриэля Марселя с видом на темно-синюю гору в обрамлении кипарисов, грабов, тюльпанных деревьев и гигантских секвой.

Тогда я смертельно скучал в глухом провинциальном безмолвии, почему же сегодня, вспоминая то время, я погружаюсь в такую сладостную меланхолию? Проиграв целый день в прятки в лесу Ирати, мы ужинали в превращенной в бар часовне (все церкви рано или поздно становятся дискотеками, вроде «Limelight» в Нью-Йорке и Лондоне, может, и ваш храм в один прекрасный день... как знать?). Преклонных лет умники, улыбаясь украдкой, вдыхали воздух Пиренеев, американки орали на испанских кухарок, детей отправляли в пансион, стены были заставлены книгами, а шофер натирал до блеска капот «даймлера», припаркованного перед

крыльцом, — где он, мой вечнозеленый рай, я чувствую, что ключ к моему безумию спрятан в той усадьбе. Знаете ли вы, что этот дом, построенный в британском стиле, принадлежал когда-то Мадлен де Монтебелло, чей супруг Густав стал послом в Санкт-Петербурге? При нем был заключен франко-русский союз 1893 года. Видите, вилла, где я проводил летние каникулы, была не так уж далека от России... От Беарна до Невы один шаг... Мой Роузбад,^[58] моя Утопия, воображаемая страна Томаса Мора. Она же и неотступно преследующий меня кошмар. Когда я был совсем маленьким, отец говорил: «Если у тебя заболит живот, сразу скажи мне», потому что он помнил, как его товарища по пансиону, который побоялся сказать отцам Сореза, что у него боли в желудке, нашли мертвым в промозглом дортуаре — у него несколько дней продолжалось внутреннее кровотечение. Почему я сегодня вспоминаю об этом? Удивительно, как память сортирует отбросы, может быть, она отнесется благосклонно и к утилизации мусора? Набоков говорил, что воображение — это форма памяти. Предположим, я выдумал всю свою историю, тогда получается, что я всего лишь искажил воспоминания?

Если считать, что память экологична, не понимаю, почему она стерла лицо Лены Дойчевой. Ведь Лена-то еще никого не замарала (хотя... я бы не прочь...) Хорошо, допустим, если детство проходит за решеткой, вырастаешь неизлечимым бабником. Но чем объяснить мое женолюбие, учитывая, что мои молодые годы были самыми свободными за всю мировую историю? Поэтому, возможно, я сексуально корректен. Я бы женился на девушке, которая выдает себя за чеченку, чтобы красоваться на рекламных щитах всей планеты. Чем чаще я пытаюсь ее вспомнить, тем сложнее мне восстановить ее черты. Приходится рассматривать фотки в мобильнике в надежде, что ее образ снова возникнет в моей памяти. Смотрите, как она светится на этом снимке, полюбуйте туманным нимбом, окутывающим ее сияющие плечи, — ну вот и объяснение нашлось, девушка, видимо, радиоактивна, в конце концов, она родилась не так далеко от Чернобыля. Глядя на нее, я вспоминаю слова Габриэля Марселя: «Любить — значит говорить другому: нет, ты не умрешь». С тех пор как скаут из агентства «Форд» обнаружил в супермаркете Баии тринадцатилетнюю бразильянку Адриану Лиму, ставшую звездой «Элит», непорочность не была столь сексуальной. Ну, не считая, разумеется, Девы Марии. Izvinite, простите, отец мой, я богохульствую, но если бы вы видели Лену, вам бы все было по барабану, даже тучи, нависшие над Даниловским монастырем. Ад — это расставание с ней. Сегодня я знаю, как быть счастливым: избежать

знакомства с Леной Дойчевой. Я уверен, что излечит меня только смерть, ибо Лена бессмертна. «Любить кого-то значит всегда верить в него». Габриэль Марсель, сидевший при галстукке на веранде в По, так определял любовь. Помню, как я, маленький мальчик в серых фланелевых штанишках, наблюдал за старым человеком, которому суждено было умереть в будущем году. Этот христианин, чей «Метафизический дневник» я прочту тридцать лет спустя, прогуливался по саду с моим дедом, опираясь на него за неимением трости, и ему даже в голову не приходило, что Бог конфискует его бытие несколько месяцев спустя. Ладно, я готов верить в малышку Лену во веки веков, но при одном условии — чтобы мне дали покончить с собой у ее лог.

Мне следовало бы вас возненавидеть, ваше преосвященство... Как вы догадались, что она мне понравится? Боже мой! Ну и дурак же я! Каждый день к вам валом валят каяться мужчины, и вы их всех посылаете к Лене Дойчевой, как на бойню, ничего удивительного. Я, как последний идиот, воображал себя ее единственной ослепленной жертвой. Но в вашей замороженной церкви эта фея, наверно, одна из самых горячительных тем исповеди. Сколько клиентов является сюда каждую неделю описывать вам ее огненную белоснежность, едва проклюнувшиеся грудки и прозрачные зрачки? Ваше целомудрие с лихвой вознаграждено: слушая весь год рассказы о Лене — пожирательнице сердец, вы можете расслабиться и получить удовольствие. Вот почему вы отправляете к ней заблудшие души за возделенной дозой непорочности... Как сладко, должно быть, замкнуться в бородаutom молчании и кивать время от времени, внимая одному и тому же нытью, спровоцированному одной и той же дрянной девчонкой? Жизнь служителя культа не чужда роскоши: ваш обет надежно защищает вас от демонов страсти, зато слух позволяет насладиться ими по доверенности. Прелесть что за порядки! Я завидую вашей силе, ибо сам слаб. В любом случае, как вы понимаете, я не сержусь на вас за то, что вы навели меня на Лену Дойчеву. А тайна исповеди прикроет нас всех от милиции.

На следующий день после нашего разговора я позвонил ее матери и оставил короткое сообщение: «Дорогая госпожа Дойчева, передайте вашей дочери Лене, что она приглашается на кастинг конкурса „Aristo Style of the Moment“ в гостинице „Европейская“ в Санкт-Петербурге 23 мая в 15 часов. Ваш телефон мне дал отец Иерохиромандрит из храма Христа Спасителя». И тут же забыл о ней. Теперь, увы, мне это уже не удастся.

Когда Лена вошла в «Caviar Bar», она показалась мне ничем не примечательной, неуклюжей, косолапой, зажатой недотепой, — одним словом, я был сражен. Английское слово «clumsy»^[59] — одно из моих любимых. Лена сама ходячий оксюморон — ее тело отрицает лицо. Странно, но мне показалось, что она чем-то на меня похожа, наверно, дело было в волевом подбородке, таком же выдающемся, как у меня. Ненавижу, когда при первой же встрече с девушкой у меня создается впечатление, что

мы уже где-то виделись, особенно если я только что нажрался картошки с луком, селедки с луком и баклажанов с луком. Увидев ее, я разинул рот, но тут же закрыл его, чтоб не пахло. Черт, мне кажется, я не в состоянии о ней говорить. Мои эпитеты несуразны и дрожат от волнения. С чего же начать? Божественная красота не имеет изъянов. Ну, разве что ногти. Они сверкали, словно капельки росы. Обгрызенные, но без нервозности, — скорее надкусанные. Худосочные ломкие запястья цвета... личи? Гладкий браслет из серебристого металла был единственным препятствием на этом шелковом пути к локтю. Чувствовалось, что он слишком для нее тяжел, что крохотному запястью его не удержать. Ее ладони пришлось бы и Мадонне. Разнообразные оттенки бледно-белого, светло-розового и пушисто-песочного сливались в монохромную радугу, когда Лена протягивала ладошку и следом возникала вся рука и плечо, перерезанное дешевой бретелькой. Плечи — абсцисса, лифчик — ордината: красота обожаемой девочки, казалось, расчерчена на миллиметровке. Кружева выдавали нижнее белье юной паиньки, которая не ночевала дома и утром наспех оделась, чтобы поскорее вернуться к маме. Венера Милосская плюс руки: маленькие, но твердые соски, совсем как у статуи, мраморная грудь, но летучие волосы; тот же легкий наклон головы, та же белизна бессмертия, только лилейный ее отблеск оттенен голубыми прозрачными жилками, разбегающимися по шее сетью ручейков. Под светлой челкой брови уснувшими скобками царят над голубыми глазами, белоснежными скулами и алыми губами. Ее лицо равняется на цвета французского флага! Зубы твердые, словно только что очищенный миндаль. Жалко, к резцу не прилип листик петрушки, я бы, может, избежал тогда ее мертвой хватки. Создавалось впечатление, что она питается исключительно розовыми грейпфрутами, а как иначе добиться такой первозданной свежести. Глядя на нее, хотелось глубже вдохнуть, или стать воздухом, проникнуть в ее легкие и выйти через нос в виде углекислого газа, или взмыть к солнцу, но не чайкой, а человеком, который, взмахнув стремительно руками, вдруг оторвался от земли, потому что это любовь. Ее волосы золотились в свете люстры, под которой я застыл. Щеки, вспыхнувшие от ветра, гуляющего по Невскому, придавали ей вид радостного ребенка с младенческим ртом и здоровьем юной крестьянки, которая только что встала с сеновала после полуденного отдыха с конюхом или без оного. Лена сродни царю Мидасу: когда я смотрел на нее, все превращалось в золото — время дня, и ее шея, и ноги, и холмик крохотных ступней, выгибающихся в дешевых босоножках, и воздух вокруг нее, и даже язык, если бы можно было его увидеть, превратился бы в слиток золота. Рядом с ней я чувствовал себя рыцарем на

час, беглецом, безутешным стариком. Мне хотелось превратиться в шипучую таблетку от мигрени и раствориться в стакане воды, который она выпьет, чтобы в компании других пузырьков пощекотать ей язык, прежде чем избавить от головной боли. Я готов был триста лет смотреть, как она спит, зная, что такое зрелище надоесть не может. Ее сверкающие глаза были слишком ясны, чтобы выдержать их взгляд. И тем не менее от них было не оторваться. Они пронзали любую броню. Мне не удавалось угадать, разрыдается она в следующее мгновение или рассмеется. Ее губы, словно бабочки, собирали мед между носом и подбородком. Вы возразите мне, что мед собирают не бабочки, а пчелы. А я вам отвечу: заткнись, дорогой зампатриарха, ты просто ее не знаешь, потому что с Леной бабочки собирают мед, ягнята рычат, орлы воют, а крапива вопит, и точка. Ее шея, обвязанная каким-то левым платком, казалась прутиком, который Стендаль, полагаю, не преминул бы украсить ниточкой кристалликов.^[60] Теперь уши: два пылесоса для поцелуев, с танцующими, вполне заслуженными жемчужинками. Сквозь прозрачную кофточку угадывались твердые мягкие грудки, мягкие твердые (короче, тверкие) — они распускались, трепетали, дрожали и цвели под коротким открытым платицем. Настораживаясь, словно кошка в присутствии чужаков, Лена тем не менее уже прекрасно осознавала свою власть, еще не успев злоупотребить ею. Смотреть на нее было чистым наслаждением, наркотиком, а главное — пыткой, потому что я невольно думал о боли, которую мне причинит расставание. Я заранее тосковал о ней, как о бесценном сокровище, которое неминуемо украдут. И повторял про себя: «Подумаешь, невидаль какая! Не станешь же ты втюриваться в четырнадцатилетнюю блонду, совсем спятил! Приди в себя, мой мальчик!» Но чем больше себя уговариваешь, тем скорее теряешь голову. Метод Куз^[61] бессилен против любви с первого взгляда. Может, при виде ее подбородка во мне разыграл нарциссизм? Может, склонившись над ней, я смотрелся в самого себя? Попытки расшифровать чудо обречены на провал. А будь я Нарциссом, мне удалось бы утонуть в ней... Вот что я понял, общаясь с Леной: когда говоришь себе: «Кажется, я схожу с ума», это, как правило, уже свершившийся факт.

Мысль о том, что рано или поздно, через несколько минут или часов, я вынужден буду смотреть на что-то другое, болтать с кем-то другим, что я вернусь к нормальной жизни — жизни пятиминутной давности, без Лены Дойчевой, до ее эры, — была мне невыносима. Лена — сновидение, от которого не хотелось пробуждаться. Вы всё это предвидели, да, зловерный

иеромонах? Вы знали, что мои поиски на этом закончатся. Вы знали, что у меня есть шанс вернуться к жизни.

Правда, в воскресении есть одна неувязочка — перед этим полагается умереть.

А ведь мне часто удавалось устоять перед русскими красавицами. Я умел предохраняться, во всех смыслах этого слова, — мне пришлось натянуть ментальный презерватив. Я иногда вообще не дотрагивался до них, требуя просто принять ту или иную позу — напряженную, извращенную или чувственную, и скромно довольствовался этим, как искусно выполненной фотографией. Половой акт был мне в напряг. Та еще радость за час принимать сиалис, мыть под мышками (чуть ли не брить волоски на груди) и нахлобучивать резинку (плюс к той, что обволакивает сердце) — лучшая гарантия против каких-либо ощущений, — затем наяривать не переводя дыхания, словно бегун на длинные дистанции, и испускать вежливый хрип в финале. Уверяю вас, вы не много потеряли, приняв обет безбрачия, извините, что затрагиваю эту тему. Физическая любовь больше похожа на экзамен или на отжимания. Я ничем не отличался от любого мужика, пережившего два неудачных брака, и не собирался больше жертвовать своей независимостью ради получения удовольствия, — так выходило дешевле, да и хлопот меньше. Я давал кандидаткам очень точные инструкции: им полагалось, стоя на четвереньках, ущипнуть себя за соски, лизнуть пол, высунув до отказа язык, потом, опустив глаза, широко раскрыть пасть, накрасить помадой губы своей партнерше, побрить лобок моей бритвой и пустить слюни себе на грудь, — короче, любезно поунижаться. А что такого: самец — это вполне предсказуемый механизм. Мы все кончаем до обидного банально: выпячиваем нижнюю губу, издаем прерывистые звуки, потеем и пунцовеем, как будто только что соврали. В сущности, моя сексуальность сродни поповской: мимолетное постыдное блаженство, пачкающее изнутри штаны. Да не возмущайтесь вы так, господин духовник богачей! Я провожал девушек до дверей студии, оставив себе в качестве трофея все полярондные снимки, которые в случае необходимости успешно питали мои грезы. Фотографии получались просто очаровательные, словно разноцветные переливающиеся сладости, некоторые из них так и таяли во рту, другие приходилось надкусывать... Эти картинки составляют теперь основу моей половой жизни. Аня, шестнадцать лет, — раскрытые ляжки, подмигивающий глаз, язык высунут до щеки, левой рукой я лохмачу ей влажные волосы, а она шепчет: «Vilizhiiiiii meniaaaaa»... Настя, пятнадцать лет, пламенный мотор, — прислонившись к стене, она задирает юбку, на

ней ничего нет, кроме бус на шее и прозрачных колготок... Весна, девятнадцать лет, губки вперед — привет Анжелине Джоли, — присела на корточки, будто бы пописать, потому что так легче круто изогнуть ступни и напрячь мускулы на икре... Юнна, семнадцать лет, сидит верхом на своей сестричке Нине с обнаженной грудью, изображая игрока в поло на снегу в московском «Поло Клубе»... Евгения, четырнадцать лет, бренчит на собственном животе, как на воображаемой гитаре, к губе прилип бычок, в пупке торчит брильянтовый крестик... Светлана, восемнадцать лет, грудь усыпана блестками и умащена «Hottest body», новым кремом от «Victoria's Secret», прямиком из Нью-Йорка, она гордо демонстрирует свои зубы, потягивает кока-колу через соломинку, повернувшись лицом к вентилятору, и вокруг ее сосков выступают пупырышки... И восхитительная Снежана, шестнадцать лет, с медово-горчичными глазами, того же цвета, что и родинки, усеявшие вытянутые кончики ее грудей... Снежане, самой бедной из всех, не на что было купить даже бутерброд, но, фотографируя ее, я уплетал пирожки, чтобы она испытывала танталовы муки... От голода у нее очень эротично впадали щеки, и она шептала мне: — Finger me, Октав...

В «Мастере и Маргарите» Воланд в одном московском театре одевает женщин в платья, которые исчезают, стоит им выйти на улицу. Надеюсь, Булгаков счастлив был бы отметить, что сегодня многие московские самки реализуют его выдумку близко к тексту. Навещая кота Бегемота в доме на Большой Садовой, я встретил больше девушек, чем в гостях у Горького, где старые сварливые сторожихи приказали мне натянуть на башмаки музейные тапочки. Потомство — это что-то вроде высшей апелляционной инстанции, справедливость наконец торжествует: мученик цензуры окружен студентками в цвету, а сталинист, зажатый между воспевающими его помпезными картинами, вынужден довольствоваться обществом отвратных мегер! Обидно только, что Дьявол не успел раздеть Дашу, журналистку из «Good Morning, Russia», которая водила меня из одного мертвого дома в другой... Еще одним падшим ангелом меньше в моей копилке, я тоже, в конце концов, подсяду на морфий.

Ну, ведь этих чудесниц придумал не я, а ваш Создатель! Я часто спал со своими фотками. Бывало, я сожалел, что нет со мной больше моего друга Жан-Франсуа Жонвеля, умершего в 2002-м. Уж он бы воздал им должное... С ним мы болтали о девичьей чистоте и тайне неоперившихся дикарок. Он многому меня научил: следуя его советам, я велел девушкам

кусать себе губы, дотрагиваться до затылка, поднимать руку, чтобы округлилась грудь и напрягся живот, запрещал им улыбаться, потому что только серьезность сексуальна, и закрывать рот, чтобы губы не уменьшались в объеме... Я фотографировал их со спины, с покорно обращенным вниз лицом, либо снизу, чтобы удлинилась шея, приказывал развернуть назад плечи, чтобы пружинило тело, а главное — не забывать про «eye contact». Либо, если они не смотрели в объектив, просил потупить глаза и принять вид виноватой школьницы, которую застукали, когда она стащила в булочной пакетик драже. Я щелкал их с влажными волосами, спящих, или в ванной комнате, застигнув врасплох в их выгнутой интимности, в ту секунду, когда они ставили ножку на бортик. Получалось еще лучше, если они опускались на колени, разглядывая свои груди. Фоном всегда служили вентилятор и музыка: оба компонента способствуют шевелению волос. Потом я отправлял курьера с фотографиями моим друзьям из новой номенклатуры, чтобы они выбрали себе товар по вкусу. Обильный урожай шлюшек сдабривал правительственные трапезы на Rublevka, на территории бывшего совхоза «Горки-2» (фирменная ферма, ставшая русским Саутгемптоном). Я чувствовал, что полезен обществу, и заодно сводил концы с концами. Если я вам в следующий раз принесу свой каталог, вас не отлучат от церкви? О! Спокойно, gospodin! Я шучу, вы что!

Так я стал диспетчером по херувимам. Стоило мне встретить новенькую телочку в «Zima», «Leto» или «Osen» (в Москве клубы называют по временам года, кроме «Весны» — это ресторан фьюжн), а также в «Титанике», «Кабаре», «Jet-Set», «Семерке», «Шамбале», «Zeppelin», «Circus», «First» или «На Крыше», — как я принимался проверять ее по строго установленной шкале: перпендикулярны ли груди вертикальной оси, и если да, то отрицает ли попка закон всемирного тяготения Ньютона (Исаака, не Хельмута), и если да — похожи ли икры на узкие французские батоны, и если да, то можно ли сравнить по длине ее пальцы с карандашами, и если да, то кажется ли, что талия затянута в корсет (хотя не затянута), и если да, приоткрыт ли у нее рот, вдыхающий разреженный кислород заведения и будущее моих мыслей? А если да, то как ей удастся спрятать крылья за спиной? На каждое новое лицо я накладывал свою решетку для чтения шифра, я не знакомился с женщинами, а сканировал их. Я смотрел на них только снизу вверх, взглядом профессионала, потом сверху вниз, не улыбаясь им и не давая себе труда поздороваться. Я должен был провести целый ряд тестов, чтобы заполнить на каждую соискательницу нечто вроде контрольной карты пилота, который, насупив брови, проверяет свою машину, отмечает что-то в блокноте, прекрасно сознавая, что именно в тот день, когда он не найдет ни единой неполадки, самолет разобьется, ибо нет совершенства в подлунном мире.

В тот день легкая дымка окутывала здания, словно облачко влажного пара, повисшего в воздухе, или тонкая марлевая пелена, застывшая свет. Здешний запах ни с чем нельзя сравнить: это смесь гнилой рыбы, блядского парфюма, пролитой водки, нефти, водорослей и лука. Сей аромат не менее причудлив, чем годовой отчет Газпрома. В «Caviar Bar» гостиницы «Европейская» я намазывал маленькие черные икринки на горячие блины, периодически набирая Париж, чтобы организовать модельный конкурс «Aristo Style of the Moment». Приближалось лето. За соседним столиком Жан-Поль Готье изумленно восклицал: «Какое фантастическое место...» Все приезжающие в Петербург беспрестанно повторяют слово «фантастика». Я в фантастику не верю, я верю только в фантазии психопатов. Кутюрье с вытравленными перекисью волосами был членом моего жюри, равно как и Жан-Люк Брюнель,^[62] Этьен Фолли, Тим Джеффрис,^[63] Омар Арфуш^[64] и Сергей Орлов по прозвищу Идиот. До ужина я бродил в одиночестве по царскому Летнему саду, между статуями и липами, по аллее, где Петр Великий устраивал празднества с фейерверками и ночными пиршествами. Потом я часто мысленно возвращался туда... Этот парк — мой утраченный Эдем. Каждый раз, когда я думаю о нем, мне хочется замолчать, чтобы вполне насладиться возникшей картинкой — как мы с Леной гуляем вместе... Сюда приходил почитать Пушкин, прямо в халате усаживаясь на свою любимую скамейку. Здесь же, на следующий день после нашей встречи, Лена заверила меня, что я еще круче Иммануила Канта (вы, русские, начинаете читать раньше, чем мы, потому что у вас, как правило, не хватает средств на игровую приставку). Все вокруг голубело, мы шли, взявшись за руки под знойным небом, и я сказал ей: «You are my Utopia».^[65] Я и представить себе не мог, до какой степени это слово опошлено в ваших палестинах; у нас оно все еще пользуется неплохой репутацией. Лена объяснила мне, что обзывать в России утопией — это оскорбление. Я поцеловал ее, чтобы она заткнулась. Когда я спросил: «Ты меня любишь?», она ответила: «Да, очень». Тут бы я с радостью выдал ей реплику Жана Маре, обращенную к Катрин Денев в «Ослиной шкуре» Жака Деми: «Очень — это мало», но, поскольку мы общались на английском, у меня вышло следующее: «Do you love me?» — «Yes, I like you». — «Like is not love». В общем, было бы куда лучше, если бы она просто прошелестела мне: «Ya lublu tebia». Мы купили

по кока-коле в забегаловке парка. И тут я закинул удочку:

— Ты правда сможешь косить под чеченку?

— Вы сомневаетесь, потому что я блондинка с голубыми глазами? В Чечне их не меньше, чем во всех остальных республиках.

— Нет, просто «Л'Идеаль» хочет поддержать мужественную борьбу маленького, но гордого народа за свою независимость...

— Отца своего я никогда не видела. Может, он чеченец! Но мама сказала, что француз.

— Ну, вот и отлично: французская чеченка, успех гарантирован.

Тихий ангел пролетел, но на самом деле это она шла, размахивая руками... Я решил сменить тему:

— Если ты переспишь со мной, я обещаю, что все СМИ будут твои.

— Shut up!^[66]

— Нет, без базара, моя контрольная карта уже заполнена. Ты готова к взлету. Я должен обязательно отвезти тебя в «Club 55» в Сен-Тропе, чтобы у тебя загорел животик.

— Why?^[67]

— Чтобы представить тебя Давиду Гамильтону — Главному Фотографу Девушек в Цвету. Он там каждый день обедает, ты его сведешь с ума. Он снова запустит свою карьеру вместе с твоей.

— Твое здоровье! — провозгласила она, подняв свою банку с колой.

— За тебя. За тело и за душу.

Голубые, красные и розовые дворцы создавали ощущение, что я гуляю по гигантскому кремовому торту, залитому малиновым сиропом. С тех пор как мой кардиолог обнаружил у меня артериальную гипертонию, я дышу осторожно, избегаю резких движений. Но тут — понятное дело — у меня начался приступ астмы. Я узнал, что должен был чувствовать Одиссей, слышав пение сирен. Чистая красота противопоказана при повышенной сердечной деятельности. Даже трепет ее ресниц становился значительным событием. Глаза закрывались, словно электрические шторы в замедленной съемке, потом верхние веки смыкались с нижними, длиннющие реснички смешивались, бахваясь своим черным извивом, потом внезапно ссорились, обижались и, гневно отпрянув друг от друга, неторопливо распускались навстречу свету, и мир воскресал: моргнет — и новая заря. Захваченный этим зрелищем, я сильно смахивал на неуклюжего сатира, но мне было все равно. Маленькие ножки, пальчики с накрашенными ногтями, легкий, но неизгладимый аромат духов (имитация «L'Heure Bleue»), ямочки на щеках, когда она улыбалась... Лена бесконечно являла взору все новые и

новые причины полюбить ее, и даже если бы вам удалось устоять перед вышеперечисленными, вы бы точно запали на ее коричневое широченное пальто, робость девушки из хорошей семьи (которую можно было принять за высокомерие), на ее способность краснеть по любому поводу, грызть, отвернувшись, большой палец, трясти ногой в лодочке, повисшей на кончиках пальцев, и привычку наклонять голову, чтобы покрутить прядку волос, или выставлять вперед свой вампирский зуб (верхний левый клык). А голос! Слишком безмятежный и замедленный для ее возраста, словно принцесса уже привыкла, что ее никогда не перебивают. Звери в лесу затихали, когда она начинала говорить, природа жаждала вслушаться в эту мелодию, балалайкам нечего было делать рядом с ней, и даже ветер покорно ждал, пока она зажжет сигарету...

И все-таки кое в чем наши мнения разошлись.

— I love Пита Доэрти! Это новый Джим Моррисон. Я от него без ума.

— Ты с этим психом и пяти минут не выдержала бы.

— Он поэт.

— Вот он плеванет тебе па юбку, твой поэт, и ты сбежишь.

— Не ревнуй. Он колется, потому что ему плохо.

— Я ревную к этому бомжу? Pizdets!

— От кого ты таких слов набрался? Ты вульгарен. У меня бабочки в животе порхают, когда я слушаю Пита Доэрти.

— А у меня, когда я тебя вижу, в низу живота бьет гейзер.

— Может, Доэрти и торчок, но он хотя бы не скаут!

— Как же! А куда ты денешь Кейт Мосс?

— ОК, но он не пялится целый божий день на других баб, высматривая толстые сиськи и маленькие жопки!

— Я смотрю на других, только чтобы убедиться в том, что я и так знаю: ты самая красивая девочка во всей живой природе. Твои глаза самые огромные в нашей галактике, а в нее я включаю не только созвездие Стрельца, но и туманность Андромеды.

Когда мы так пикировались, я видел, что она обижается больше меня, потому что она моложе и ее броня еще не затвердела. Я сдерживался, чтобы не изнасиловать ее, она — чтобы не разрыдаться. Между нами, как говорится, зарождалась любовь. Лучшие мгновения узнавания — это вот такие мелкие стычки, дурацкие ссоры, которые только закрепляют перемирие и слегка пугают — знак того, что тебя наконец проняло, и, странное дело, не в кино и не перед экраном телевизора. Ну а как не разозлиться, если при взгляде на ее лицо выступают слезы. Так мы добрели

до улицы Герцена, чтобы взглянуть на розовый особняк в стиле раннего модерна, где жил Владимир Набоков. Можно ли было нашей парочке туда не зайти...

Я чувствовал, что возвращаюсь к жизни, посылая ей идиотские эсэмэски. Посмотрите, поп жизни моей, я их все сохранил в мобильнике.

«Ты меня забыла, бросила, ты заснула, умерла или влюбилась в меня?»

«Я люблю тебя снова и снова».

«Время без тебя течет слишком медленно. Завтра наступит через год».

«Я ищу тебя уже сорок лет».

«Благодарю Господа за то, что он дал тебе жизнь, твою мать — за то, что она тебя вырастила, и отца Иерохиромандрита за то, что он познакомил нас».

«Я закрываю глаза и вижу твои».

«Наше совместное существование будет потрясающим».

«Твои глаза цвета ликера „Кюрасао“ — мои диктаторы. Я тебя люблю до потери пульса».

«Я — твой двойник и твоя половина».

«Я все время глупо улыбаюсь, думая о том, что ты существуешь».

«Без тебя я становлюсь инвалидом, паралитиком, дауном, параноиком, невротиком, депрессивным маньяком и впадаю в кому. Закрой глаза, я наложу руки тебе на лицо и прошепчу, что буду любить тебя вечно. Слышишь ли ты, как мои слезы каплют тебе в ухо?»

«Сегодня у меня полно работы, но мне бы хотелось проверить твою эпиляцию в области бикини».

«Торчу в порту, почему не у тебя во рту?»

«Ты воздух, наполняющий мои легкие и молодящий мою опустошенную душу».

«Мне скучно без тебя... потому что я скучаю по тебе».

«Я много чего ненавижу, но кое-что люблю, тебя в том числе».

Когда я перечитываю эти сообщения, у меня выступают слезы, потому что как-то, в порыве мщенья, я стер все ее ответы.

Из шестидесяти солнечных дней в году мне выпало всего четыре, и на том спасибо. Начиная с мая в Петербурге ночь больше не наступает, поди засни в таких условиях. В полночь свет лиловет, потом приближается к синему Кляйна.^[68] В три утра солнце заходит на часок, но поспать дольше, чем оно, все равно не удастся. Мы с Леной проплыли на лодке по всем каналам, но будьте бдительны: Петербург — это вам не Северная Венеция (оставим это дебильное название Амстердаму или Брюгге, я думаю, вы не против, святой отец). Все триста мостов тут освещать, само собой, не нанимались, но сияния Лениного лица с лихвой хватало, чтобы не потерпеть крушения. Рыбаки мрачнели, глядя, как мы распугиваем им рыбу своей моторкой. Мосты распахивались над Невой, пропуская корабли, идущие к Ладоге. В Петербурге разработан классический метод кадрежа: перевезите девушку на противоположный берег, и она никуда от вас не денется, пока не сведут мосты, часов в пять утра. В Петербурге я постоянно терялся, и Лена заметила, что я страдаю топографическим кретинизмом. Ну а что вы хотите, мне нравилось блуждать в мраморном лабиринте, чувствуя себя смутным силуэтом в тумане, тенью между камнями и рекой, которая постоянно выплескивается через край. Говорят, осенью ветер гонит воду из Финского залива прямо в подвалы Академии изящных искусств, уничтожая древние рукописи и шедевры живописи. Крыши золотились над городом, словно плечи стриптизерш из клуба «Golden Dolls». Небо окрашивалось в розово-грудные тона. Мосты разводились словно ноги. У меня, конечно, перебор с сексуальными сравнениями, простите, your holyness,^[69] но от всех остальных скулы сводит. Когда ночи нет, в сон не клонит. Сумеречные улицы были все на одно лицо, и при взгляде на проходящих мимо девушек казалось, что листаешь каталог агентства «Elite». Набоков удачно выбрал место рождения, равно как и президент Путин. В Питере среднестатистический женский облик соответствует обложке «Вог». Некоторые богини приезжали в ночные клубы на водных лыжах по Фонтанке. Слава богу, Невский проспект с неоновыми, типа бродвейскими огнями и улаждающими слух туристов арфами в качестве звукового фона служил мне компасом после бурной не-ночи в «Забава-баре» (стриптиз-клуб на барже). Я возвращался в гостиницу, шагая вдоль ее фасада в стиле рококо, выкрашенного в желтый цвет — в надежде, видимо, создать иллюзию, будто у них тут круглый год солнечно. С малышкой

Еленой Дойчевой мы посетили квартиру, где Достоевский написал «Братьев Карамазовых»: ничего интересного, разве что мягкая шляпа, которую он забыл в Париже. Часы остановлены на минуте его смерти — восемь тридцать шесть, 28 января 1881 года. Теперь я понимаю, как пишутся шедевры: селишься в убогой квартирке, напяливаешь мягкую шляпу — и вдруг что-то такое проявляется на чистом листе бумаги. Тогда лови момент, ныряй — и готово: твою квартиру сохраняют в первозданном виде. Заглянули мы и к Пушкину: недурная библиотека для парня, умершего в тридцать семь лет. Нас попросили снять обувь и натянуть тапочки, чтобы не поцарапать пол. Под ошалелым взглядом дежурной бабушки мы с Леной скользили, выбросив вверх руки, как фигуристы, и умирали от смеха. Здесь тоже часы показывают минуту смерти поэта: без четверти три, 10 февраля 1837 года. Тут хранятся и дуэльные пистолеты, стоившие ему жизни. Они чинно лежат под стеклом. Я долго рассматривал пушку, из которой француз Дантес выстрелил Пушкину в брюхо на берегу Черной речки. В то время любовью не шутили. Повинуясь внезапному порыву, я сказал Лене:

— Я хотел бы умереть в твоих объятиях.

— Oh no please! I will have to remove the body!^[70] Знаешь историю про старика и умирающего Пушкина?

— Niet.

— Пушкин умирает, объявляют о его кончине. Старик, ожидавший у входа в дом, начинает горько рыдать. Его спрашивают: «Вы что, родственник?» — «Нет, — отвечает старик, — я русский».

Вот почему я предпочитаю Петербург Москве: тут любовь к легким бабкам и красивым бабам скрашивается культурной славой и исторической гордостью. Это город остановленных часов, застывших в стоп-кадре квартир и черствого черного хлеба, который все равно едят. Прошлое то и дело всплывает на поверхность и давит всей своей тяжестью на настоящее. В Москве же пытаются забыть прошлое, полагая, что оно только тормозит будущее. В Санкт-Петербурге прошлое — это залог будущего: об этот город Гитлер себе зубы и обломал. В течение девятидней блокады ленинградцы ели клей, прогорклый маргарин, крыс, людей и землю. Из 3 миллионов жителей погибло 800 тысяч. Немало «бодиз» им пришлось «ремувать»! Русские функционируют как мои мозги: они сохраняют только приятные воспоминания. Список сотрудников КГБ — стираем. Прах императрицы Марии Федоровны — перезахораниваем с большой pompой в Петропавловской крепости. ГУЛАГ — сдаем в архив. Победу над фашизмом — празднуем. Жертвы сталинизма — какая безвкусица! Героев

русской армии — дозволяем (кроме тех, кто задохнулся на подложке «Курск»). Возраст придает здешним зданием величие, которому просто так не научишься. На каждом углу попадаются театры в стиле рококо и литературные кафе. Вы знали, отец, что я наверняка влюблюсь в этом призрачном пейзаже. Одно модное заведение названо тут в честь Онегина, романтического денди, придуманного Пушкиным. Если я когда-нибудь открою ночной клуб в Питере, то назову его «Грушенька», в память отчаянной пожирательницы мужчин из «Братьев Карамазовых». Не будем забывать, что в Санкт-Петербурге воздвигают памятники испорченным юнцам, пьяницам, гулякам, волокитам и погибшим. Пушкин, этот обманчиво легковесный писатель, сравнил Петербург с окном, прорубленным в Европу. Windows on Europe? Еще есть «Литературное кафе», где поэт последний раз пропустил стаканчик, прежде чем пасть на дуэли от руки любовника своей жены. Лена все мне показала; до сих пор не могу понять, почему она меня выгуливала всю ночь, словно девочка, выводящая пописать своего пса. Наверняка хотела проявить любезность по отношению к другу исповедника своей матери. Увы, я принял ее хорошее воспитание за зарождающееся чувство... Я не знал уже, на что смотреть — на Лену или Петербург? Одно другого стоило. Как правило, она затмевала собой город. Жизнь берет верх над мрамором, шипучая юность подавляет каменные кариатиды. Тут всему триста лет. Даже пианистке из моего отеля, которая поставила розу и подсвечник на черно-белый рояль.

Одна только Лена была моложе. Она скромно шла впереди, зажав в руке свой бук, и волосы, взлохмаченные радостью жизни и здоровьем, струились водопадом по ее плечам. Я могу наизусть процитировать ее первую фразу, произнесенную в «Caviar Bar»: «Hi, I am visiting you on behalf of father Ierokhiromandrit. My name is Elena but everybody calls me Lena».^[71] По-моему, у меня еще никогда так не сносило крышу. Что за напасть, почему при виде этой миниатюрной блондинки четырнадцати лет мне тут же захотелось завывать на луну, засунуть язык в ее юный ротик, розовый, словно вишенка весной, и упасть на пол, чтобы она переступила через меня, повторяя: *sprakoinoi poshi*. Мои друзья, наблюдавшие за нами в холле отеля, сказали, что я побагровел, пожав ей руку, и целую минуту не выпускал ее. Я помню и свои слова: «My name is Octave Parango. I work for „Aristo Agency“ and I have been looking for you since I arrived in Russia».^[72] Фредерик Серсо из агентства «Madison», наверно, так же выпучил глаза, увидев пятнадцатилетнюю Летицию Каста на пляже в Кальви. Я

немедленно поклялся молочно-белой девчонке, что она выиграет конкурс — ведь всякое соревнование утратило теперь смысл, она оставила всех соперниц далеко позади самым фактом своего рождения, что я непременно факсану ее фотку Эллен фон Унверт и Марио Соррети и издания «Vazaar» во всем мире будут рвать ее на части, но все равно они ее недостойны, только теперь ей придется скрывать свое великолепие и не выставлять себя напоказ, потому что ее сила отныне в уникальности и самодисциплине, как у балерин «Мариинки», а еще подать сюда икры и водки, жизнь прекрасна благодаря ей и ради нее, а Бог существует, ибо Он ее создал. Мне казалось, Лена смеется; на самом деле она просто демонстрировала свои зубки... Мне бы следовало насторожиться, услышав ее первую шутку. Когда я сказал, что у нее глаза цвета воды в гостиничном бассейне, она ответила: «Я там плавала, вода грязная». Я сразу должен был сообразить, что в этой истории роль простофили уготована мне. Лена поднялась в мой номер люкс, чтобы я отсканировал ее композитку и разослал по мейлу всем букерам планеты. Ее фотки, хоть и говенные (черно-белые, явно плод стараний приятеля-студента из Академии изящных искусств в обмен на ее невинность), поражали тем не менее бесхитростной порочностью. Она позировала полуобнаженной, и я увидел ее душу. До сих пор я не знал, что означает это слово. Никаких эпитетов не хватит, чтобы описать эту картинку, напомнившую мне карандашный набросок Дега из Музея Орсе («Полуобнаженная женщина, лежащая на спине», 1865). Ну конечно, я наслышан о русской душе. Вера в Бога в вашей стране звучит как плеоназм. Но в ту секунду я понял, что Бог — это русская девочка с новенькими грудками и имперским взглядом, резвящаяся в Екатерининском дворце, словно фавн Льва Бакста. Нечто высшее, казалось, вселилось в ее тело, обрело земную оболочку на время одной жизни. Когда так долго ждешь милости, благодарность не знает меры. Я вынес все: ночлег на узких кушетках, разваренную баранину в кафетериях из рыжего пластика, пьянки в гостях у краснорожих семейств, разливающих табуретовку, — все ради того, чтобы наконец пережить чудное мгновенье. Аллилуйя! Лена сформулировала мою мысль поговоркой: «No pain, no gain».^[73] Я уже знал, что мой нетворкинг склонит жюри в ее пользу. Когда я ее щелкнул, смутился даже мой фотоаппарат. Я опустошил мини-бар, высунув язык, словно кокер-спаниель. Я совершил все без исключения ошибки дебютанта! Не знаю уж, чем я был ослеплен — фотовспышками или любовью. Сколько раз мне повторяли: не люби, где работаешь! Классическая ловушка: начинающая моделька всего от вас добывается — от неучтенных процентов до приема у Карла Лагерфельда. Повеситься на

люстре из поддельного хрусталя было бы правильнее. Ничего не попишешь: мой отец тоже любил молоденьких, с чего бы я стал нарушать семейную традицию.

На следующий день, уступив моим униженным просьбам, Лена согласилась сопровождать меня в Петергоф. Что-то она слишком быстро сдавалась, чтобы быть искренней, но тогда я не обратил на это внимания. Какой приказ отдал бы Петр Великий на моем месте? Немедленное нанесение увечий. Карцер или четвертование. Либо, последовав моему примеру, он затащил бы ее вглубь тенистой аллеи, меж берез и сосен, в свой летний дворец Монплеизир, откуда можно любоваться сквозь лепестки раннего лета ледоколом, идущим к Кронштадту. Беспечной девочке Лене было глубоко на меня наплевать, это было видно невооруженным глазом: ей хотелось, чтобы я по благу вывел ее в финалистки, только и всего. Но вид Финского залива под бескрайним небом, белое солнце, дружелюбные облака и ее детская пробежка по местному краснокирпичному Трианону... Мне казалось, я слушаю музыку. Я сломался на картинке, дорогой мой кюре, что вы хотите, я эстет, издержки профессии. И потом, я столько бабок вложил в эту экспедицию. Теперь мне оставалось только по уши втрескаться в сопливую геронтофилку с торчащими грудками и тонкой талией. Лена резвилась, ныряя в струи волшебного фонтана. Дождь пролился, и я влюбился. Мои легкие вдыхали чистый солоноватый воздух. В это мгновение я вспомнил недавно прочитанные строки Пастернака:

Грудь под поцелуи, как под рукомойник!

<...>

Расколышь же душу! Всю сегодня выпень.

Брызги гигантского водяного цветка заливали ее с головой, промокшая кофточка прилипла к соскам, которые легко угадывались под прозрачной тканью, их розоватость сочеталась с оттенком губ, а лоб тонул под копной волос, струившихся своевольной рекой между бугорками грудей... Земля ходила ходуном под ее ногами, и мне хотелось утонуть в этой крестильной грязи.

Можно ли найти определение гармонии? Судя по всему, я наконец стал полноправным персонажем этой весенней прибалтийской открытки. Словно мое уродство и моя слабость были мне прощены: я уже не выглядел тут чужаком. Ее красота открыла мне двери в непорочный мир,

простодушие упрощало мне жизнь; я вкушал эту минутную передышку как долгожданный эффект стилнокса. Одного мгновения порой хватает, чтобы создалось ощущение, что ты у цели. Вы никогда не испытывали этого? Когда боишься пошевелиться, опасаясь что-нибудь разбить. Господь протянул мне руки, я чувствовал, что готов. Благодать — это настоящее, потому что в такие минуты ни прошлого, ни будущего не существует. Становишься пейзажем.

Брр... Снаружи жарко, внутри мороз. Поздравляю: высота потолка обеспечивает тут у вас естественный кондиционер без вредного воздействия на среду. В вашем ледяном соборе у меня в разгар лета на носу висит капля. На улице прохожие разгуливают в шортах и валяются голышом в траве, загорая на берегу реки. А у вас, посмотрите: у меня изо рта пар идет, я мог бы выпускать его колечками без всякой гаванской сигары. Пока в церквях будет так холодно, религия не выйдет из кризиса. Хотя я вам сказал, что обожаю молиться! Я часто преклоняю колени и в Москве, и в Париже. Опускаюсь прямо в лужи перед церквями, куда не вхожу, правда, и прошу у неба прощения. Люблю общаться с Тем, Кто Блится Своим Отсутствием. Обратив взор к небосводу, я уговариваю даже звезды заранее отпустить мне грехи, которые я только собираюсь совершить. А потом бреду к вам на исповедь. Можно сказать, что я успешно провожу мероприятия по профилактике собственных преступлений. Иван Грозный вел себя по той же схеме в соборе Василия Блаженного, не так ли? Коленопреклонение — отличная передышка между сеансами пыток. Не сочтите за бахвальство, но грешил я часто. Я вот думаю, что легализация изнасилования намного бы упростила жизнь современного мужчины. Пока, к сожалению, прежде чем получить доступ к стройным телам, приходится просить разрешения. Вот я и подошел к цели своей исповеди: по прошествии нескольких московских месяцев мои целомудренные фотосессии начали заводить меня не в ту степь. Желание превратилось в похоть, похоть — в зависть (а это один из смертных грехов), а зависть — в ненависть. Признайся я вам в этом раньше, вы ни за что не представили бы мне Лену, и были бы правы. (Подумать только, по-английски вместо «представить» говорят «вставить»!^[74]) Я прекрасно помню день, когда меня выбило из колеи. Некая Саша сосала «Чупа-чупс» в моей мастерской и терпеливо ждала моего вердикта. Глядя на ее веснушки и туго заплетенную косичку, я понял, что могу потребовать от нее всего, чего угодно, и пошло-поехало: «Сядь прямо, чтоб вздулись сиськи»; «Теперь задери юбку и прогнись назад»; «Так бы и впился в твою дырку»; «Спусти колготки и трусики. Разведи ноги. Откройся хорошенько. Можно, я буду называть тебя Сезам?». У меня сохранились крупные планы ее светло-розовой письки и запись жалобного блеяния под мою дудку. Чистое наслаждение: никогда не слышал ничего более возбуждающего, чем

ее слабые протесты. Она, конечно, никому не пожаловалась, потому что моя «крыша», олигарх Сергей, всегда начеку. Видите ли, о непорочный пророк, проблема власти состоит в том, что рано или поздно хочется ею воспользоваться. Половая распущенность традиционна для правящей России еще со времен Лаврентия Берия. Если нимфетка желает добиться успеха в мире моделинга, ей лучше со мной не ссориться. Я что-то вроде обязательного этапа на пути к огням рампы. Святой Петр глянца! Фэшн-Цербер!

Вы закашлялись? Значит, не заснули, и на том спасибо. Теперь я должен сделать признание, которое не дает мне покоя, но я все ленюсь, сачкую и откладываю его. Значит, так: до знакомства с Леной я изнасиловал за год двенадцать девиц. Не надо корчить такую рожу: подумаешь, одну в месяц... Знаете, в моей творческой лаборатории очень быстро приобретаются некоторые привычки... Впрочем, говоря «изнасиловал», я слегка рисуюсь, как правило, я засовывал им только палец или заставлял их терпеть себя до тех пор, пока они не кончали. Позвольте мне объяснить свою методику. Я просил девушек поведываться передо мной, чтобы «запечатлеть на пленке их чувственность». Заливал им про «киногеничность», «профессиональную сексапильность», «*porn chic attitude*» и «*trashy style*». Сыпал именами всех модных фотографов-порнографов андерграунда: Терри Ричардсона, Рэнкина, Ларри Кларка, Юргена Теллера, Ричарда Керна, Роя Стюарта и Григория Галицына. Интеллектуалок грузил историей о том, как благородный Луи Скорецки защищал режиссера Жан-Клода Бриссо в деле «hot» кастинга,^[75] когда на него ополчилась вся французская юстиция. Меня особенно ужаснула одна фраза из приговора: «Г-н Бриссо помышлял исключительно о собственном удовольствии, что несовместимо с художественным и кинематографическим творческим актом». Гнусь какая! Зачем нужен художник, помышляющий о чем-либо ином, кроме «собственного удовольствия»? Я отказываюсь открывать роман писателя, который думает о чем-то, кроме собственного удовольствия! Роден дрожил, глядя на своих натурщиц! И Климт тоже! Ладно, проехали, я чувствую, что сейчас разозлюсь и у меня рожа покроется красными бляшками, то еще зрелище. Порноимидж был в духе времени, и разыгрывать карту сексуальности вовсе не значило заниматься проституцией, все звезды прошли через это (многие модели начинали с эротических фото, более или менее хардкор). Секс поэтому являлся уже не проблемой, а предметом изучения, даже способом самовыражения, если хотите. Девушки давали, лизали, стонали,

сосали, глотали, кончали и писали при мне по моей просьбе. Творчество оправдывало любые закидоны. Они счастливы были, что их растаможили. Я им гарантировал культурную составляющую, они предоставляли мне в пользование свою щелку — это скорее был натуральный обмен, чем домогательство.

Простите, ваша честь? Разумеется, ни одна из них на меня не донесла. В любом случае милиция была за нас. Малышки понимали, что их жалобам не дадут хода, а репрессии с нашей стороны не заставят себя ждать. Как-то раз одна моя жертва решила подать в суд. Несколько телефонных звонков ее разубедили. Прежде чем встретиться с ними, я давал им понять, что у меня есть все адреса — их собственный и родственников. Наши «бандиты» отлично умеют припугнуть: звонят в дверь, поднимают вас за воротник, распахивают окно и спрашивают, какие проблемы. Обычно в ответ они слышат: «Какие такие проблемы? Нет проблем. И никогда не было». Со времен Петра Великого в России все проблемы решаются именно таким образом. Золотые кареты сменились бронированными «мерседесами», но запугивание осталось основным пластом (и хлыстом) жизни российского общества. Не знаю, куда делась та кляузница — может, прячется в таежной избушке или монгольской юрте, в вашей ватной заброшенной глубинке, неподалеку от морозильника, где доходит Ходорковский, миллиардер, пожелавший продать «ЮКОС» американскому «Эксону». Мы с Путиным любим порой наглядные примеры — а чтоб не выступали.

Должен сказать, с бизнесом у меня было все в порядке. Я занимался поставкой телок для номенклатурных оргий, в обмен на что мои высокопоставленные друзья обеспечивали мне безопасность и безнаказанность. Иногда мне бывает стыдно, что я продался за нефтерубли, но я не уверен, что сожалею об этом. Так просто стать мерзкой скотиной, когда пьешь невинную кровь. Я ломал этих кривляк, потому что меня мутило, а меня мутило, потому что я мутила. В чем проблема? Нет проблем.

Постепенно я начал пренебрегать своими прямыми обязанностями. «Л'Идеаль» приносил мне меньше доходов, чем олигооргии. Торговцы канцерогенными кремами перетопчутся. Масштабы разные: рядом с алюминием и газом косметическая промышленность — это просто детский сад. Я был не прочь приписать пару-тройку нулей к сумме на своем счету в банке в качестве награды за то, что стал подонком. «Аристо» доставало меня телефонными звонками, но я вмиг наловчился быть временно недоступным — не отвечая па звонки, тут же превращаешься в крутого випа. С ума сойти, до какой степени заполненный до отказа ответчик впечатляет звонящего. Московские миллиардеры бесплатно селили меня в недавно отреставрированных дворцах, где диваны утопали в кашемировых пледах, а подушки — в покрытых соболями канапе. Решив поехать за покупками, мы долго колебались между вертолетом и частным самолетом, но в итоге посылали кого-нибудь вместо себя. Девочки радовались, что больше не надо проходить кастинги. Между нами говоря, подставлять себя под струю, растянувшись на шелковых простынях, все же не так утомительно, как торчать часами на сквозняке перед объективом. Лишь авеню Монтень и Куршевель (прозванный Сергеем «русскими Альпами») еще связывали меня с бывшей родиной. От себя убегаешь сломя голову, и это так приятно, что прямо сердце екает. Мне нравилось, что шлюхи с челкой трудились надо мной как пчелки. Если мы не пользуемся своей властью, на что мы тогда сдались?

Я пришел к вам сейчас благодаря Лене, как пришел когда-то к ней благодаря вам. Нет, не волнуйтесь, я не то что не изнасиловал ее, я едва до нее дотронулся. Я сосал ей прямо через чулки пальчики на узких ступнях, но более развратных действий по отношению к ней не совершал. Единственный раз, когда мы спали вместе, лицом к лицу, я задерживал дыхание, чтобы наши вдохи и выдохи совпадали. Ее сон словно сошел с картины Пикассо «Спящая женщина», в менее кубистическом стиле. Я просто не мог ее коснуться... С фарфоровыми куколками я чувствую себя слоном в посудной лавке. Я с гордостью входил с ней в ночные клубы и пунцовел от удовольствия, когда фейсконтролер спрашивал у нее документы, чтобы убедиться в ее совершеннолети. Тут Сергей добавлял горилле на лапу, и тот делал вид, что Лене давно перевалило за

четырнадцать. Она не от меня сбежала, а от Сергея. Он хвастался, что устраивает прикольные вечеринки, где девочки обязаны носить бейджики со своей продажной ценой. Что владеет заводом по обработке материнского молока и фабрикой слез смиренных дев. На его заводе только что родивших мамаш доят специальными аппаратами, а полученное сырье поставляют «Л'Идеалу». Он мне признался в этом по пьяни: его таинственный эликсир молодости оказался всего-навсего женским молоком! Сергей получил патент на консервацию «Human milk». Говорят, размажешь его по щекам — помолодеешь на десять лет. Мне ни в коем случае нельзя было показывать ему Лену — теперь он намерен ее обрюхатить, чтобы потом выдоить! Фабрика его еще оригинальнее: там девушек подвешивают головой вниз и хлещут крапивой над тазом, куда ручейком стекают их слезы. Он реализует их гектолитрами, это золотой дождь, а никакой не ручей! Честное слово. Он даже продает по Интернету DVD с записью этих пыток. Злосчастные рабыни ежедневно выдают на-гора немереное количество слез. Накал страдания, запечатленного камерой наблюдения в чеченском ангаре, — убийственно прекрасное зрелище. В одном эпизоде этого сериала я даже узнал Сергея собственной персоной — склонившись над восхитительной жертвой, подвешенной за ноги голышом, он шепчет ей на ухо:

— Не беспокойся, лапуля, скоро ты умрешь. Надо только попросить меня как следует.

Потом мы видим, как он вонзает иголки ей в грудь, собирая слезы с лица пипеткой. Влага, высосанная со щек, чище (в тазу слезы смешиваются с плевками, потом, рвотой и вагинальными выделениями, тогда так, выпитые прямо с лица, они отличаются гораздо более изысканным вкусом, все знатоки сходятся на этом). Уникальность товара объясняется трудностью сбора урожая. Тела плакальщиц должны быть крепко и туго связаны, чтобы не пропало ни капли. Флакончик со слезами продается по Интернету по 150 000 евро за 10 миллилитров, то есть в тысячу раз дороже икры! Их принимают пипеточными дозами, *one drop is enough!*^[76] Эта теплая соленая жидкость обладает свойствами афродизиака, некоторые пользователи окропляют себе ею гениталии, как святой водой, — перед оргией самое оно. Слезы употребляются также для придания пикантности самым обычным блюдам (блинам, яйцам всмятку, печеной картошке) и для ароматизации некоторых коктейлей. Эротичность слез — известный феномен, он занесен даже в «Словарь извращений» под именем «дакрифилия».

Я глумился над Леной, унижал ее, но в ту секунду, когда она начала ускользать от меня, вдруг сообразил, что она — мой последний шанс. Лена

— мое наказание; я влюбился, словно приговор выслушал. Любовь всегда начинается со страха. И мне тут же захотелось избавиться от него. Я еще не знал тогда, что, приведя Лену на пати к Сергею-дакрифилу, я устроил сам себе проверку на прочность. Я хотел выяснить, дорога ли мне она на самом деле. За что боролся, на то и напоролся: стоило мне ее предать, бросить на растерзание, опротиветь ей, как я понял, что безраздельно принадлежу этой девочке, но поезд ушел, она смертельно на меня обиделась. Дайте мне закончить, отец Иерохиромандрит! Я не сразу догадался, что без ума от нее, или, скорее, пытался сопротивляться этому чувству. Я думал, она как все и я легко найду ей замену, тут же забуду ее или захочу, чтобы она сама удрала от меня. Мне казалось, что зрелище ее секса с садистами возбудит меня, как Рене, героя «Истории О» (ну, вы же читали этот ремейк Евангелия, где вместо Иисуса выступает одна мазохистка). Но больно стало мне, очень больно, ужасающе больно. Ревность не является афродизиаксом; свингеры на самом деле не влюблены, а то бы их оргии заканчивались мордобоем. Я исповедуюсь вам в своих терзаниях, чтобы вернуть Лену. Как вы понимаете, я часто говорил с ней о вас, и я знаю, что она прячется где-то здесь после той дачной ночи. Если вы не хотите это сделать для меня, сделайте это для нее, для ее семьи, ее будущего! На ней скоро можно будет поставить крест — в профессиональном смысле. Мой ответчик ломится от предложений! Не будет же она жертвовать карьерой ради того, чтобы защитить свою девичью честь? «Л'Идеаль» собирается букировать ее на двенадцать рекламных кампаний в Париже, агентство «Аристо» готовит три контракта на съемки в августе, весь мир моды подпрыгнул до потолка, вздрюченный ее аурой, манерой держаться, ее прерафаэлитской внешностью, а эта сучка затаилась где-то в Москве, и я потерял ее след. Лену надо во что бы то ни стало вырвать из лап Сергея! Не для меня, так во имя ее спасения. Я знаю наперед все, что с ней случится, если мы не придем ей на помощь. В лучшем случае она станет невольницей-кокаиноманкой, полуночницей, говорящей только о шопинге, старлеткой, которая листает глянцевые журналы, проверяя, красуется ли там ее фотка, женой богатого импотента, заброшенной и обманутой шлюхой с рябым лицом, страдающей маниакально-депрессивным психозом, — продажной, старой и вульгарной телкой в майке с надписью «DON'T TELL MY BOOKER»^[77] или «FUCK ME! I'M FAMOUS».^[78] Вскоре лицо у нее опухнет от «Jack Daniel's». Ее сумка раздуется от скрученных трубочкой банкнот. Из рта будет вонять старой пепельницей. А в худшем случае Идиот запрет ее на своей фабрике слез. Молоко беременных женщин идет не так хорошо, как слезы писюшек. Да и производство проще! Брюхатые

поддаются дойке всего несколько месяцев. Тогда как, отловив девок в Чечне (один звонок дружкам Кадырова, и Сергей волен промышлять в любой деревне), можно связать их в ангаре и сечь весь день напролет, собирая слезы ведрами. В новый крем «Л'Идеаля» войдет этот революционный ингредиент. Приятели Сергея поставили на поток похищение плакальщиц. Идиот собирается запустить с Ричардом Бренсоном^[79] «Virgin Tears» в форме флакона с дозатором, вроде ривотрила. Как-то он выдал мне все свои секреты после хорошей дозы спид-болла и теперь, наверное, даже не помнит об этом. Он был в том еще состоянии...

Вы что, хотите, чтобы Лена болталась вниз головой и рыдала в аппарат, сосущий ее всхлипы? ОТЕЦ, СПАСЕМ ЕЕ ВМЕСТЕ. Я почти уверен, что она к вам придет, если уже не пришла. Уверяю вас, я чуть было не стал хорошим человеком. В вашего Бога я не верю, но клянусь вам, что у меня была вера в Лену! Помните, вы сказали мне в последний раз, что любовь надо ценить? Я вам ответил: в любовь надо играть. Вы возразили, что любовь — это хрупкое таинство, чудо, воля Божья. Я знал, что в этом-то и будет вся проблема, что в один прекрасный день я перейду от охоты за лучшей моделью к исканию высшего Существа. Бога, который вник бы в мои терзания. Бога одержимых, эпикурейцев, депрессивных жуиров и подлых трусов. Нового Бога, не сводимого ни к деньгами, ни к сексу, Бога, которого надо найти и создать, — вот такого Бога я уже заждался. Я знал, что ответ кроется где-то тут, в самой большой стране мира. Став заядлым насильником, я полагал, что ищу самую великую звезду красоты, а выясняется, что мне нужен был Мессия. Платон говорит в «Федре», что стремление к прекрасному угодно Богу любви. Вот что я пришел вам сообщить, отец: Лена Дойчева, может, и не Пресвятая Дева, но она Христос! Иисус — это чеченская женщина! Что значит «убирайтесь вон отсюда»? Я пришел к вам совершить акт покаяния, и вы вот так меня поощряете? Ладно, если вы настаиваете, давайте пожалуем Лене хоть Непорочное Зачатие — невинная инфанта не несет в себе первородного греха! ОК, ОК, я знаю, что вам, православным, стоит поперек горла это изобретение католиков 1854 года,^[80] да, я уйду. Ай! Отпустите мою руку, больно! Я сам знаю, где выход, mushchina. Я еще вернусь в ваш приход, как говорит Терминатор. I'll be back!^[81] Аллилуйя, ваше превосходительство! Мне всего-то надо перейти Волхонку и склонить голову в Пушкинском музее, где ренуаровские девушки будут ко мне более благожелательны. И

верните мне мою баночку фуа-гра!

И плевать, что я бормочу самую важную фразу этой исповеди.

Плевать, что вы никогда ее не услышите:

Я любил, и меня любили, но это никогда не совпадало по времени.

Отрывки из блога Лены Дойчевой

(подшито к делу о храме Христа Спасителя)

Воскресенье. Одно желание: слинять из этой страны. Моя жизнь скучна, как вечное воскресенье. Я не кончаю с собой только потому, что порой уже чувствую себя покойницей. Я слишком часто видела, как маму лупят поддатые мудилы, — как после этого выжить! Когда они уходили, мама хлестала меня по щекам, чтобы я прекратила орать. Потом мы рыдали, прижавшись друг к другу, я говорила «спаси», а она — «прости» и гладила меня по головке, пока я наконец не засыпала, утонув в ее виноватых слезах. За окном всегда шел снег. Я почти не преувеличиваю, приезжайте, сами увидите.

Понедельник. У нас дома было одно запретное слово: папа. Я родилась сразу после распада СССР. Как-то странно, что я не застала ничего того, о чем мне рассказывала мама: коммунальную квартиру, в которой жили еще две семьи, очередь в душ, общие шкафчики на кухне и так далее... Мне-то кажется, что коллективная жизнь — это здорово, что-то вроде совместной аренды квартиры, как в сериале «Друзья», но, судя по всему, веселого в этом было мало, сплошная принудилровка. Соседей не выбирали, и к тому же надо было думать, что говоришь. Вот почему мама уехала работать официанткой во Францию. Из-за истории с отцом ей в свое время пришлось несладко, хотя она-то тут при чем. А когда она вернулась, ее возненавидели еще больше. Никто не мог понять, зачем она приехала рожать в Ленинград после падения Берлинской стены. Ее отец (мой дед) был арестован за то, что поставил портрет Сталина на землю во время праздника. Мама всегда говорила, что Сталин убил всех самых умных людей в России и остались одни только козлы, пьяницы и бандиты. И тем не менее она не смогла жить в другом месте (а я только об этом и мечтаю). «Страна возрождается из пепла». В моем детстве мама часто повторяла эту фразу. Она потратила несколько лет на то, чтобы выкупить у соседей по

коммуналке их комнаты, пока наконец мы не остались одни в изуродованной, растерзанной на кусочки, словно пазл, квартире, куда подняться можно было только по черной лестнице. Не знаю, как раньше, но с тех пор, как тут появилась я, ничего особенного не возродилось. Про пепел не скажу, но пыли было выше крыши, и еще грязный снег и ветер.

Вторник. Отца своего я не знаю. Мама уверяет, что это был сладострастный француз, красивый, умный мужик. И человек хороший, но у него была своя жизнь в Париже, и она решила любить меня без посторонней помощи. Да, я бастард, как там говорят. Ребенок матери-одиночки. Мне хотелось бы расспросить ее поподробнее, но она вечно плачет, прежде чем ответить. Сегодня в одном журнале я прочла высказывание актера Питера Устинова: «Родители — это кости, о которые дети точат зубы». Жалко, не попался мне папа на зубок.

Среда. Утро было солнечное, и я улыбнулась. У меня совсем нет сил. Все, решено: не буду больше себя трогать. А то разовьются вредные привычки. Не хочу в одиночку получать удовольствие. Лучше, чтобы мне кто-то помогал улететь, скорей бы Виталик вернулся.

Четверг. Надела майку «Be tough»,^[82] она не достает мне до пупка, а мама против пирсинга. В прошлом году я себе вытатуировала нечто среднее между орлом и драконом на ключице, а она заставила меня все стереть! Бедная птичка просидела у меня на плече всего два дня... Я в дауне — снимать татуировку лазером было еще больнее, чем наносить. Я росла одна и сама себя сделала, как Маугли. Мамы никогда не было дома, весь день она работала в ресторане, уходила рано, возвращалась поздно. Иногда мои приходящие отчимы завтракали вместе со мной, а ужинала я с мамой и ее одиночеством. Чего больше: человеколюбия или эгоизма в решении родить ребенка, который явно будет расти как трава, позабыт-позаброшен? Того и другого поровну. Мама пожертвовала собой, принесла в жертву меня. Не знаю, буду ли я способна на такое. Дать жизнь другому — значит забить на свою. Танька со мной согласна (это моя лучшая школьная подруга). Все, с рабством покончено. Нам нужен успех, и мы сделаем все, чтобы не упустить своего шанса. Детей рожать не будем, это единственный способ остаться teen forever.^[83] Я и без того три-четыре раза в неделю занимаюсь бебиситтерством, и, по-моему, рожать ребенка, чтобы потом сбегивать его няньке, — большое свинство. Мне кажется, этот бебик любит меня больше собственной матери. Ясное дело, меня он видит чаще, чем ее. Я его купаю, укладываю, баюкаю, пою ему песенки Авриль Лавинь... Когда я с ним сижу, меня тоска берет — на него тоже всем

плевать, что-то мне это напоминает... Я грызу ногти, потому что мне нравится засовывать пальцы в рот, как в детстве.

Пятница. В маминой тумбочке нашла вибратор в форме помады. У меня, по-моему, нервное истощение. Я им развлекалась весь день, устала до ужаса, это какой-то карманный наркотик, задарма и до отвала. Мне на ум приходят всякие гадости о том, что с ним можно придумать, не буду вам о них рассказывать, стыдно. Я открыла для себя оргазм в одиннадцать лет, потеряв ляжки друг о друга. Но тут, тут... вот адская машинка... Я вышла на кухню вся красная и потная, чтобы приготовить ужин, — просто пай-девочка с ангельским личиком. Я помолилась перед едой — на всякий случай.

Снова пятница. Я подсчитала, что четверть своей жизни провела перед теликом. Не знаю, чего мне больше хочется, — расколотить его вдребезги или очутиться внутри. Сегодня маме позвонил из Москвы отец Иерохиромандрит, ее старый друг. Он знает чувака, который занимается кастингом для «Aristo Style Contest». Что-то типа дефиле, где юные дебилки крутят жопой перед мерзотными старперами: все как в телевизоре. Надо выбирать: либо это, либо уроки физики и депресняк в нашем призрачном городе... почему не попробовать. Я вам все расскажу на этом сайте. Попробую загрузить свои фотки, если у меня получится сканировать их. А так взгляните на портреты Саши Гачулинковой, сделанные Элиной Кечичевой, она тоже очень ничего себе (toooo gorgeoшuuuuu^[84]), я уж не говорю об Ирине Куликовой и Екатерине Киселевой. Сгуглите этих барышень и скажите, как они вам пришлись. Но потом возвращайтесь сюда, я обновляю свой блог каждый день.

Суббота. Я бы хотела умереть молодой, но чуть позже. Мне надо прославиться. Мама смеется надо мной. Хотя это я из-за нее привыкла к обожанию. Ее религия велит преклонять колени перед иконами. Разве желание стать одной из них — это грех? И потом, она сама мне надыбала этот конкурс, сама таскала меня каждый месяц к ортодонту. Я носила съемный аппарат, железяки мне все десны расцарапали, а от склизких розовых пластин меня вообще мутило — и все это ради того, чтобы хвастаться лучшей улыбкой в микрорайоне. Она бы спасибо сказала, что я стараюсь окупить ее стоматологические инвестиции. Лучше выступать на модельных показах, чем на военных парадах. Короче, я не знаю, чего хочу, но я это получу!

Воскресенье. Кастинг состоится в следующий вторник, в гостинице «Европейская». Мы с Танькой весь день примеряли шмотки. Накрасились как готик-лолиты, обхохочешься. Она вообще больная на всю голову:

стацила белье у своей старшей сестры. Мы поприкалывались типа лесбиянки на гулянке, потом сделали клевые фотки, переодевшись в прислужниц, почти голышом, в натуре. Танька уверена, что я выиграю конкурс. Ну, мы-то, понятно, отпадные *manga maids*,^[85] поверьте мне на слово, дорогие читатели, а то фотки никак не хотят загружаться, впрочем, тогда в моем блоге не осталось бы никакой тайны. Лучше представьте себе, как мы лижемся на моей кровати, заваленной платьями пастельных тонов и розовыми ленточками... а зашнурованные ботиночки... а наши лица, пылающие в гуще плюшевых мишек...

Понедельник. Ведение блога — тоже форма эксгибиционизма, но не такая опасная, как пробежка голяком по подиуму перед озабоченными френчами.

Вторник. Встреча в «Европейской» прошла очень хорошо. Организатора зовут Октав, он готов представить мою кандидатуру при условии, что я выдам себя за чеченку, а еще он пригласил меня сниматься к себе в номер. Он прямо джентльмен, — сказал, что у меня ноги как две стрелы, пронзившие его сердце. И еще что я так ослепляю его своей красотой, что он пойдет купить себе очки анти-UVB (*Ultra Violent Beauty*^[86]). А я ему выдала стих Бодлера по-французски: «О, смертный, как мечта из камня, я прекрасна!». ^[87] Он реально охренел, что я могу сказать ему пару слов на его языке. Я объяснила, что мама жила во Франции. Таньку он не взял, теперь она в ярости. Потом зажигали в «Онегине» — полный отстой. В конце концов мы поругались, раскурив косяк на улице. Чтобы успокоить ее, я сказала, что у меня был блат — священник из Москвы.

Среда. Всякий раз, когда Танька заговаривает о Виталике, я чувствую, что краснею, и тут же усердно начинаю завязывать шнурки. У меня уже развился рефлекс, как у собаки Павлова. Стоит кому-нибудь произнести его имя, как я опускаюсь на колени и утыкаюсь в свои конверсы, чтобы никто не видел моей пунцовой физиономии. И это при том, что я дала френчу поцеловать себя в Летнем саду. Мы весь день гуляли, потом поперлись на такси в Петергоф, обалдеть, насколько Октав стеснительнее придурков из моего класса. Я отвезла его в ресторан «Русская рыбалка», он стоит прямо на берегу моря, и клиенты сами могут выловить рыбу и тут же ее схавать. Он начал плакать, когда мы гуляли в Нижнем парке Петергофа. Надо сказать, я его слегка зажгла, нырнув под Елочку, это такой фонтан-шутиха, подойдешь — и на тебя хлынет, как из душа.

Шутник он был, этот царь! Положил 100 000 работяг ради каких-то

детсадовских примочек. Поначалу Октав веселился, а потом вдруг усталился на меня без улыбки, и тут я поняла, что все всерьез. Не считите за хвастовство, но я их наизусть знаю, — всякий раз, когда парень замолкает и пялится на меня, не моргая, я понимаю, что начинаются проблемы. В черном пиджаке, худой, обалдевший, с взъерошенными волосами и кругами под глазами, он был вылитый Раскольников, в самом начале романа, когда пьяница говорит ему в распивочной: «Ведь надобно же, чтобы всякому человеку хоть куда-нибудь можно было пойти». Что-то я не врубаюсь, почему Октав запал именно на меня. Как будто он не видит, что я капризная, заурядная, корыстная, неинтересная и вульгарная дура. Когда он твердит, что я «shikarna», что у меня выпуклые грудки, и называет меня эликсиром молодости, я не могу понять, прикалывается ли он или правда так думает. Может, это и не важно, раз нам хорошо вместе. Как и все тормозы, он постоянно вздыхает, словно изнуренный бегун. Странно, почему папики настолько романтичнее нас. Сколько времени они теряют зря! Либо у них это вместо наркоты: они ширяются чувствами. Вот почему, наверно, я всегда тусовалась с парнями сильно старше меня, курила косяки с тринадцати лет, а в прошлом году попробовала экстази и трахнулась. Хочу быть старой, чтобы стать свободной. У меня, в общем-то, не было детства, мама нюхала кокс прямо у меня на глазах, когда мне было всего восемь лет, а по утрам за завтраком разные уроды слонялись в подштанниках по кухне и таскали мои хлопья. Я стала агрессивной, врала, воровала, меня выгнали из всех школ, а теперь я — младенец в женском теле, с детским лицом и глубоко спрятанным сердцем, с которого я пылинки сдуваю, а оно у меня все равно на мокром месте. Я чувствую, что это плохо кончится, но не сию минуту, еще немножко, подождите пожалуйста, господин палач.

Четверг. Оленька весь день надо мной издевается: «Ну что, звездунья?», «Hello, baby Водянова» и так далее. Танька дуется, потому что я согласилась участвовать в конкурсе, а ее Октав выпер за ненадобностью. Я уже устала ей объяснять, что он меня выбрал только потому, что я согласилась косить под юную чеченку: мир издевается над нами, пора отплатить ему той же монетой.

Пятница. Завтра я опозорюсь перед всем Петербургом. Почему мне всегда кажется, что оттягивается кто угодно, кроме меня? Интересно, другие девчонки думают то же самое или со мной что-то не в порядке? Плевать: я ловлю кайф, когда весь день слушаю Мишель Бранч, растянувшись в скверике перед Александрийским театром, и думаю о своем французе... Он сказал, что наша разница в возрасте не более чем

разница во времени. Я вижу, как все мужики замолкают, когда я захожу в «Тиффани Кафе» на Невском. Они подкатываются с любезным видом, но глаза у них тревожные.

Завтра, завтра... Не хочу, чтобы он решил, что я испытываю к нему какие-то чувства. Моя жизнь может измениться, но я ничего не имею против, если она останется прежней. Мама моя никуда не денется, равно как и песенки на моей эм-пэ-тришке. Вчера она танцевала под Джерри Ли Льюиса до пяти утра. И площадь Искусств останется на месте, и мостики через каналы, где мы сидим с Танькой, пока не стемнеет, покуривая сканк... И Спас на крови Александра II, погибшего от бомбы террориста 1 марта 1881-го. Он похож на рожок ванильно-клубнично-фисташкового мороженого, которое тает прямо на туристов в шортах.

Суббота. Простите, не успела ничего написать, вчера столько всего случилось. Попробую рассказать все по порядку, ничего не упустив, хотя это непросто... Значит, так. Во-первых, я выиграла конкурс «Aristo Style of the Moment»! Ничего нового я вам не сообщила, это вы уже прочли во всех газетах. Теперь я поеду в Париж фотографироваться на рекламу «ЛИдеала»! Сама церемония была ужасной, я ничего не видела из-за всех этих вспышек, боялась, что у меня будет нервный срыв и я свалюсь прямо на жюри! Мама плакала, я плакала, Октав что-то орал в микрофон, все аплодировали Мисс Чечне из Петербурга, полный сюр. Тут я и начала кирять, мне было влом стоять на плиточном полу в гримерке, я осталась одна, посмотрела на себя в зеркало и выпала в осадок — мало того, что я тут не пришей кобыле хвост, так я еще и победила; блевотное ощущение. Мама снова разревелась, когда я познакомила ее с Октавом. Ей правда не вредно было бы отдохнуть, бедная моя впечатлительная мамочка... Когда он вошел в гримерку, я сказала: «Мама, познакомься с человеком, который все это организовал. Октав, это моя мама». Вместо того чтобы поблагодарить его, она вдруг схватила за голову и убежала! Психопатка! Как вы хотите, чтобы с такой матерью я выросла нормальным человеком?

Октав расстроился, когда я прямо со сцены посвятила свою победу Виталику, моему любимому сноубордисту, который уехал на полгода кататься на своей доске в Антарктику. Короче, всех просто колотило, оттого что я выиграла это дерьмовый приз! Октав не выглядит на свой возраст. Он делает вид, что ему все до фени, но у него такой грустный взгляд, что его надо бы обнять и утешить. Меня так и подмывало сказать ему: «Знаешь, я могу тебя спасти и увезти далеко отсюда, но спать с тобой я не буду». Дурацкая история, я понимаю, но мне кажется, он и правда влюбился. Однажды ночью на той неделе — я забыла вам об этом рассказать — мы

спали вместе. Я сказала маме, что переночую у Таньки, а сама осталась у него в гостиничном номере смотреть «Отчаянные домохозяйки». Но Октав принял снотворное, и ничего не было, да я и сама не поняла, хочется мне или нет... Я вообще-то храню верность Виталику, но если бы он стал приставать, я бы, может, и уступила. Октав сказал, что слишком меня любит, чтобы настаивать, и вообще у нас полно времени и мы сможем этим заняться позже и что он, мол, не торопится. Вдруг он весь покрылся потом и начал выкрикивать всякие мерзости: «Ты думаешь, я сплю и вижу, как бы трахнуть девку, натянув на член резиновый носок? А? Да что ты понимаешь! Я хочу, чтобы ты крепко обняла меня и рассказала, как счастливо мы заживем!»

Хрен знает что. Ну вот, я все и написала, вообще, блог — это та еще помойка. Но вернемся к «Мисс „Аристо“». После праздничного коктейля Октав напоил меня «Русским стандартом»... Он хотел, чтобы мы сыграли свадьбу в его номере. К этому моменту я уже здорово нажралась и сперла в гардеробе агентства белое платье от Isabel Marant, а он надел другую черную рубашку и новые джинсы (то есть то же самое, но чистое). Потом подарил мне мигающее обручальное кольцо, а я ему — свой браслет с листиком марихуаны. В тот момент мне казалось, что игра в свадьбу — это смешно и понарошку, но теперь, несколько дней спустя, я понимаю, что это был полный мрак.

— Елена Ольговна Дойчева, школьница, согласна ли ты взять в мужа Октава Мари Франсуа Паранго, безработного рекламщика и скаута, которого ты здесь перед собой видишь?

— Надо подумать...

— Только не это!

— Тогда да.

— Октав Мари Франсуа Паранго, писатель, скрытый гомосексуалист и специалист по контрабанде юных тел, согласен ли ты взять в жены Елену Ольговну Дойчеву, школьницу и злостную прогульщицу, которую здесь перед собой видишь, хранить ей верность и согревать ее, пока смерть не разлучит вас?

— Интересная мысль... Вы можете повторить вопрос?

— Иди на фиг! — Да!

Поклявшись друг другу в верности перед зеркалом в ванной, мы забросали себя рисом, — им было усыпано все вокруг до самой входной двери! Октав пригласил меня на медленный танец, и я поставила «Everytime» Бритни Спирс на его айпode, присоединенном к колонкам Bose (обожаю этот клип, она там вскрывает себе вены в ванной). С тех пор как я

объяснила ему, что Леночка значит маленькая Лена, он все время повторяет, как debil: «Леночка, Леночка». Странный чувак все-таки. Я таких еще не видела. Он прямо как маленький, все время делает глупости, мне кажется, я старше его! Я с ним ржу как ненормальная. Когда он сказал «я тебя люблю», я ответила «я тоже очень тебя люблю», для смеха, но он, по-моему, не шутил. От этого становится не по себе, но мне вроде в кайф, когда меня так сильно любят, это поддерживает, придает силы. Мама часто предостерегала меня против мужиков, которые красиво признаются в любви, — они, типа, самые опасные, и от них натерпишься гораздо больше, чем от тех, кто просто хочет трахнуться. Они охмуряют тебя сладкими речами до рассвета, сравнивают с Венерой Кранаха и Джессикой Альбой, угадывают твой знак по гороскопу, особенно если ты Дева, — не трать на них время, — говорила мама. Я кайфую, слушая его голос, когда мы идем рядом, он что-то объясняет мне, и жизнь с ним кажется проще и веселее. Я смотрю на его поношенную кожаную куртку, и мне чудится, что все возможно в этом мире. Когда он целует меня, я иногда открываю глаза, чтобы посмотреть, закрывает ли их он. А поскольку он делает то же самое, то получается, что мы, как последние мудаки, целуемся, выпучив глаза. Тогда мы быстро зажмуриваемся и тут же снова их открываем, одновременно. И смеемся. Полный вперед. Я не прочь, чтобы он был моим приятелем, старшим опытным товарищем, чтобы он помог мне узнать мир. Я говорила Октаву, как трудно мне было расти без отца и обнаруживать презервативы на полу в маминной спальне, не понимая, что это за пластиковый мешочек со сгущенным молоком. Он рассказал мне одну историю, доведя меня до слез. О ребенке, на глазах которого отец умирает от инфаркта. Мальчику года четыре, он еще слишком мал, чтобы понять, что произошло, он пытается поднять веки своего создателя, трясет его за руку, щекочет. Через какое-то время до него доходит, что папа больше не пошевелится. И мальчишка обнимает его, мир переворачивается. Он начинает плакать, зовет на помощь, не знает, что делать. Покрывает поцелуями неподвижное лицо... И тут его папа открывает один глаз и усмехается. Он, оказывается, просто пошутил, притворился мертвым, не собиравшись же он на самом деле оставить сына одного! Утирая слезы, Октав объяснил, что рассказал мне только что житие Иисуса; я первый раз что-то в этом поняла. Иисус не сын Божий, а наш отец. Его нет, но он на небе и жив, а не мертв. Октав отвез меня на тусовку к одному олигарху, я была пьяна в стельку, но помню, что Сергей оставлял чаевые по 10 000 долларов, я никогда столько купюр за раз не видела. В машине он нес всякую муть:

— Адам и Ева жили в раю и хрен знает что делали со своим телом, но

им было хорошо, и они ходили голышом, как роботы. Бог запретил им есть с дерева из эдемского сада, но первые супруги были такими же уродами, как все остальные, так вот — эти пиздюки захотели, понимаешь ли, свободы воли, вот мы с вами в этом дерьме и барахтаемся с самого сотворения мира, их чертова свобода нас уничтожила, главное, не забывай девиз Дзержинского: «Если вы еще на свободе, это не ваша заслуга, это наша недоработка».

У Сергея вся обстановка состоит из подсвечников, плазменных экранов, легких занавесок и белых кроватей, я никогда в таком красивом доме еще не была и не встречала сразу столько потрясных людей, а Октав вдруг исчез. Я вообще не врубилась, что произошло. Больше я его не видела. И не хочу его видеть. По-моему, мне в стакан подсыпали снотворное, не знаю кто, наверняка он, не понимаю, — он ворвался в мою жизнь с пафосными декларациями и испарился, оставив меня одну, он просто дегенерат, садист и импотент, поскорее бы уже мой парень вернулся.

Что было дальше, я не помню, кто-то, видно, привез меня домой, во всяком случае, я проснулась у себя в постели. В том, в чем была накануне, фу, гадость какая! А на тумбочке красовался мой мудацкий приз. (Нет, кое-что я, конечно, помню, но мне стыдно об этом рассказывать. Я кончила очень много раз, визжа, как настоящий поросенок.)

Понедельник. Мне 14 лет и 3 месяца. Октав сказал, что это возраст шекспировской Джульетты. Во всяком случае, Джерри Ли Льюис, идол моей матери, женился на своей двоюродной сестре Мире, когда ей было 13 лет. Я в 13 лет подкладывала в лифчик вату, чтобы меня пускали в ночные клубы. После уроков я курила косяки, пробовала экстази, но не кокс (насмотрелась, как мамочку плющит). Я встречалась с кадрами гораздо старше себя, школу ненавидела, меня раз десять исключали, я начала на всех кидаться от робости, то и дело врала и воровала в магазинах: клептоманка-мифоманка, в натуре! Девственности я лишилась в 13 лет, по пьяни, кириала не переставая, как и все в моем классе, в своих случайных парнях искала отца, я вам так все это вываливаю, чтобы объяснить, почему от вечеринки у Сергея я не была в шоке. Я часто думала: вот иду в «Онегин», а у меня еще даже месячные не начинались! Я врала, что мне 17 лет, красилась, косила под старую кошелку, подводила глаза черным, надевала высокие каблуки и короткие юбки. Бывало, я расставалась с бойфрендами, чтобы не спать с ними. В 13 лет все мои одноклассницы уже трахались, но у меня не было подружек, они мне завидовали, потому что я красивая, и я ходила сама по себе. И вообще я слишком часто меняла

школы, у меня просто не было времени ни с кем подружиться. В прошлом году я заставила себя перепихнуться с одним там, удовольствия никакого не получила, но рада была, что отделалась. Хорошо бы переехать в Ташкент. Там все живут по-королевски, в домах со слугами, на сто долларов в месяц. Жратва у них — пальчики оближешь, люди вежливые, погода всегда отличная, и я написала Виталику, что мы могли бы быть счастливы в Ташкенте, что я запросто стала бы его узбекской принцессой, ведь удалось же мне сойти за чеченскую топ-модель. Отсюда надо бежать. Контракт с «Л'Идеалем» подписан, билет на самолет у меня в кармане, Сергей достает меня по мобильнику. Начинается моя new life...^[88] Я снова напишу в блог, как только смогу, а если что — прощайте и простите, что покидаю вас, мои многочисленные фаны и фанатки. Nichevo strashnovo...

Выдержки из протокола допроса гражданки Елены Дойчевой, произведенного сотрудниками УРПО в помещении ФСБ после теракта

Он был в раздрызге, я искала себя, наша встреча была неизбежна. Нет, не надо меня бить, пожалуйста, я все сделаю... лучше в рот, и отпустите меня, я не виновата в этой трагедии. Нет, я не чеченка, меня попросили соврать, чтобы угодить фирме «Л'Идеаль», но даже если бы я была чеченкой, из этого еще не следует АВТОМАТИЧЕСКИ, что я шахидка! Можно мне позвонить, я знаю высокопоставленных людей, я не хочу неприятностей, и если вы тоже их не хотите, в ваших интересах меня отпустить! <... > Я тут вообще ни при чем, просто этот француз вышел на меня через одного священника, с которым мама познакомилась в Париже, когда работала там официанткой. Он предложил мне сделать карьеру в международном моделинге. Мы несколько раз встречались в Санкт-Петербурге. Да, у нас была связь, но чисто платоническая. Это очень обаятельный человек, судя по всему, он сильно в меня влюбился, а я еще маленькая, и меня завертело в его романтическом бреду, все было как в кино, честное слово, я не знаю, у меня из-за вас теперь спина болит, пожалуйста, скажите тому похотливому мужику, чтобы он так на меня не смотрел. Можно, я надену кофточку, а? Мне не обязательно сидеть с голой грудью, чтобы отвечать на ваши вопросы. <...> Октав меня спас, я знаю, вы в это ни за что не поверите, но это чистая правда, Как сказала старуха из «Титаника»: «Он спасал меня всеми способами, которыми только можно спасти человека». Кроме одного. Да, я слегка запала на этого французского, но не более того. Мы пообжимались немножко в его номере, но ничего такого не было, он сказал, что я его смущаю, что я еще совсем ребенок и он дождется легального возраста. Мне и в голову не

приходило, что он настолько психически неуравновешен. Октав был спокоен и внимателен, но потом вдруг прекратил со мной общаться и после вечеринки у Сергея Орлова, председателя совета директоров компании «Ойлнефть», больше не появлялся. Хотя он сам заставил меня поехать к нему. Я даже не предполагала, что он такой ревнивый. Когда он знакомил меня с Сергеем, тот спросил: «Вы вместе?», и Октав ответил: «Нет, мы счастливы». Потом я узнала, что он несколько раз звонил мне домой, но я поменяла номер мобильного и уехала с Сергеем в Куршевель. Октав, наверно, думал, совершая это преступление, что сможет меня вернуть... Вроде того сумасшедшего, что стрелял в американского президента, чтобы понравиться Джоди Фостер. Мама рассказала мне эту ужасную историю... (Рыдания.) Я не знаю, почему у него вдруг крышу снесло... Это ужасно, ужасно... А с виду умный человек, и руки у него были такие красивые, не понимаю, он целовался как девушка... Хотя из-за его бороды мне казалось, что я целую ежика!.. Ну что я могла поделать? Как мне было догадаться, что он на такое пойдет? Теперь моя карьера накрылась, в этой сфере я погорела, что со мной будет? Я вообще к этому кошмару не имею отношения. Мне вечно не везет. Мать моя плачет не переставая, дайте мне с ней поговорить, в конце концов, она же сама сказала мне пойти на эту встречу, может, вы ей зададите свои вопросы... Оля странно ведет себя после теракта. Запирается в комнате, молится весь день напролет, как будто она в чем-то виновата. Мне никак не удастся ее утешить, Оленьку мою дорожую... Она ненавидит Октава, страшно злится на него, я, впрочем, тоже, он казался жутко милым, почему на нашу семью свалилось такое несчастье? (Пауза.) Хорошо еще, у меня есть Сергей, вы можете ему позвонить, он ваших допросов не одобрит, вообще вам бы лучше сменить тон, у вас проблемы? Будьте добры, номер вашего именного жетона. Нет, не понимаю, как может Сергей быть связан с этой трагедией, сейчас не девяносто девятый, война теперь не требует оправданий, АЙ, АЙ, прекратите, я шучу, сама не знаю, что говорю, я так устала... <... > Пожалуйста, прошу вас, развяжите меня, будьте добры, дайте мне стакан воды, без полония., если можно, я уже два дня не пила, не ела, верните мою одежду, спасибо, нет, не надо, не бейте меня больше шлангом, я... я буду с вами сотрудничать, умоляю, стакан воды, у меня болят запястья и живот, и колики уже начинаются, не хочу, чтобы тот человек вернулся, умоляю, он так больно хватал меня за грудь электрическими щипцами...

(Перевод на французский Игоря Сокологорского, Посольство Франции в Москве.)

Выдержки из показаний, данных под присягой Сергеем Орловым, генеральным директором компании «Ойлнефть»

С Октавом Паранго меня познакомил один мой корсиканский приятель, который продал мне яхту и дом в Порто-Веккьо, куда я, правда, не успел еще добраться. Октав искал новые лица для франко-американского модельного агентства, и я предложил ему свою помощь, поскольку сам являюсь акционером нескольких рекламных фирм в Москве и Санкт-Петербурге. Я заканчивал математический факультет и сам не ожидал, что стану преподавателем экономики, потом банкиром и предпринимателем. Начинал я вообще дворником, а поднялся в девяностые благодаря системе ваучеров, так что никому ничего не должен. Наша группа «Ойлнефть», объединяющая предприятия нефтехимической и металлургической промышленности, владеет также несколькими заводами по изготовлению косметических компонентов и снабжает ими, в частности, такие фирмы, как «Virgin Tears» и «L'Idéal Monde». Собственно, в рамках сотрудничества с последней я и встречался с Паранго несколько раз в текущем году (он набирал девушек для нового лица марки-лидера). Он ни разу не упоминал в моем присутствии или в присутствии моих близких о своем чудовищном плане. Подчеркиваю, я был совершенно не в курсе его судимости, равно как и того факта, что он отбывал наказание во французской тюрьме за соучастие в преступлении, имевшем место на территории США (убийство миссис Уорд; см. приложение к делу «99F»). Всякий раз, когда он критиковал Россию, я принимал его просто за паяца, артиста, салонного социалиста (какое-то время назад он опубликовал во Франции памфлет против рекламы и, по моим сведениям, был главным пиарщиком у кандидата от компартии на президентских выборах 2002 г.). Оружие, украденное в моем петербургском доме, находилось под постоянным наблюдением в сейфовой комнате. Не понимаю, каким образом он туда проник. Я немедленно предложил передать ФСБ и московской милиции список служащих моей личной охраны в том случае, если это может помочь следствию, поскольку я не в состоянии полностью исключить их причастность к делу. Да, совет директоров компании «Ойлнефть» готов предоставить компетентным органам все необходимые сведения, помогающие пролить свет на самый кровавый теракт, совершенный на территории Москвы с 2002 года. Группа «Ойлнефть» категорически отрицает обоснованность слухов о существовании в Чечне некоего завода по переработке материнского молока, равно как и фабрики по производству человеческих слез в

Комсомольске, на которых якобы насильно удерживаются работницы с целью продажи произведенного ими сырья в качестве омолаживающего косметического средства. Утверждения. «Новой газеты» — чудовищная ложь: причастность нашей группы к садомазохистским интернет-сайтам, пропагандирующим бичевание и распятие молодых женщин (*extremepain.org*, *whippedass.com*, *extremebrutality*, *unhumansadism*, *executionsofvirgins*, *teentittortment* и *crucifiedteens*), не была ни установлена, ни доказана, и я, являясь главой группы «Ойлнефть», категорически ее отрицаю. Что же касается *fragilehostage.com*, *unwantedfuck* и *freshrussiantears*, то это лейблы, зарегистрированные другим филиалом нашей, компании, который выпускает DVD с садомазохистским порно. Все участники съемок достигли совершеннолетия и сотрудничают с ним на добровольной основе. Клеветнические слухи — это всего лишь попытка сторонников пуританства дестабилизировать наши предприятия, что неприемлемо само по себе и подрывает престиж марок нашей компании. «Ойлнефть» оставляет за собой право обратиться по данному поводу в компетентные судебные инстанции на территории Российской Федерации и за ее пределами (компания «L'Idéal Monde» уже направила жалобу в Европейский суд по правам человека). Мне нечего добавить относительно этого дела, которое глубоко возмущает и огорчает меня, как и всех жителей нашего города, в частности православную общину, к которой я имею честь принадлежать, а также мою семью и моих близких, всю глубину скорби которых вы можете себе представить. Напоминаю, что, несмотря на свое еврейское происхождение, я был одним из основателей в 1994 г. комитета спонсоров, который положил начало финансированию строительства храма Христа Спасителя. Позвольте мне выразить солидарность и принести соболезнования всем семьям, потерявшим близких вследствие этого чудовищного, бесчеловечного и богохульственного деяния. Я присоединяюсь к молитвам всей «Единой России» и хочу засвидетельствовать свою неизменную поддержку президенту Путину в его борьбе за правое дело. В один прекрасный день нам придется задуматься о полной и окончательной зачистке святой русской земли, а также покарать всех тех, кто ставит под сомнение национальное величие России и плюет в душу нашей великой державы. Эту борьбу ведет наш президент и будет вести его преемник — тот, кого выберет народ. Пока российскому национальному единству угрожает террористическая опасность, во главе демократии должны стоять люди с железной волей.

Часть четвертая

ОSEN

*Прелесть моя незабвенная! Пока тебя помнят
вгибы локтей моих, пока еще ты на руках и губах моих,
я побуду с тобой. Я выплачу слезы о тебе в чем-нибудь
достойном, остающемся. Я запишу память о тебе в
нежном, нежном, щемящем печальном изображении. Я
останусь тут, пока этого не сделаю. А потом и сам
уеду.*

Борис Пастернак «Доктор Живаго»

Седой волосок у меня на лбу реял как белый флаг, сообщая смерти о моей капитуляции. Как мило с твоей стороны, отец Иерохиромандрит, что снова выпускаешь меня в свои мраморные владения. Я нанюхался кокса по полной летной норме. Три недели уже сую свой нос куда не надо, ха-ха-ха! Осенний дождик размывает мне душу. Никак мне не разобраться в твоём белесом небе: то оно нас морозит, то душит. А я-то надеялся выйти на пенсию и переехать в Россию! Прихожане уже небось заждались, не будем тратить твоё священное время на мой припудренный порошком вздор. Я хотел извиниться перед тобой за скабрёзные истории, которыми замучил тебя в прошлый раз, а главное, поблагодарить за то, что ты не сдал меня властям. Да, да, понимаю твоё возмущение. Но тайна исповеди все-таки ещё не повод безропотно сносить целый день мой шизоидный бред. Ботокс тормозит мышцы, мне бы в мозги впрыснуть не помешало. Прости меня 77 раз по 7, то есть 539 раз! Я отлично вижу, что у тебя нет ни малейшего желания опять меня выслушивать, учитывая, что, злоупотребив твоим доверием, я развратил её высочайшее величество Лену Дойчеву. Извиняюсь, конечно, но мне пришлось обложить твоё потрясное строение динамитом, начинить взрывчаткой эти великолепные колонны и нацепить пояс шахида. Будет весьма прискорбно, если мне придется нажать на детонатор. Но если на то пошло, Сталин уже один раз уничтожил этот храм, в 1931 году, а Хрущев даже построил на его месте подогреваемый бассейн под открытым небом! Самый большой в мире, помнишь? Его издали было видно, попробуй не заметить, как ползут к небу клубы пара под кружащимся снегом — это теплое облако очень напоминало атомный гриб... О таком зрелище лучше только вспоминать. В сущности, здания не менее податливы, чем наши с тобой жизни, правда? Какое странное святилище, тут темно и светло одновременно. Я обожаю твой промозглый пустынный неф, но иногда он в такую тоску вгоняет! Подумать только, Сталин хотел построить на этом месте гигантский небоскреб, выше, чем Эмпайр-стейт-билдинг, — этакую башню Ленина, увенчанную статуей основателя СССР, нашего дорогого Владимира Ильича Ульянова, с такой же бороденкой, как у меня. Основатель витал бы в облаках, указывая светлый путь одной отдельно взятой стране! И Сталин еще хотел, чтобы он вознесся выше статуи Свободы! Шайка психопатов, блин! Жалко будет, если от твоего храма останется только подземный паркинг, где в данный

момент стоит моя машина. Она мне очень дорога: это новенький, с иголочки «порше-кайен» с кожаными сиденьями и DVD-чейнджером на три диска, подарок моего любимого нового русского. Сжался, не допусти, чтобы он превратился в кашу под кучей обломков, пусть даже священных.

Как тебе известно, милый мой теолог, всякий раз, когда меня глючит, я наношу визит Иисусу Христу. Этот человек служит мне противоядием. Поскольку ты — достойный его представитель, я на все готов, чтобы тебе исповедаться. Не волнуйся, я не хочу жертв. Конечно, мне становится лучше, когда я преклоняю колени рядом с тобой, церковь — это мой ксанакс. Христос у тебя за алтарем очень красиво освещен. Все эти бесконечные свечи радуют мне сердце. Думаешь, Мессия правда отдал за нас жизнь, как чеченский смертник? Прекрати принимать то гневный, то ошалелый вид. Мы все знаем, что Христос плохо кончил. Да, ты прав. Он воскрес. Вот ты и догадался, почему я здесь. Мне бы так хотелось пойти по его стопам. Не одним же мусульманам мучениками быть. Говоришь, христиане, прыгавшие в ров со львами, никого больше за собой не тащили? Ну, так пора с этим покончить: я буду первым смертником-католиком, взорвавшим православный храм! Христос Акбар! Гоп-ля bum!!

Сиди тихо, о патриарх. Ты обязан дослушать меня. А то я превращу храм Христа Спасителя на Водах в Граунд Зеро на Москве-реке. Ты же прекрасно понимаешь, что если вызвать милицию, она, не колеблясь ни минуты, газанет фентанилом по верующим, которые находятся сейчас под твоими сводами, или пойдет на штурм с огнеметами. Правда, взорвать тут все я в любом случае успею. Лучше внемли терпеливо моей исповеди, а затем отпусти мне грехи и дай уйти с миром. Получив Лену Дойчеву, я навсегда исчезну из твоей жизни, клянусь. Ведь православная религия предусматривает прощение грехов? Умоляю, не оставь без внимания мои стоны, я всего лишь паршивая овца, приникшая к твоим ногам. Поверь, все останутся целы и невредимы, если СМИ подхватят мои призывы и белокурая чеченка, выигравшая в Петербурге «Aristo Style Contest», покажет кончик своего курносого носа. Пока мы тут с тобой говорим, Лена принимает душ в какой-нибудь точке нашей планеты и мыло медленно стекает по ее груди, это черт знает что такое. Я пришел сюда, чтобы попросить прощения и воззвать о помощи.

Постой, мне срочно нужна еще одна дорожка для взлета, Париж — Владивосток с посадкой в Новосибирске... Дорогой, я уменьшил кокс,^[89] вауууу! Главное, не завязывать с этой мерзостью, а то — пиши пропало! Ты уверен, что не хочешь попробовать? О, святая непорочная ноздря! Тем хуже для тебя, my Lord. Я нюхаю, потому что мне так легче говорить. Давай вернемся к истокам моей ссоры с Леной, и ты будешь терпеливо слушать меня, потому что твоя работа состоит в том, чтобы любить жизнь и оберегать ее. Я тебя понимаю: я тоже частенько хватался за жизнь как за соломинку. После сорока кажется, что все происходит с тобой в последний раз. Разменяв пятый десяток, ведешь себя по-другому. Будь мне лет на двадцать меньше, я, может быть, тут бы сейчас не стоял. Я уже говорил — до знакомства с Леной я считал себя эмоциональным калеккой. Когда тебя воспитывают разношерстные няньки и отцы на час, быстро учишься ни к кому не привязываться. В юности девушки не особенно обращали на меня внимание. Сегодня я нарасхват — это входит в мои профессиональные обязанности. Секрет любви мне неведом. В смысле альтруизма я урод. Мне не повезло, я не встретил твоего Господа, да и никого другого, увы, тоже встретить не удавалось — до недавнего времени. Такова печальная участь богатых стран: там уже давно никто не интересуется ближним своим. Вы в России, возможно, этого еще не поняли, но наша цивилизация больше не основывается на желании — злоупотребив им, она его уничтожила. То, что мы называем индивидуализмом, я долго принимал за свободу. Но теперь я знаю: свобода ведет только к бессилию наедине с плазменным экраном, к самоубийству в ванной комнате со сверкающими зеркалами. Свобода, какая еще свобода? Свобода подрочить, глядя на свое отражение? Ни от кого не зависеть?

Слишком мы эту свободу переоценили. Свобода — это очередная ложь, иллюзия, утопия! Что такое индивидуализм — великая победа философии Просвещения или пришествие самого нарциссического одиночества в истории человечества? Ваша свобода — ровесница Лены. Свобода в России еще подросток. Но дело в том, что людям насрать на то, свободны они или нет, и ты это знаешь лучше, чем кто бы то ни было, — смысла жизни им за глаза довольно.

Лена решила, что я с ней буду обращаться как со всеми остальными

давалками, которые описали ей меня как сексуально озабоченного монстра. Черт возьми, ну как я мог над ними сжалиться, если они не внушали мне даже симпатии? Когда никого не любишь, терять нечего. Это не нигилизм, а капитализм. Цивилизация неженков и трусов, System ментов, где все друг друга боятся. В Париже, помню, я утешался тем, что вещал по телику о сочувствии к невзгодам бедных государств. Я надеялся, что по сравнению со страданиями обездоленных мои собственные страдания покажутся мне смехотворными. Подсознательно я решил поселиться тут не для того, чтобы охотиться за свежей плотью, а чтобы выяснить наконец, человеческое я существо или нет. Я же держал Россию за страну третьего мира, набитую битыми «ладами». (Знаешь русский анекдот: «Что находится на последней странице инструкции к автомобилю „лада“? — Расписание автобусов».) Но очень быстро я обнаружил, что ничего не понимал в этой стране. Я прочел ваших писателей, изучил историю и религию, но только теперь начинаю прозревать правду: вы в таком же дерьме, как и я, просто вы с этим смирились. Вы мечтаете о том, чтобы, не работая, выиграть в казино или проснуться в один прекрасный день владельцем газоперерабатывающего комбината или нефтяных месторождений, как Михаил Прохоров и пушкинский старик, которому золотая рыбка подарила дворец. Вы ирреалисты, как сказал бы Пьер Мерио. [90] Выбирая между богатством и свободой, вы предпочли первое. Мне бы следовало родиться русским, в вашей неразумной стране, а не в Беарне, на моей планете, втиснувшейся между горами и океанами. На вилле «Наварра» я чувствовал себя как россияне в России: когда-то это был мой дом, а теперь — нет.

У вас я общался только с богачами, потому что моя работа заключалась в поиске красивых женщин, а красивые женщины тусуются только с состоятельными мужчинами, которые не разъезжают на «ладах». В Москве проживает 280 000 долларовых миллионеров, это мировой рекорд, так что есть из кого выбирать. Вот в чем состоит секрет хорошего скаута: самый прямой путь к рассадику отпадных девушек пролегает через дружбу с миллиардерами. Спасибо им — я наконец понял, что деньги убивают любовь, и хоть о ней и говорят на приемах, по достижении определенного уровня жизни любовь невозможна. Короче, я считаю, что любви больше нет и что условия, необходимые для ее возникновения, уже никогда не соберутся воедино в нашей потерявшей невинность цивилизации. Как влюбиться в России, когда за романтизм тут пришлось так дорого заплатить? В 1991 году похоронили не только Союз Советских Социалистических Республик, но и человеческое легкоеверие. Провал

коммунизма породил невозможность ангажированности, не важно, в какой области — в политике или в личной жизни. Этот разгром затронул не только Россию, но и весь мир. Гедонизм — идеология людей, потерявших надежду. Все химеры отныне нам заказаны. Глобализация превратила нас в безропотных и отчаявшихся технопотребителей. Любовь — запретная мечта, как и все прочие мечты, за исключением револьверного кредита. XXI век никогда не оправится от осмеяния лиризма.

Заткнись, сделай одолжение, святоша хартофилакс, видишь мой большой палец? Стоит мне опустить этот рычажок, и все возвратится в прах. Dostali! Я прошу тебя просто выслушать мою историю, а потом мы вместе позовем Лену, при посредничестве СМИ. Увидев свое имя рядом с моим на первых полосах ежедневных газет и в телевизионных выпусках новостей, она вернется... а если не вернется, мы умрем вместе, какая разница? Чего нам терять. У меня уже течет из носу, я плачу наркотическими слезами. Ты убил меня в Петербурге... Ах, Петербург, Петербург! Вот так повторишь несколько раз это слово — прямо стихи получаются. У меня щемило сердце, когда я слушал Ленин рассказ о ее детстве, казалось, она вспоминает мои юные годы без отца, и бесконечное одиночество, и вечно печальную мать... Жизнь Лены переплелась с моей. Как бы то ни было, сегодня все живут моей жизнью. Похожее детство объединяет нас, хорошо бы слились и наши судьбы. Русские уверяют, что надо жить в Москве и умереть в Санкт-Петербурге, по-моему, я это и сделал, разве нет?

Лену я полюбил вопреки ее красоте. Уверяю тебя, меня привлекла не столько ее внешность, сколько отчаяние, и лучезарное смущение, и еще то, что она стыдилась своей ослепительности. Я всегда считал, что нет ничего эротичнее на свете, чем юная блондинка, вся из себя, которая произносила бы всякие отстойные фразы типа: «Привет, как тебя зовут?» Недоступная девочка в цвету — в прозрачном топики на лугу, под бесконечно длинными белыми девственными облаками или в ночной рубашке бебидолл на продавленном диване. Что может быть эстетичнее желтых волос на бледно-сером фоне? Но, должен признать, мне нравилось кичиться ею. Мне хотелось щеголять рядом с ней, купаться в ее отсветах, ловить брызги ее величия, подбирать крохи, упавшие со звезды. Я ждал, пока она заразит меня. Как и все комплексанты, я жаждал отираться поблизости от красоты и благоговеть перед ней. Я наслаждался, бродя в молочных сумерках по питерским улицам рядом с таким потрясающим созданием. Видели бы вы рожи парней, которые попадались нам навстречу! Я тащился от их ненависти. Особенно если это были французы! Глядя на Лену, они мысленно падали ниц, потом их взгляды обращались в мою сторону, и в это мгновение, заметив, что я держу ее за руку, они желали мне смерти. Чужие

взгляды заводи́ли меня, когда я попытался ранним вечером, после прогулки по Петергофу, заняться с ней любовью в 403-м номере гостиницы «Европейская». Вообще-то я думаю, что все парни, любящие красивых женщин, — гомики. Трахаясь, они воображают на себе взгляды посторонних мужиков. Когда выходишь в свет с очень красивой женщиной, любовью с ней занимаешься тоже в коллективе. Все остальные ее воздыхатели торчат в вашей спальне, наблюдая вместе с тобой, как она раздевается, и их присутствие добавляет пикантности ее жестам. Я слышу, как они шепчут мне: «Давай, Октав, трахни ее за нас за всех. За тех, кому она никогда не достанется. От нашего имени». Да, я занимался сексом с женщинами, думая о мужчинах. Бодлер ошибся: педерасту по вкусу любить не умных, а самых прекрасных женщин мира. Вот чем объясняется мое оглушительное фиаско в ту ночь: слишком сильно на меня давили. Я воображал, как меня освистывают три миллиарда мужиков. Никогда я так не потел от стыда, а виагры при себе не оказалось. Короче — туши свет.

— Хрен знает что — мне хотелось бы заниматься с тобой любовью восемь часов подряд.

— Не, слишком долго.

— Ты права: восьми минут более чем достаточно. А жаль.

— Ладно тебе, все равно ничего не выйдет.

— Я выпил столько водки с бензодиазепинами, что даже протрезвел.

Лена, теперь я скажу тебе, что думаю на самом деле.

— Можно, я сначала закурю?

— Kharasho.

Она зажгла сигарету, и пламя спички обратило ее глаза в реку забвения, где утонуло все, что я собирался выдать из себя. Что-то типа: любовь вызывает технические дисфункции.

— Лена?

— Мм?

— Я доживаю последние дни.

— Мм.

— Конец близок.

— Мм.

— Я скоро умру.

— Мм.

— Лена, я чертовски несчастен и окружаю себя красотой, потому что путаю ее с добротой.

— Это не ты путаешь, а Платон. Твоя печаль идет тебе, но ты никогда об этом не узнаешь. Почему ты записываешь все, что я говорю?

— У меня плохая память. Вот что я отметил в блокноте: лучше бы нам не заниматься любовью, поскольку, принимая во внимание твое безудержное сладострастие, это наверняка было бы очень приятно, нам бы страшно понравилось трахаться, мы бы только этим и занимались, визжа и получая такое удовольствие, что того и гляди почувствовали бы себя счастливыми, и вот тогда бы точно оказались по уши в дерьме.

Ее волосы: русский водопад, пожар в простынях. Как будто моя подушка воспламенилась.

— You set my bed on fire. [\[91\]](#)

— Погаси меня.

— Я забыл свой асбестовый комбинезон и противогаз. Спасите!

— Простите!

Пока мы разговаривали, она посылала эсэмэски своему парню. Я мог бы обидеться, но что толку? Самое унижительное было, когда она задремала под мою декламацию «Песни Песней»: «Подкрепите меня вином, освежите меня яблоками, ибо я изнемогаю от любви...» Проснувшись от моих поцелуев в ее белоснежную шею, она, вместо того чтобы ныть и отбиваться, послушно дала мне целовать себя, мурлыча, как кошка, которая вежливо ждет, пока ее оставят в покое. Ни разу я не удостоился какого бы то ни было романтического признания, пусть даже косвенного, или намека вроде корнелевской литоты (типа: я тебя не ненавижу). Лишь единственный раз, в ту достопамятную ночь, когда мы улеглись спать вместе, у нее вырвался вздох во сне: «Как-то странно я себя чувствую...» Лена принадлежит к поколению, которое так категорически запрещает себе любить, что даже глагола такого не знает. Любовь столь безнадежно мертва, что теперь принято говорить: «Как-то странно я себя чувствую», чтобы не дай бог не вырвалось «я тебя люблю», это было бы слишком опасно и позорно. Я точно помню, она сказала: «I feel weird», словно Луи Жуве в фильме Марселя Карне: «Вы сказали странно? Как странно...» И то правда — в XXI веке любовь — забавная драма. [\[92\]](#)

Что-что, мое startchestvo? Охотно тебе верю. Открыв для себя существование Господа, ты понял, что экстаз не обязательно должен быть плотским. С тех пор, как в одно прекрасное утро ты с необычайной силой ощутил Его любовь, тебе ведомы иные виды оргазма. Аминь. Я лично верю в Нее. В Лену Дойчеву, которая сидит на скамейке в белизне полуденного света, задрав подбородок в сторону Балтийского моря. Стоит мне закрыть глаза, как я вновь ощущаю аромат ее духов, еще немного — и я упаду в обморок. Святая Елена, Дщерь Божия, молись о нас, грешных, ныне и в час смерти нашей. Лена-сильфида в радужной волне шумного водопада, на фоне плакучих ив, почтительно склонившихся перед ее грацией. Спаси меня от этого ангела смерти. Знаешь песню Элвиса «The Devil in Disguise»? [\[93\]](#) Окажи мне такую любезность: немедленно вызови сюда Лену. Если позвонишь ты, она придет, я точно знаю. Это мое единственное требование. Как только она появится, я уберусь отсюда вместе с ней, и никто не будет даже ранен. Я объясню, что был слишком влюблен, чтобы дотронуться до нее. Она поймет, что я был чист ее чистотой. Наяда, благословенна ты между женами. Мы поймем машину под снегопадом, и больше она меня никогда не бросит. Мы состаримся вместе в доме с большим садом, на берегу далекого озера, где будет царить вечное лето, дни не будут становиться короче и сентябрь не наступит никогда. У вас тут что ни машина, то такси — за пару скомканных рублей незнакомец за рулем увезет нас и спрячет среди урало-алтайских народностей. Она рассказывала мне о Ташкенте, я знаю, что ей хочется там жить. Я ответил тогда, что готов водить ее в ресторан «Узбекистан» при условии, что меня не будут за каждой едой пичкать пловом. Да мне плевать, я за ней хоть в Чечню поеду! Kharasho, отец, я подожду тут, но смотри, у меня палец не сдвинется с детонатора. Сделай так, чтобы я тут все не взорвал. Жизнь утратила смысл, меня всю глючит, но, клянусь, я готов совершить большой прыжок. У тебя есть пять минут. Spasiba, о верховный диакон с обильной растительностью. А все из-за тебя: вольно ж тебе было открывать мне доступ к вечной любви.

Пока священника нет, позволю себе небольшой технический перерыв.

(трехсотсекундная пауза, со мной никого, кроме моего дыхания.)

Вот о чем я думаю сейчас.

Заключительная книга Библии, Апокалипсис, преподносит нам конец света как благую весть. 2005 год был самым жарким за 12 000 лет — ура. Вскоре Москва окажется на берегу моря и в Петербург можно будет добраться только на батискафе. Гренландия становится легче минимум на 100 миллиардов тонн в год. Не понимаю, почему земляне так боятся таяния льдов Гренландии, наступления пустыни, глобального потепления, поднятия уровня моря и вырубки амазонских лесов: им бы радоваться, что они присутствуют при Прощальном Поклоне Истории. Более шестидесяти процентов экосистем нарушено, половина видов рыб мирового океана исчезнет в ближайшие пятьдесят лет. Выбросы газа с парниковым эффектом растут, риск развития рака в молодом возрасте продолжает увеличиваться, показатель плодовитости женщин падает. Человечество самоуничтожается. Мир, возможно, близок к гибели, но это еще не катастрофа, так как конец означает начало. (В моей молодости «Апокалипсисом» назывался ночной клуб в Париже на улице Колизе... Потом его переименовали в «Les Planches», и средний возраст посетителей там — пятнадцать лет, равно как и в освенцимской дискотеке «System». Знали бы наши дети, на какой истории они отплясывают!) Наш образ жизни ускоряет движение к финишу, а нефтяные лобби только способствуют этому. Возможно, гендиректорам транснациональных корпораций, так же как и мне, не терпится посмотреть на Финальный Апофеоз. Либо

Давно им не пятнадцать лет,
Вот они и мстят в ответ.

Вот и ты наконец! А я как раз собрался покончить со множеством жизней. Со своей и твоей в том числе. Меня бы это страшно огорчило, но сможет ли разорванный на куски труп позволить себе роскошь огорчаться? Вот оно что: у нас есть хорошая и плохая новость?! Начинай с хорошей, на случай, если мы умрем до того, как ты договоришь. Хорошая новость — это то, что Лена уже в пути! Отлично! Vatiushka, я тебя обожаю, я дрожу от счастья, я умираю, у меня поджилки трясутся от радости. Аллилуйя, father! Как бы я хотел, чтобы у этой истории оказался счастливый конец. А плохая новость? Понял, спецназовцы окружили здание. Я так и думал, но нам плевать. Мы их тактику знаем — дождутся, чтобы я заснул, и пустят в ход химическое оружие, а боевики Spetsnaz закидают нас гранатами. Но я так загрузился, что часов десять у нас в запасе есть. Да благословит тебя Господь! Полагаю, Он частенько это делает, ведь ты этого достоин. Лена едет, я весь горю... Ну так подождем ее!

Я должен рассказать тебе о единственной ночи, которую мы провели вместе. Я спросил Лену, что она изучает в школе. Снимая грязные сапоги, она завела разговор о ядерной физике:

— Вчера мы проходили парадокс Шрёдингера.

— Да что ты?

— Вы не слышали про кошку Шрёдингера?

— Нет, но ты можешь быть со мной на «ты».

— Дело было в 1935 году. Шрёдингера представил себе, что сажает кошку в ящик, где идет распад уранового ядра. И делает вывод, что состояние объекта описывается суперпозицией живой кошки и мертвой кошки. Мы по физике это изучаем.

Я знал, что русские эрудированнее французов, поэтому не слишком удивился ее знаниям на уровне научного работника CNRS.^[94] Описывая мне опыт Шрёдингера, она расстегивала одну за другой пуговицы своей торчавшей на груди кофточки.

— Я ничего не смыслю в квантовой механике... Лена, ты не обязана раздеваться, мы можем просто выпить по стаканчику, и потом я провожу тебя домой...

— У атома нет определенного состояния. Он одновременно и возбужден, и мертв. Это линейная комбинация двух состояний.

Макроскопическое ведет себя иначе, чем микроскопическое.

Проговорив всю эту муть,
Лена обнажила грудь.

Я уже видел ее на фотографии, но теперь она бросилась мне в глаза своей белизной, планетной округлостью и царским пренебрежением к законам тяготения. Незапятнанная чистота, нежная обнаженная шарообразная плоть, подвешенная к детскому тельцу... я имел бледный вид, не решаясь притронуться к этому розовому, мягкому, жаркому чуду...

— С ума сойти, какая она у тебя крепкая!

— Ну, знаешь, если уж в моем-то возрасте она не будет крепкой, это вообще!

Я ужасно сочувствовал живо-мертвой, словно расщепленной пополам кошке Шрёдингера. Женщина-ребенок взяла меня за руку, положила ее на радиоактивные бутоны своей груди, и я вознесся в рай покойников, очутившись в толпе подзуживавших меня собратьев по полу. Все мужские желания со всех ревнивых улиц мира, словно электроны, вращались вокруг меня, оседая в моей руке, которая дрожала, трепетала, щупала, щипала, обволакивала и тискала самое сердце расплавленной галактики сосков. Солнечная система — это атом. Лена — Солнце. Никогда я столько не мяукал, как в тот вечер.

Я мог бы рассказать тебе, как в питерском «Fashion Lounge» Лена впивалась в губы своей подружки Луизы, как в Москве она, сидя в ресторане на последнем этаже, смотрела на солнце, которое никак не хотело садиться в реку, как на «Zabava-boat» с эротическим шоу она пожирала глазами стриптизерш, которые раскачивали корабль своими длиннющими ногами, как Лена, распахнув глаза размером с Зимний дворец, выходила в халате из ванной комнаты в моем гостиничном номере со стаканом грейпфрутового сока в правой руке и зубной щеткой в левой, как она переключалась с одного кабельного канала на другой, сидя в одних розовых трусиках, или бесконечно слушала на своем айпode «I Just Don't Know What to Do with Myself» (перепевка хита Дасти Спрингфилд дуэтом «White Stripes»), или как, схватив оливку из мисочки и зажав ее между большим и указательным пальцем, она поднесла ее к губам, а выплюнув косточку, спросила, чего это я застыл, разинув рот... или как, засунув палец в баночку с вареньем, она облизала его, потом снова погрузила в варенье и снова обсосала, я просто дурел от этих жестов... я мог бы описать комнату Лены на Гражданской улице, с бесчисленными открытыми тюбиками и баночками, потому что завинтить колпачок она не в состоянии, равно как и убрать одежду, там все валяется прямо на полу, или вспомнить, как она просит посчитать у нее пульс, чтобы я понял, как быстро колотится у нее сердце, когда мы, чуть не задохнувшись, сжимаем друг друга в объятиях, или как она вдруг начинает говорить по-русски, подражая актрисе из порнофильма: «Da, da, ebi menia, kak bliad! Mne nraivitsa tvoi bolshoi francuzski huy! Trakhni menia, как suku! Da, da!» Дело в том, что, раздеваясь, она говорила по-английски, но уверяла, что кончить может только по-русски. Я не смог (пока что) проверить эту информацию. Ей не надо было выбривать себе лобок, потому что у нее волоски еще толком не выросли. Только над ушком золотился шелковистый пушок, и думаю, это было самое нежное место в мире, я утыкался туда носом, и мне казалось, что я вдыхаю аромат только что вылупившегося цыпленка (минус вонь курятника).

— Октав, what is your favorite drug?^[95]

— Мой любимый наркотик? Обожаю нюхать твои волосы.

— What?^[96]

— Я бы хотел, чтобы меня похоронили в твоей шевелюре.

— Ты влюбился в мои духи!

— Сколько тебе лет, Лена?
— Четырнадцать, но я выгляжу на двенадцать.
— Я вампир, сосущий твою молодость. Я не смогу полюбить тебя, не уничтожив.
— О, князь Влад Дракула! Выпей моей девственной крови вместо аперитива!
— Не издевайся. Данте влюбился в тринадцатилетнюю девочку. А Джон Касабланка женился на пятнадцатилетней.
— Знаю. А кто такой Данте?
— Он написал «Ад».
— Это портрет его невесты?
— Очень остроумно. Удивительно, что Канта ты знаешь, а Данте — нет.
— У меня второй язык — немецкий. А откуда ты знаешь, что влюбился?
— Я все время голоден, и мне не бывает холодно.
Не помню, чтобы я кого-нибудь так любил.

А, черт, дорогой мой поп в запасе, стоит мне только подумать о ней, как я начинаю реветь, *spasite, izvinite*. Я и не знал, что мое сердце еще бьется так сильно, отец, ты же сам бросил меня в ее объятия. Боже мой, я предпочитаю любить, нежели быть любимым. Какое наслаждение так страдать! Ты никогда ничего подобного не испытывал, и мне тебя жаль. Что? А, в Париже... Подавальщица, да, как же, помню, но я не думал, что она так много для тебя значила... Извини, что плачу, это черт знает что. Мне придется вытереть слезы рукавом пиджака, боюсь, что если выну носовой платок, то нечаянно нажму на детонатор, в моем состоянии это простительно. Я еще не рассказал тебе, почему Лена убежала от меня, выиграв конкурс «Aristo Style». Сергей устроил классный праздник на своей черно-белой даче с огромными окнами, выходящими на красный бассейн. И зачем я только ее туда привез!

— Поддай газу, и баррель скоро зашкалит за сто долларов!

Сергей коллекционировал большие автомобили, потому что они работали на его бензине.

— Стоит мне завести мотор, как на меня проливается золотой дождь! Чем нефти меньше, тем стремительнее она дорожает и тем больше я кладу себе в карман. В России мы перешли прямо от пауперизации к приватизации. Планета глобально теплеет вместе с моим счетом в швейцарском банке! Сжигай ко всем чертям это mother fucking топливо!

Ты знаешь лучше меня, что по причине коммунизма в России нет старых богачей, у вас одни только новые состояния, зачастую их раздают власти предержащие во избежание продажи крупных корпораций американцам. Я уже говорил тебе: самые красивые женщины в стране вращаются вокруг стайки олигархов, разбогатевших на мгновенной приватизации девяностых. И не общаться с ними было бы профессиональной ошибкой с моей стороны. Но должен сказать, мне было очень приятно в их компании. Нечасто приходилось мне видеть, чтобы богатые люди так правильно тратили деньги. Когда меня познакомили с Сергеем Орловым, я, конечно, никак не мог предполагать, что из-за него потеряю Лену. Это вульгарный низкорослый человек, обожающий, как и я, литературу (он у себя на даче выстроил веранду по образу чеховской в Мелихове) и настолько циничный, что это даже забавно. Во время нашего первого с ним разговора он сказал:

— Я люблю Россию, как свою мать-алкоголичку.

— У тебя мать алкоголичка?

— Да, но я ее люблю. Она киряет и надирается так, что валяется в грязи, но она моя мать! Я бы не прочь уехать, как Березовский или Абрамович, но не могу. У меня не получится жить нигде, кроме этой старой вонючей промерзшей дыры — моей блядской родины.

Он все время повторял слово «positiv».

— Мне нужно что-то positiv, вечеринка была positiv, будь positiv, старайся говорить мне только positiv.

Сергей был убежден, что русские — самый мазохистский народ в мире и пришло время изменить его менталитет. Он видел себя гуру будущей России; новое предназначение скрашивало пустые дни этого почтенного бизнесмена, потомки которого еще в двенадцати коленах смогут жить

припеваючи. Он был искренне убежден, что избавит ваш *parod* от заточенности на фатализм. Как любой нормальный натурал, он охренел, увидев Лену, и я не мог с ним тягаться. Он запал на нее — еще бы, ее ангельский лик на редкость *positiv*.

— Sweetheart, make my desire reality! Oooo she so kicks ass!^[97] Хватит залупаться, Октав, знаешь, почему видно, что ты иностранец?

— Потому что у меня прикид лучше?

— Ты *vabshe*! Потому что ты пьешь водку не только во время еды и всегда умудряешься не платить по счету.

— Так ты сам не даешь мне платить!

— А зачем? Все рестораны, куда мы ходим, принадлежат мне.

Сергей наверняка затеял весь этот разговор только для того, чтобы покрасоваться перед Леной.

Краткое кокаиновое отступление об олигархии

Русские тузы ничуть не противнее французских — не вижу, почему с Романом Абрамовичем стыднее тусоваться, чем с Бернаром Арно.^[98] Россия, не обладает монополией на скороспелые состояния, сколоченные при помощи государства. Своим подъемом Франсуа Пино^[99] обязан властям не меньше, чем Михаил Ходорковский. Но только последний парится в радиоактивных сибирских застенках Краснокаменска: 15 миллиардов долларов не уберегли его. Кстати, в 1989 году мы встречались с Ходорковским «У Кастеля» и в «Палетт». Он занимался тогда импортом компьютеров на пару с Мишелем Леборнем, моим старым приятелем по ночным гулянкам. Открыв на улице Морне офис «Менатеп», Ходорковский рулил по Парижу на «порше», но мы смотрели на него свысока, как на простого русского медведя. В то время в Париже было меньше русских, чем сейчас. Еще там ошивался Эдуард Лимонов, сотрудничавший с «Idiot International».^[100] Мне все еще трудно свыкнуться с мыслью, что те немногие рашены, с которыми я был знаком в восьмидесятые годы, попали за решетку за неповиновение Путину, которому, кроме всего прочего, принадлежат четыре процента акций «Газпрома» (то есть четыре процента от 300 миллиардов долларов, посчитайте сами, я в математике не силен, да и жить еще хочется). Я помню Мишу Ходорковского в очках в тонкой металлической оправе, с симпатичным лицом советского ботаника, сидящим перед бокалом белого

вина на террасе кафе на улице Сены. Его небось ломает шить тапочки в исправительной колонии ЯГ-14/10 аж с 22 сентября 2005 года. А потому что не надо финансировать оппозиционные партии («Яблоко» и СПС), — только с каких пор это считается преступлением? Никогда не верьте тому, что пишут газеты: Россия, типа, стала демократической страной и так далее... Наши с вами державы похожи: они оплакивают невозвратно утраченное прошлое, потому что, попытавшись, каждая по-своему, перейти на рыночную экономику, они столкнулись с горькой реальностью. Франция и Россия связаны между собой, потому что и там и там экономика регулируется государством, делая при этом вид, что совершенно свободна. Предприниматели, во многом зависящие от государственных заказов, владеют основными СМИ, так уж повелось в наших с вами краях. Во Франции глава строительной компании Мартин Буш приобрел Первый канал телевидения, торговец ракетами Арно Лагардер — самую крупную в Европе медиагруппу, производитель истребителей «Рафаль» Серж Дассо не отказал себе в удовольствии купить «Фигаро». В России «Газпром» хватанул ежедневную газету «Известия», таблоид «Комсомольская правда», радиостанцию «Эхо Москвы» и телеканал НТВ. Металлургический магнат Алишер Усманов, не чуждый вышеуказанному ОАО, оторвал «Коммерсантъ». Что касается Романа Абрамовича, то он понял намек после дела Ходорковского и теперь ссориться с Путиным не собирается — он продал свою нефтяную компанию «Сибнефть» «Газпрому» и не выезживался. Лучше плевать в потолок яхты, чем карцера.

Я помню, как Сергей кидал понты, сидя на заднем сиденье джипа, ехавшего по миллионерскому шоссе:

— Вы, французы, вроде украинцев: любите свободу только при условии, что из-за нее не повысятся ваши счета за газ.

— Легче на поворотах, Франция — это большая богатая страна.

— Ну, ты сказал! Девочки, вы слышали? Хеллоооу! Октав, проснись, у меня есть для тебя интересная новость: Франция — это МАЛЕНЬКАЯ БЕДНАЯ СТРАНА! Сейчас я тебе назову три состоятельные державы: Россия, Китай, Индия, понял? Вы, французы, по-прежнему держите нас за побирушек, а сами в долгу как в шелку. Золотовалютные резервы нашего Центробанка могут пять раз покрыть дефицит вашего бюджета. Скоро придет наш черед подавать вам на пропитание: мы уже погасили досрочно 23 миллиарда долларов долга Парижскому клубу и вскоре выкупим все авиастроительные и медиахолдинги. Еще неизвестно, оставим ли мы вас в

совете директоров, я лично в этом не уверен, с другой стороны, мне нравятся ваши лысые старперы с их приставками к фамилиям, они будут очень неплохо смотреться на экранчике моего BlackBerry Pearl... Ладно, так и быть, всех вас мы не вытурим, обещаю, сохраним парочку свадебных генералов.

Я не особенно защищал свою родину. Справа по борту проплывала Барвиха, московский Нейи, со своим «Luxury village» во главе с «Феррари». Кто знает, может, Франция тоже умерла, как и все остальные коммунистические страны.

— С 1998 года ВВП России растет на шесть и восемь десятых процента в год.

— Да, но средняя продолжительность жизни мужчин на три года сократилась. Алкоголизм, драки, убийства, автомобильные аварии... В 2004 году Россия потеряла восемьсот тысяч человек, что соответствует числу жителей такого города, как Марсель, например. Хорошо, бизнес-класс в «Аэрофлоте» гораздо роскошнее эр-франсовского, но ваше агрессивное государство не хочет делиться тем, что зарабатывает на эксплуатации недр, и вы не рождаете детей.

— Поэтому и богатеем!

— И с чеченцами вы ужасно себя ведете. — Я сказал это погромче, чтобы Лена прикинулась оскорбленной. — Двести тысяч убитых из восьмисот тысяч жителей.

— Представь себе, что корсиканцы захватят заложников во французских школах и театрах. Как отреагирует правительство Франции?

— Плохо, но мы не такие расисты, как вы... И в иммигрантах вы нуждаетесь больше, потому что численность населения у вас падает.

— Да что ты говоришь? А в какой, интересно, стране лепеновский Национальный фронт получил двадцать процентов на выборах? Чтоб ты знал, Жириновский еле-еле дополз до трех процентов, при том что у нас тут проживает двадцать миллионов мусульман!

В любом случае с Сергеем никто не спорил. Как и все царьки местного разлива, он привык толкать речи, не встречая никаких возражений. Да я был и не против, чтобы последнее слово оставалось за ним, при условии, что он оплачивает счета.

— Классно задумано! Мировая шахматная доска перевернулась: американцы поддерживают высокие цены на нефть, чтобы укрепить позиции России по отношению к Китаю. Сечешь фишку? США занимают у Китая сотни миллиардов, покупают на них арабскую нефть и сжигают ее, загрязняя атмосферу, — а все, чтобы подпереть нас! Гениально, правда?

Сергей был гораздо забавнее, когда упрекал меня в пристрастии к старым теткам.

— Сколько лет твоей последней? Двадцать два? Октав, кончай дурить. С этой минуты ты должен зажигать только с целками вроде Лены. Девственницы же тоже святые, по вашей французской религии, да?

— Зато я не святой, нимбы у меня только под мышками.

— Пользуйся дезодорантом «Ethiaxyl», сын мой.

Сергей спал только с девочками от 15 до 18 лет. У него была целая теория о неверности:

— В основе всех разводов лежит брак. Не будь семьи, было бы гораздо меньше убийств. Людское отчаяние вызвано общеизвестными причинами — супружескую пару по-прежнему позиционируют как модель счастья, тогда как она уже давно не жилища в современной цивилизации. Мы упорно впариваем людям недостижимый идеал. Мир от этого поддыхает!

— И все же, Сергей, нельзя менять женщин каждую ночь. Должен существовать способ сдерживать «адское дыхание желания». Вот Блаженный Августин преуспел на этом поприще.

— Ну, это он из любви к Богу.

— И Будда тоже.

— Будда был тот еще жиртрест, что ему оставалось, никто его не хотел!

— Если людям приятно жить в паре, значит, тому есть причина...

— Реклама. Кино. Женские журналы. И те, и другие, и третьи вдалбливают нам чудовищно реакционные идеи, как будто шестидесятых годов и в помине не было.

— Нет. Это любовь. Люди мечтают о том, чтобы любовь длилась как можно дольше. И супружеские пары держатся не только на желании. Даже секс лучше, когда любишь. Женщинами нельзя вот так кидаться. Ведь бывает, что привязанность возникает постепенно, ты думаешь, что тайна любимого существа тебе известна, но потом замечаешь, что она непостижима, и эта радость взаимопонимания и постоянные открытия рождают в душе ощущение, что чувствоечно. А ежевечерняя смена одного половозрелого тела на другое, да еще неопытное, — это всего лишь идиотская гонка за наслаждением, которое становится все более неуловимым и иллюзорным... Это путь к преступлению. Убийцей становятся не от супружеской жизни, а в погоне за удовольствием. Человеку необходимо строить что-то вдвоем, вместе с родственной душой...

Пауза. Сергей обалдело смотрит на меня:

— Октав, ты с дуба рухнул?
— Нет, я серьезно... От любви можно умереть.
— Ты правда говоришь что думаешь?
— Совсем охренел?! Ха-ха-ха, хорошо я тебя наколол!!
— Сука! Француз поганый! Нет, вы слышали, девочки, что он мне тут заливал, этот mother fucking frantsuzik?

Я не мог долго сопротивляться светскому цинизму, даже если он мне надоел. Искренне влюбленный человек на такого рода тусовке может только обосрать всю малину, а я меньше всего хотел показаться Лене робким и липучим тормозом.

— Знаешь разницу между браком и разводом? Свадьбу празднуют только один раз, а развод — каждый день!

— Поэтому разводиться гораздо утомительнее, чем жениться.

— Верность — единственное средство трахаться без резинки.

— А еще — деньги.

— К вопросу о деньгах: на ближайших выборах тебе придется выбирать между двумя кланами: Абрамовича — Путина и Березовского — Ходорковского.

— ЗАТКНИСЬ, ОКТАВ! Клянусь головой Стивена Сигала, лучше тебе никогда не произносить эти имена в моем присутствии, понял? — Он тискал мой прадовский пиджак своими бешеными красными ручищами. — Поговорим о чем-нибудь еще, мой друг, не то я тебя спалю напалмом.

Мы отлично ладили с Сергеем, пока речь не заходила о продырявленных нефтепроводах и внутренней политике. Как правило, русские крутышки не любят, когда им задают много вопросов, они и сами себе стараются их не задавать. Как и всякому уважающему себя миллиардеру, Сергею нравилось окружать себя начинающими модельками и обдолбанными джетсеттерами, он тусовался не переводя дыхания, как будто ссылка в Сибирь уже назначена на завтрашнее утро... Когда мы, как из пушки, проносились по Москве на его бронированном джипе, за нами всегда следовала машина телохранителей при полной боевой выкладке и лимузин, забитый до отказа обкуренными телками. Я подсоединял свой айпод к авторadio и играл в диджея на колесах (вот мой плей-лист: «2 Many DJ's», «The Methadones», «Prodigy», Джастин Тимберлейк, «Aerosmith» и «ABBA».) Я худо-бедно помогал ему увеличить поголовье дырок и щелок, но мы с ним одинаково нуждались друг в друге. Так зарождается настоящая дружба. Кинув ключи от тачек парковщику во фраке, мы ныряли в толпу вышибал с «ухом» и физиономистов в черных

футболках с выпяченной кобурой. Поначалу девочки обалдевали от количества горилл, которых нам приходилось раздвигать на своем пути, просто чтобы поужинать в новомодном ресторане. Всякий раз, входя в очередной холл, выполненный в песочных тонах, Сергей кричал:

— Есть ли в зале чеченские сучары? Вали отсюда, пиздюк!

Наши спутницы деланно пугались, шокированные суммой чаевых, брошенных прямо на пол. Но по прошествии нескольких дней они запросто заказывали жеробоам шампанского «Cristal» по 20 000 евро за бутылку и участвовали в групповухе на корабле, как все нормальные люди. Сергей продумывал все до мельчайших деталей: в Сен-Тропе его ждали на рейде три яхты, на двух маленьких были установлены прожектора, освещавшие главную. Мы летали туда на одну ночь на его самолете. Девочки быстро приновились к такому образу жизни. Одна, я помню, сказала:

— Я не тусуюсь с парнями, у которых $\text{price/earning ratio}$ ^[101] ниже восьмидесяти.

А другая, когда я спросил, за кого она собирается голосовать на президентских выборах 2008 года, ответила:

— Ж'адор^[102] «Диор».

Вытянувшись у низких, запорошенных снежком столиков в «Шатуше», клубе «Орега» или «7», они сравнивали под звуки balkan groove размер своих часов, критиковали кондиционер в самолете и все лето сморкались. Подсаживались они быстро, и тем больше им было падать.

— Блин! Опять суп из омара!

Ужасно, как некоторые женщины быстро портятся. Из-за наркотиков они теряют килограммов десять за две недели, щеки впадают, груди пустеют. Румяные лица сереют. Они уже не улыбаются или, что еще хуже, улыбаются все время, скаля искусственные флуоресцирующие зубы. На наших глазах они постепенно превращаются в бомжих. Посреди ужина вдруг вскрикивают: «Черт! Забыла своего шофера!» Блюют в вертолетах, насосавшись розового шампанского. Зря они так быстро страшнеют, потому что их тут же выкидывают без всякой жалости.

Проблема состояла в том, что моя была не такая. Я благоразумно не выставлял ее на всеобщее обозрение и поэтому все время боялся двух вещей: что у меня ее уведут или что она перестанет быть самой крутой. Я пристально за всеми следил: за мужиками, представляющими для меня угрозу, и за потенциальными соперниками. Не знаю, чего я больше опасался: что Лена уйдет к другому или что окажется хуже своей соседки. Я постоянно был начеку. Моя жизнь превратилась в череду вытаращенных

глаз и взглядов исподтишка. Я был парнем лучшей телки мира, то есть самый недоверчивый человек в России. Я так легко поддаюсь чужому влиянию, святой отец, просто ужас. Помню, как-то раз меня свела с ума одна классная дылда. Ну, конечно, Таня из Нижнего, я говорил вам о ней в начале года. Стоило двум моим приятелям заметить, что это тетя лошадь и ступни у нее слишком длинные, и улыбается она одними деснами, как я перестал с ней даже разговаривать. Я не выбираю, кого любить, предоставляя другим решать за меня, и так было всегда. Я вообще ничего сам не выбираю — ни работу, ни женщин. Я никогда никому не говорю «нет», это слишком неприятно. Плыву по воле волн, мне хочется, чтобы все меня любили и я бы никого не разочаровывал. Я ближе, в каком-то смысле, к поплавку, чем к человеческому существу.

Леди и джентльмены, welcome to the official Saint Petersburg's «Aristo Style of the Moment Contest»!^[103]

Режиссер погасил свет в зале, чтобы зрители наконец зааплодировали. За сценой девушки, трясаясь от холода, растирали друг другу руки в ожидании своего выхода. Иногда мамы или тети щипали их за щеки, чтобы они лучше выглядели, или поднимали им грудки, затянутые в боди, в стиле «не проходите мимо». У некоторых конкурсанток вокруг глаз чернели круги, потому что они всю ночь нажирались в «Забава-баре» или в «Онегине»; эти вылетят первыми. Украинец Омар Арфуш требовал выгнать кандидатов, жующих жвачку. У нас у всех свои тараканы. Я приказал Лене потихоньку выплюнуть мне в руку свою абрикосовую «Bubble Yum», и с высокомерным видом ступать прямо, словно по воображаемой проволоке. «Смотри вдаль, ищи горизонт. Никогда не размахивай руками, как орангутанг, лучше положи их на бедра. Шагай широко, словно ты самая счастливая девушка, которую они видели в своей жизни. Главное, не ходи вперевалку, лучше ставь носки немного внутрь, типа девочка только что вышла из школы, все педофилы будут твои, и это поднимет аплодиметрические показатели — их тут целая толпа в зале. Be determined, be fierce.»^[104]

Журналисты задавали ей страшно оригинальные вопросы: «Where do you come from?», «How old are you?», «Why do you want to become a model?»^[105] (хотя единственное, что надо было бы спросить: «What is your room number, angel?»^[106]). Церемония протекала очень просто. Первый выход в одежде, второй в бикини, жюри ставит отметки, парочка сальных замечаний в микрофон, и дело в шляпе. Мне не пришлось даже мухлевать с результатами: Ленина невинность, столь же деланная, как и национальность, обеспечила ей победу, это было ясно, тут, как говорится, и к бабке не ходи. (А столько баб вокруг нее бывает нечасто.) Я оказался прав, женские ноги — это ножки циркуля, вонзенные мне прямо в глаза.

Победив в конкурсе, Лена представила меня своей матери Ольге — миловидной блондинке лет сорока. У меня было такое чувство, что я ее уже когда-то видел, но я не успел с ней даже перемолвиться, — она была так взволнована триумфом дочери, что разрыдалась и убежала за кулисы. Тогда

в примерку вошел Сергей и все испортил, пригласив Лену к себе:

— Russian Federation ready for discussion! Everybody, come to my house for huge party!^[107] О, дети родины, вперед! Настал день славы!

Я попытался воспротивиться:

— Заедем к тебе на десять минут, и все...

— Как это, ты ж мой кореш. Если уж приедешь, то останешься минимум на десять часов.

Я чувствовал себя куском мяса в лагмане (это узбекский суп на кошащем бульоне с плавающей вермишелью). Мой ненавязчивый друг протягивал мне пакетик с белым порошком:

— Октав, use Colombian sodium to wake up!^[108]

Медляк станцуй со мной по-русски
И посети анклав мой узкий,
А если смелый, то рискни —
Мне под ресницы загляни.

С моей душой славянской тонкой
Я западаю на подонков,
Я вероломно-романтична,
Стеснительно-циклотимична.

Наверно, надо мне, ты прав,
Чуть сбавить жизни обороты.
Восточноевропейский нрав
Не по зубам тебе, ну что ты.

Читая это, Лена Дойчева
Позевывала ненастойчиво,
Скучала, да, — а жизнь идет —
И замуж вышла через год. [\[109\]](#)

Лена в гостиничном номере 403, в трусиках с глубоким вырезом и котоновой розовой маечке:

— Значит, будешь продавать мою рожу фабрикантам злокачественных опухолей? Странная идея.

Я: Буду, но бери выше: они еще производят меланомы и метастазы... Остерегайся Идиота, он замурует тебя на своем заводе по изготовлению слез или сделает тебе ребенка, чтобы выдоить материнское молоко. Он-то и торгует необходимыми компонентами для омолаживающей косметики «Л'Идеала». И заражает раком потребительниц вечной юности.

Лена: Так зачем ты знакомишь свою лауреатку с этим психопатом? Ты точно меня любишь?

Я: Да, любовь моя.

Лена: Точно-точно?

Я: Да, любовь моя.

Лена: Точно-точно-точно?

Я: Да, любовь моя.

Лена: Точно-точно-точно-точно?

Я: Ну нет, это уж чересчур. Никто не может быть уверен точно-точно-точно-точно, не требуй слишком многого. Твое лицо спасет западный мир. Большому капиталу требуются твои глаза и зубы! Ты можешь помочь Западу поцарить на планете еще несколько месяцев! Твоя челка, твои мочки, веки...

Лена: Прекрати влюбляться в какие-то физические мелочи! Люби душу!

Я: Красота и Добро — суть одно. Платон говорит это в «Федре».

Лена: Знаю, я сама тебе это сказала.

Я: У нас то лицо, которого мы заслуживаем, даже в четырнадцать лет. Мне нравится твоя внешность, поэтому все остальное я тоже люблю. Твой ум, твою глупость, твои твердые, словно искусственные, грудки, и твое противное нетерпение, и честолубие, воспаляющее твои щечки, и попку, упругую, как резиновый мячик, твою страсть к неуловимым мужикам, сияющие синие глаза и эластичную кожу, — все в одном флаконе.

Я долгое время считал, что желание можно вызвать в себе рациональным путем и что меня должна привлекать самая красивая девушка в мире. Я ошибся: со мной произошло прямо противоположное. С

тех пор как я с тобой познакомился, увидел твои обгрызенные ногти и острый клык, твое юношеское одиночество, косолапые ножки и невероятные глаза, твое сиротливое чтение и ямочку на левой щеке, ты стала для меня самой классной девочкой на свете. Красота не терпит объективности. Только субъективность может указать нам верный путь, со всем тем, что она в себя включает: мои воспоминания, твое будущее, весь мир и его разбившиеся самолеты, твою любимую песню и страны, где мы побывали и побываем еще...

Лена: Ты что-то глубоко вздыхаешь, странно.

Я: Ты часто повторяешь «странно». Лена: Чудно.

Я: Прекрати жевать жвачку, когда я влюбляюсь, это невыносимо, в конце концов. А может, родим ребенка?

Лена: Не, ты слишком старый! Он ненадолго тебя застанет.

Я: Спасибо.

Она водила по верхней губе кофейной ложечкой. Я рассмешил ее, намазав себе зубы шоколадным муссом. Она была так прекрасна, что ничего, кроме белой футболки, ей надевать не требовалось.

Я: Ты сможешь меня когда-нибудь полюбить?

Лена: Любовь — это долгая, тяжелая работа... Ты цитируешь Платона, но плохо его помнишь. В «Федре» Лисий советует больше угождать тому, кто не влюблен.

Я: ОК, я тебя ненавижу и никогда тебя не полюблю!

Лена: Поздно!

Я: Именно. Я думаю, ты явилась, чтобы заполнить собой пустоту в моем сердце. Ты даже не догадываешься, насколько совершенна.

Лена: Не догадываюсь... Говорят... как посмотреть... И что мне с того? Это только отпугивает самых классных мужиков.

Я: Именно.

Моя болтовня уже даже не сместила ее. Я был слишком неповоротлив. Стоило нам приехать к Сергею на вечеринку в честь ее победы, как я понял, что все пропало. Входная дверь с системой распознавания по отпечаткам пальцев и голосу, электронный глазок, камеры наблюдения, вооруженная охрана на вышках — загородный дом Идиота произвел неслабое впечатление на фальшивую чеченку. Она забавлялась, как влюбленный ребенок, — открывала окно в машине, чтобы подставить лицо ветру, а я повторял, приложившись к бутылке: «Такая девка мне не по зубам. Не по зубам». Через пять минут она начала говорить с Сергеем и его коллегами по-русски. Пламя свечей плясало в ее зрачках. Я остался за

бортом ее жизни. Они говорили на языке, которого я не понимал, она заводила его (наверно, чтобы я приревновал, либо хотела возбудить меня, а может, просто запала на его лысый череп и жестокую улыбку). Я старался принять беззаботный вид, но внутри у меня все кипело. Я оказался пленником этой девчонки, она ускользала от меня, при том, что я сам задумал ее побег. Мне бы выразить свое неодобрение, но я повел себя как последняя блядь, капитулировав перед властью денег. И даже пошел откупорить им бутылку «Dom Ruinart», тоже мне лакей на побегушках. Я сидел как мешок с дерьмом и дулся в своем углу, массируя спину близлежащим шлюшкам. Надеялся вызвать в ней ревность. Я снова стал иностранцем — в личном и общественном плане, и Лена с каждым мгновением все безнадежнее забывала меня. Никогда я с такой отчетливостью не ощущал, как уходит время, — Сергей стирал мое существование дежурной славянской шуткой.

На ней было декольтированное платьице телесного цвета, так что трудно было понять, где кончается материя и начинается кожа, и это сводило меня с ума. Я чувствовал, что меня захлестывает яростная ревность, как будто я вдруг осознал смысл слова «забвение». Я опрокинул несколько рюмок «Путинки» в надежде, что алкоголь послужит мне общим наркозом. У меня заплетались ноги от еле сдерживаемой боли и холодного бешенства. Я улыбался, как оглушенный боксер, который, несмотря на град ударов, отказывается признать, что он в нокауте. Я ждал гонга. Ну не падать же мне было на колени со словами: «Леночка, я тебя люблю, уйдем отсюда!» Как же я сейчас сожалею, что не сделал этого, опасаясь, что меня поднимут на смех. Боже, как смешон страх показаться смешным! Мне стыдно было признаться в своей влюбленности перед этими жлобами. Я снобировал Лену, я открыто презирал ее, я неуважительно обращался с ней, чтобы показать всем, что мне насрать (но, оставшись с ней наедине, я превращался в жидкую субстанцию и бежал от нее, как Гёте от Фредерики Брион).

Сергей обзывал меня по-русски, повторял «ne sluchaino», свита стояла за него горой, Лена отдалялась от меня, сближаясь с ним, он ничего не делал, чтобы помешать этому, а она ничего не предпринимала, чтобы защититься. Он затащил ее в свой секс-салон, где девушки стояли на коленях с голым бюстом. Я зажмурился, еле сдерживая слезы ярости, развернулся и ушел... Лена спросила вслед, не хочу ли я уехать. Я ответил: «Спокойной ночи». Мне было грустно грустить, Лене грустить нравилось. Непонимание между мужчинами и женщинами возрастает, если они не знают, что любят друг друга. Я не хотел, чтобы она заметила мои муки. У

современных Вальмонов грудь стоит колесом от разбитого сердца, просто они сменили парик на мобильник с гарнитурой bluetooth. Больше мы не встречались. В окно мне было видно, как девушки, заломив ей назад руки, похотливо раздевали ее и целовали в язык, заставляя ее вылизывать мужиков снизу доверху. Сергей отдавал команды, и Лена покорно исполняла их. Я, пятясь, наблюдал за этой сценой. Я надеялся услышать крик о помощи, но она уже расслабилась и получала удовольствие. Может, она и звала меня, но я был слишком далеко и не услышал, я злился, что она поехала со мной, ненавидел себя за трусость, я хотел, чтобы она вспомнила обо мне и взмолилась: «Октав, заberi меня отсюда, что мы тут делаем?» Но моя девочка охотно включилась в игру, томно прикрыв глаза и забыв обо всем. Да она и не смогла бы меня позвать, — у нее был занят рот. Может, ей нравилось, что ей отдают приказы. Может, меня вообще никогда не было. Вот последняя картинка, которая стоит у меня перед глазами: Лена нагибается, зажмурившись, чтобы облизать Сергею пальцы. В парке, окружавшем дачу, на водной глади бассейна плавали 500-долларовые купюры. Официанты, встав на четвереньки, пытались выловить бумажки, застрявшие в пластиковой решетке.

Достоевский был убежден, что красота спасет мир, а вдруг она, наоборот, разрушит его? В одном из эпизодов «Частей тела» серийный убийца говорит, что красота — это проклятье нашего мира (а доктор Трой спокойно трахает какую-то страхолюдину, натянув ей на башку бумажный мешок). Отец мой, эта минута имеет огромное значение. Как в «Преступлении и наказании», я могу либо нажать на детонатор, и тогда все взлетит на воздух, либо решить не делать этого, но это решение зависит не только от меня, но и от тебя, и от Лены, и, возможно, от Бога, если он сообразовит обратить на нас внимание. Если я нажму, то не буду единственным виновником взрыва, это будет коллективное преступление. Я за коллективизацию преступности. Я коммунист.

Не по зубам. Я узнал, чем кончилась та вечеринка. Все так напились, что начали потрошить подушки. Выпустив гусиные перья в воздух, они стали поливать своих девушек медом и обваливать их в пуху. Оргия превратилась в курятник с человеческим лицом. Говорят, на следующий день прислуга попросила прибавки к зарплате. Ленин, вернись, они сошли с ума!

Такому типу, как Сергей, красота не нужна, но — и это еще хуже — он ищет новизны (как Казанова: «Новизна — тиран моей души»). Ему просто нужно занести еще одно имя в список своих охотничьих трофеев. После того как я ушел с его пати, Идиот прекратил крышевать меня. Он знает, что я ему больше не друг. Эти люди ненавидят тех, кто оказал им услугу. Друг, представивший ему идеальную производительницу слез, может стать только его врагом. Ну и ладно, зато он научил меня пользоваться взрывчаткой. Электрические кабели, подрывной заряд, детонаторы, управляемые с мобильного телефона, нет, правда, я ему обязан по гроб жизни. Сечешь? Если тут все рванет к чертям, то только благодаря ему. Он коллекционирует огнестрельное оружие. У него на даче хранится целый арсенал: «узи», гранаты, базуки, тротил... Когда власть распределяет госсобственность, она снабжает новых владельцев необходимыми средствами ее защиты, у нее просто нет иного выхода, если ей не хочется, чтобы заводы снова попали в лапы восставшего народа. В тот вечер, когда я сбежал и ушел в подполье, я кое-чего прихватил в его оружейном подвале и увел «хаммер», набитый взрывчаткой. Я обменял Лену на автомобиль, достойный «Платы за страх». Его с лихвой хватит, чтобы подорвать твою «чернильницу»!

Лена сейчас придет... Я возьму ее за руку и попрошу прощения, словно на помощь позову. Пойми меня, старец, я совершил непростительную ошибку — я все время просил ее убегать от меня, и она послушалась! Гуляя по Летнему саду после нашей восхитительно ужасной первой ночи, мы присели на скамейку под дубами, и тут я решил закинуть удочку:

— В тот день, когда ты станешь моей, я заскучаю, и ты мне очень дорого за это заплатишь.

— Да ну?

— Так уж я устроен. Я буду тебя любить, пока ты меня не полюбишь.

— Зачем столько пафоса? Вы весь дрожите, успокойтесь...

Она пила пиво из горла, и ногти у нее были синие, как зрачки.

— Лена, если тебя не затруднит, не называй меня больше на «вы».

— Ну, я ж не говорю по-французски!

— Да... По-английски «ты» и «вы» существуют и не существуют одновременно, как кошка Шрёдингера.

— Странный вы человек, Октав. Говорите всякие злые и романтические слова, хотя мы всего-то одну ночь вместе провели.

— Ночь может быть длиною в несколько жизней.

— Это нереально.

— Реальность скучна.

— В сказках одна сплошная выдумка.

— Напротив, это единственное, что существует на самом деле. Надо просто набраться мужества и нырнуть в сказку. Поверить в Перро и братьев Гримм, как верят в Бога и Деда Мороза, поверить в любовь и счастье, в перераспределение доходов и всеобщую справедливость, в мировое правительство, возрождение плоти и в бессмертие души. И еще в людоедов.

— Ты мне только спать мешал. Мне понравилось с тобой целоваться, знаешь, я вот уже год как не девочка, и я могла бы привыкнуть к тебе, мне даже хотелось бы узнать вас поближе.

— Продолжай ускользать от меня, о близкое и странное создание. Поверь мне, так для нас обоих будет лучше.

— Отлично, тогда da svidania.

Она рывком вскочила с места, я даже закашлялся. Наверняка в мире существует нечто еще более прекрасное, но мне оно не попадалось. Я задрал голову к вершинам елок, где надрывно кричала чайка. В пруду, хоть и заросшем тиной, отражались переливчатые кусочки Санкт-Петербурга. Я схватил ее за руку, по всем правилам мачо (косил в ту минуту под Михаила Строгова). Она печально взглянула на меня:

— Ты как все мужики, стоит мне уйти, как вы за мной бежите. Я разочарована.

— А я нет.

— Я не ты, я могу полюбить. I can love. You are just pretending. [\[110\]](#)

Потом она добавила по-французски:

— Ты правда хочешь, чтобы мы были все же на «ты»?

Я опустил глаза, чтобы не ответить:

— Я хочу, чтобы мы были же-на-ты.

Она позволила мне взять себя за руку. Я лег на скамейку, она села на

меня верхом, сомкнув колени под короткой юбкой, и я понял, что можно любить кого-то, не выпуская никогда его руки.

Как меня колбасит... Holy man, знаешь, я не всегда тебя понимаю... Мне вообще невдомек, как можно заниматься чем-либо, кроме любви. Когда она придет? Почему ты смеешься? Святой отец, как не стыдно потешаться над моими чувствами! Раз в жизни я тебе поверяю что-то прекрасное, великое, небесное, а ты презрительно усмехаешься, ах, как это неприятно, я мог бы обидеться и нажать на кнопку, чтобы положить конец нашей беседе... Если я пока сдерживаюсь и не взрываю твой новенький храм, то только потому, что жду Лену. Я увезу ее в «Нгоронгоро Кратер Лодж», в хижину масаи, разбудив розовых фламинго на восходе танзанийского солнца. То есть как она не вернется? Что ты такое говоришь... рю Дарю?

Плевал я на рю Дарю, я толкую тебе о любви, о женщине моей жизни! Мы же вроде договорились: ты мне возвращаешь Лену, я тебе отдаю твой храм! Какое отношение имеет Лена Дойчева к рю Дарю, где мы с тобой познакомились в девяностых годах? Что? Подавальщица в русской лавке? Да, ну и что, очень она была хорошенькая, эта Ольга, Оленька, не помню уже, ОК, ну переспал я с ней тогда пару раз, и что? А? Ольга как? НЕТ. Дойчева, нет, не может быть, это же фамилия Лен... Даты не совпадают. Подожди. С Ольгой у меня было... в 1992... Нет, ты прикалываешься! Tvaia mat! Нет, это не я, скажи, что ты pizdish, мне плевать, я потребую тестов ДНК! Но как ты мог со мной так поступить, смотри пожалуйста, ты все знал с самого начала, влюбился в Париже в ее мамашку и четырнадцать лет спустя смог наконец мне отомстить, вот почему Лена так на меня похожа, подсознательно я всегда это знал, ты хотел вернуть мне веру, приведя меня к моей дочери... О, БОЖЕ МОЙ, Я РЫДАЮ, ЭТО СЛИШКОМ МЕРЗКО, ПРЕКРАТИ СМЕЯТЬСЯ, ТЫ ДЬЯ...

Оперативные группы МЧС сообщили о завершении поисково-спасательных работ спустя две недели после теракта. Солдаты внутренних войск в течение двух месяцев разбирали руины, десятки стран послали своих спасателей и необходимое оборудование. «Врачи без границ» и срочно обустроенные центры экстренной психологической помощи принимали многочисленных раненых, обнаруженных служебными собаками и вытащенных из-под завалов. В результате обрушения храма погибли или пропали без вести 526 человек, 362 человека получили ранения. Тело

Октава Паранго опознано не было.

По городу долго ходили слухи, что будто бы были свидетели, видевшие человека, похожего по описанию на Паранго (высокий бородач с длинными волосами), который, чудом уцелев, сам выбрался, из-под обломков через три дня после трагедии, отряхнул порванный в клочья пиджак и, переступая через груды мусора, скрылся за рулем автомобиля Международного Красного Креста. Розыскные мероприятия милиции и ФСБ и по сей день не дали положительных результатов. Ни к чему не привело и прослушивание телефонных разговоров его биологической дочери Елены Дойчевой, выдавшей себя за чеченскую топ-модель и заключившей контракт с компанией «ЛИдеаль». Те же источники утверждают, что террорист приехал к Елене Дойчевой в Ташкент, где та скрывалась после этой скандальной истории со своим женихом, знаменитым сноубордистом Виталием Ростовым. Говорят, что семья находится под защитой секретных служб России, поскольку теракт способствовал приходу к власти нового правительства. Журналисты, которые, проведя собственное расследование, уверяли, что существует связь между концерном «Ойлнефть» и терактом, все погибли в течение нескольких месяцев после описанных событий. Эти клеветнические измышления не имеют под собой никаких оснований, поскольку психически больной террорист был официально признан погребенным под обломками храма. Следствие по делу о разрушении храма Христа Спасителя в Москве закрыли 20 апреля текущего года, в день, когда Сергей Орлов, бывший гендиректор «Ойлнефти», был избран президентом России после краткосрочной предвыборной кампании, в ходе которой во главу угла были поставлены вопросы общественной безопасности и сохранения, национальных и православных ценностей.

Отдельные лица — их, право, жаль! — уверяют, что эта история выдумана от первого до последнего слова.

Москва-Париж, 2005-2007

Если опыт XX века не послужит человечеству должным уроком, то в будущем кровавый смерч рискует повториться с новой силой.

Александр Солженицын

---

notes

Примечания

Букв.: то, что сразу приходит на ум (англ.). Маркетинговый термин, первая названная (первая вспоминаемая) марка и соответствующий тест на популярность товара. (Здесь и далее, кроме особо оговоренных случаев, — прим. перев.)

«Сделайте меня красивой. Идеальное настроение, идеальное лицо, идеальная жизнь» (англ.).

Это имя позаимствовано автором из «Записных книжек» А.П. Чехова.

4

«Дайте угадаю» (англ.).

«Метр семьдесят восемь? Сорок девять кило?» (англ.)

Намек на трилогию канадского писателя Шона Рассела «Лебединые войны».

Позвольте представить вам... ей четырнадцать лет (англ.).

Привет, я буду легальна через два года (англ.).

«Это маленький шаг для одного человека и огромный шаг для всего человечества» (англ.) — знаменитая фраза Нила Армстронга.

Фанатки (от англ. «want to be / wanna be», «хотеть быть»). Слово появилось в 1980-е и первоначально относилось к поклонницам Мадонны.

Дамбо — слоненок с большими ушами, герой известного мультфильма.

Намек на реплику Химены, обращенную к Дону Родриго в «Сиде» Корнеля: «Я тебя не ненавижу». (В русском переводе М.Лозинского: «Родриго. Пасть от твоей руки мне будет меньшей казнью, / Чем жить, казнимому твоею неприязнью. / Химена. Ах, нет ее во мне!»)

13

Название песни французской рэперши Диамс.

«Это твой СЫН? Какой МИЛЕНЬКИЙ!» (англ.)

«Когда чувствуешь, что жизнь чересчур тяжела, просто поговори с Богом» (англ.) — слова из песни Стиви Уандера.

«Смотри, он опять покраснел, твой сын такой РОМАНТИЧНЫЙ!»
(англ.)

Нейи — богатый пригород Парижа.

«Плавучий остров» — десерт из взбитых белков, плавающих в ванильном соусе.

«У меня нет целлюлита!» (англ.)

Я дала тебе шанс, а ты его потерял (англ.).

Ненавижу тебя (англ.).

Магазины биопродуктов (англ.).

Ты в моем сердце. И в моих снах (искаж. англ.).

Песня Дженнифер Лопес.

Он сказал, что ищет новые лица. Я всегда мечтала стать моделью, поэтому согласилась на фотосессию в его студии. Он оказался настоящим профессионалом, и я связалась с ним. Но это длилось недолго. Он сказал, что я еще слишком молода, нервничал, спрашивал все время у меня документы. Но ведь Каролина Куркова подписала свой первый контракт с Миучией Прадой в 15 лет! В чем проблема-то? (англ.)

Бернар Пиво — французский журналист, телеведущий, член Гонкуровской академии.

Габриель Матцнев — французский писатель.

Здесь: в стиле восьмидесятых (англ.).

Яркой (англ.).

Пухлой (англ.).

Девчушки (англ.).

Дикие (англ.).

«Л'Идеаль — Ведь все вы уникальны» (англ.).

От англ. to greenlight — давать зеленую улицу.

Транссексуал (англ.).

Игорь и Гришка Богданофф — французские телеведущие и продюсеры.

Ли, вы просто блистательны! (англ.)

Милосердие (англ.).

Заткнись. Достали твои шутки (англ.).

По-французски slave — славянский, славянин.

Посольство. Наше правительство дружит с президентом Путиным (искаж. англ.).

Рагу из дохлого барана; варится в течение часа в собственном жиру с маслянистым рисом и бурыми овощами, плавающими на поверхности; изысканное традиционное кушанье, пришедшее к нам из Самарканда. Рекомендуется потреблять лишь в случае неминуемой угрозы вооруженного конфликта с какой-нибудь из республик бассейна Аральского моря. (Прим. автора.)

Здесь; выход за границы допустимого (англ.).

Филипп Тессон — французский журналист, теле- и радиохроникер, его сын Сильвен Тессон — путешественник и писатель.

Подиум (англ.).

Бидар — приморским городок в Атлантических Пиренеях.

Письмо А.П. Чехова А.С. Суворину от 23 марта 1895 г.

«Я ЖЕНАТ. ПРИСТРЕЛИТЕ МЕНЯ!» (англ.)

Больница Святой Анны — парижская психиатрическая лечебница.

Ориентир... убежище (франц).

«Богатый и красивый» (англ.).

«Но я буду стараться выразить себя в той или иной форме жизни или искусства так полно и свободно, как могу, защищаясь лишь тем оружием, которое считаю для себя возможным, — молчанием, изгнанием и хитроумием» (Дж. Джойс. «Портрет художника в юности». Перевод М. Богословской-Бобровой).

«Люди-бомбы» (англ.).

Поль-Жан Туле (1867–1920) — французский писатель, поэт, автор нескольких романов и поэтического сборника «Антистихи», опубликованного посмертно (1921).

Габриэль Марсель (1889–1973) — французский философ и драматург, с именем которого связано возникновение экзистенциализма во Франции.

Здесь-бытие, вот-бытие (нем.), философский термин М. Хайдеггера.

Ашенбах и Тадзио — персонажи новеллы «Смерть в Венеции» Томаса Манна.

От англ. розовый бутон — слово, которое произносит перед смертью герой фильма Орсона Уэллса «Гражданин Кейн» (1941).

Нескладная (англ.).

В трактате «О любви» Стендаля кристаллизация — метафора состояния души влюбленных, когда избранник или избранница начинают казаться прекраснее, чем они есть на самом деле.

Эмиль Куэ (1857–1926) — французский психотерапевт, сторонник метода самовнушения.

Жан-Люк Брюнель — учредитель французского модельного агентства «Karin».

Тим Джеффрис — английский бизнесмен, один из женихов Клаудии Шиффер.

Омар Арфуш — ливанский композитор, бизнесмен, организатор и член жюри конкурса «Мисс Европа»; вместе с братом Валидом издает в Киеве журнал «Папарацци» на украинском языке.

«Ты моя Утопия» (англ.).

Заткнись! (англ.)

Зачем? (англ.)

Французский художник Ив Кляйн известен, в частности, своим синим цветом, который он запатентовал как International Klein Blue. ИКВ, Международный Синий Кляйна.

Ваше святейшество (англ.).

О, не надо, пожалуйста! Мне придется убирать труп! (англ.)

«Привет, я от отца Иерохиромандрита. Мое имя — Елена, но все зовут меня Лена» (англ.).

«Меня зовут Октав Паранго. Я работаю на агентство „Аристо“ и ищу вас с той минуты, как приехал в Россию» (англ.).

Без труда не вытащишь и рыбку из пруда (англ.).

To introduce.

После выхода на экраны фильма «Тайные страсти» (2002) две молодые актрисы, не прошедшие кастинг, подали в суд на Бриссо за «сексуальные домогательства». Бриссо условно приговорили к году тюремного заключения.

Одной капли достаточно! (англ.)

«Не говори моему букеру» (англ.).

«Трахни меня! Я классная» (англ.).

Ричард Бренсон — британский бизнесмен, создавший, в частности, в 2004 г. компанию «Virgin Galactic».

В 1854 г. папой Пием IX был принят догмат о Непорочном Зачатии Богородицы.

Я еще вернусь! (англ.)

Будь крутой (англ.).

Тинейджер навсегда (англ.).

Слииишком роскоооошная (англ.).

Девочки манга (англ.), один из типичных вариантов аниме-героинь.

Здесь: Ультравредная Красота (англ.).

Ш. Бодлер. Красота. Перевод В. Брюсова.

Новая жизнь (англ.).

Отсылка к названию фильма Джо Джонстона «Дорогая, я уменьшил детей» (1989).

Пьер Мерио — французский писатель, автор романа «Ирреалист» (2005).

Ты подожгла мою постель (англ.).

«Забавная драма» — фильм Марселя Карне с Луи Жуве (1937).

Здесь: «Дьявол, притворившийся ангелом» (англ.).

CNRS — Национальный центр научных исследований во Франции.

Какой твой любимый наркотик? (англ.)

Что? (англ.)

Любовь моя, сделай мое желание реальностью! Оооо она так возбуждает! (англ.)

Бернар Арно — президент группы LVMH, занимает первую строчку в списке 500 самых богатых людей Франции.

Франсуа Нино — французский миллиардер, основатель компании PPR («Пи́но-Прента́н-Редут»), владелец аукционного дома «Christie's», дома моды «Gucci» и др.

«Idiot International» — французский сатирический журнал.

Коэффициент цена/прибыль (англ.), отношение текущей цены акции к прибыли на акцию за год.

От франц. J'adore — обожаю, название туалетной воды.

Добро пожаловать на официальный санкт-петербургский конкурс
«Аристо Стайл»! (англ.)

Будь решительна, будь неудержима (англ.)

«Откуда вы родом?», «Сколько вам лет?», «Почему вы хотите стать моделью?» (англ.)

«В каком номере ты живешь, ангел?» (англ.)

Российская Федерация готова к переговорам! Поехали все ко мне на грандиозное празднество! (англ.)

Нюхни колумбийской соды, чтобы очухаться! (англ.)

Перевод И.Кузнецовой.

я могу полюбить. А ты только изображаешь (англ.).